

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 5/2017

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), научный руководитель
Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник
Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора
Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Караваева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономической теории Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2017

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);
Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);
Дерябина М.А., канд. экон. наук;
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук;
Шацкая И.В., канд. экон. наук;
Грибанова О.М.

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
ISSN – 2073-6487

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-(499) 724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2017

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 25.10.2017.
Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 01/24107

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Смотрицкая И.И.	
Новая экономическая стратегия требует нового качества государственного управления	7
Курнышева И.Р.	
Государственное регулирование структурных преобразований в условиях конкуренции	23
Соболева И.В.	
Серая зона российского рынка труда: масштабы и подходы к сокращению	36
Кубишин Е.С.	
Обеспечение достойных условий и безопасности труда в контексте государственной социальной политики.	47
Кинасова Е.Д.	
Экономическая эффективность внешней трудовой миграции	61
Соловьева Ю.Н., Фейгин Г.Ф.	
Тенденции развития ИКТ в России: феномен информационного неравенства в регионах	79

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Дерябина М.А.	
Теоретические и методологические основания самоорганизации ..	95
Сморodinская Н.В.	
Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития.	104

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Глинкина С.П., Яковлев А.А.	
Торговое сотрудничество стран БРИКС в условиях Китаецентричности и политики импортозамещения в России	116

Трофимова О.Е.	
Миграционные процессы в Евросоюзе: новые вызовы и риски	132
Турсунов Б.О.	
Стратегия развития легкой промышленности Республики Узбекистан	146

ЭКОНОМЕТРИКА

Стрижкова Л.А.	
Взаимосвязь между инфляцией, валютным курсом и параметрами экономической политики (на примере России) ...	156
Волкова Н.Н., Романюк Э.И.	
Количественная оценка влияния основных факторов на динамику промышленного производства	177
Сергеев Л.И., Петров А.В.	
Роль эффекта Риккардо в развитии структурных факторов замедления роста российской экономики.	187

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Чубуков А.М.	
Макроэкономические индикаторы экономической безопасности России	202

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Smotritskaya I.I.	
New economic strategy requires new quality of state governance.	7
Kurnysheva I.R.	
State regulation of structural transformations in the conditions of the competition.	23
Soboleva I.V.	
Grey zone of the Russian labor market: scale and approaches to reduction	36
Kubishin E.S.	
Providing worthy conditions and safety of work in the context of the state social policy.	47
Kinasova E.D.	
Economic efficiency of external labor migration	61
Solovyova Yu.N., Feygin G.F.	
Trends of ICT development in Russia: the phenomenon of digital divide between the regions	79

QUESTIONS OF ECONOMIC THEORY

Deryabina M.A.	
Theoretical and methodological foundations of self-organization	95
Smorodinskaya N.V.	
Complication of the organization of economic systems in the conditions of nonlinear development.	104

WORLD ECONOMY

Glinkina S.P., Yakovlev A.A.	
Trade cooperation of the BRICS countries in conditions of Sino-centricity and of Russia's import substitution policy	116

Trofimova O.E.	
Migration processes in European union: new challenges and risks	132
Tursunov B.O.	
Strategy of development of light industry in republic of Uzbekistan.	146

ECONOMETRICS

Strizhkova L.A.	
The relationship between inflation, exchange rate and parameters of economic policy (on example of Russia).	156
Volkova N.N., Romanyuk E.I.	
Quantitative assessment of influence of major factors on dynamics of industrial production.	177
Sergeev L.I., Petrov A.V.	
Role of the effect of Ricardo in development of structural factors of delay of growth of the Russian economy	187

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Chubukov A.M.	
Macroeconomic indicators of economic security of Russia	202

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.И. СМОТРИЦКАЯ

доктор экономических наук, руководитель Центра исследований
проблем государственного управления Института экономики РАН

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТРЕБУЕТ НОВОГО КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются стратегические подходы к повышению качества государственного управления в контексте современных теорий управления и нарастающих глобальных вызовов, обусловленных развитием цифровых технологий. На основе анализа международного рейтинга качества государственного управления дана содержательная характеристика показателей эффективности государственного управления в России. Выделены важнейшие принципы реформирования государственного управления в рамках предлагаемых программ стратегических реформ. Обоснованы базовые положения концепции повышения качества государственного управления и предложены основные подходы к реформированию институтов управления государственного сектора экономики и сферы публичных закупок.

Ключевые слова: *качество государственного управления, эффективность управления, стратегия реформ, институты управления, государственный сектор экономики, публичные закупки.*

JEL: H10, H57, H82, L32.

В условиях санкций и внешнеполитических вызовов России для нивелирования возникающих глобальных конкурентных рисков необходима новая стратегия экономического развития. Однако реализовать ее возможно только при повышении качества государственного управления. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, недостаточно эффективное государственное управление названо в числе главных угроз экономической безопасности.

Чрезвычайная актуальность и приоритетность данной задачи осознается руководством нашей страны. Проблема неэффективности государственного управления широко обсуждается на уровне высших законодательных и исполнительных органов государственной власти. По данным Счетной Палаты РФ, в 2016 г. общая сумма ущерба

от выявленных аудиторами злоупотреблений и недостатков в системе государственного управления по сравнению с 2015 г. выросла на 87% и составила 965,8 млрд руб., на 11,6% выросло и количество этих нарушений. По материалам проверок, переданных в Генпрокуратуру, в 2016 г. было возбуждено в 3 раза больше уголовных дел (45 вместо 15), чем в 2015 г. Особо следует отметить, что в 2015 г. Президент РФ дал поручение повысить эффективность использования бюджетных средств. Из 16 пунктов данного поручения считаются выполненными лишь 5 [6].

Как отмечает Т. Голикова, неэффективность государственных расходов порождается неэффективностью государственного управления, причина которого в низком качестве институтов управления, как государственных (административных) институтов, так и созданных и поддерживаемых государством для управления экономикой [4].

В современной российской экономике низкая эффективность государственного управления является одним из ключевых факторов сдерживания экономического роста. О приоритете повышения эффективности и качества государственного управления над другими задачами заявил Президент РФ В.В. Путин, подчеркнув, что «мы будем ограничивать неэффективные траты и повышать эффективность государственных расходов практически по всем направлениям и одновременно повышать качество управления в самом широком смысле этого слова»¹.

В настоящее время поиск более эффективных моделей государственного управления активно идет в большинстве экономически развитых стран мира. Кризис государственного управления является во многом следствием возрастания количества и сложности проблем, с которыми сталкивается государство, в т. ч. с нарастающими вызовами инновационного и технологического развития, скоростью, многофакторностью и непредсказуемостью изменений, нестабильностью происходящих политических процессов [13, с. 145–146]. Глобализация и внедрение цифровых технологий, появление и распространение новых средств коммуникаций вносят существенные коррективы в систему государственной власти и управления. В этой связи сама категория и концепция качества государственного управления находятся в процессе развития и содержательного наполнения.

Данную тенденцию как ключевую отметил Всемирный банк в своем новом докладе «Государственное управление и закон», призвав страны взять на вооружение *более широкий подход к повышению эффективности государственного управления и переосмыслить подходы к реформированию*, так как успешные реформы – это не только тиражирование «оптимальных практик» управления [20]. Повышение качества государственного

¹ Путин В.В. «Россия зовет!» Выступление на 8-м инвестиционном форуме ВТБ Капитал. Москва, 12–14 октября 2016 г.

управления требует внедрения соответствующих институциональных форм, позволяющих более полно учитывать национальные особенности и решать конкретные проблемы, препятствующие устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Повышение качества государственного управления в контексте современных теорий управления

В современной западной теории научное обоснование и разработка подходов к реформированию институтов государственного управления базируются на изменении фундаментального понимания сущности государства. В последние два десятилетия проблемы кризиса и трансформации парадигмы государственного управления выступают важнейшим направлением исследований, результаты которых определяют принципы формирования новых моделей управления. В первую очередь это парадигма Нового государственного управления (New public management, далее NPM), которая рассматривает государство как систему *сервисных функций*. Соответственно и деятельность государственных служащих сводится к оказанию услуг. Более поздняя парадигма – «Достойное управление» (Good Governance, далее GG), предлагающая перейти от понимания управления как исполнения функций к управлению как *сети взаимосвязей* государства и граждан: граждане участвуют в принятии управленческих решений, а их организации и объединения представлены в системе управления [3, с. 171].

Идеи «нового государственного управления (менеджмента)» и «достойного управления» достаточно хорошо известны в России. Они использовались при разработке ряда реформ в сфере государственного управления. В нашу задачу не входит полноценный обзор теоретической литературы. Отметим лишь, что она достаточно обширна и разнообразна по исследуемой проблематике (см., например, работы И.Н. Баранова, А.Г. Барабашева, Д.Г. Красильникова, Г.Л. Купряшина, А.В. Оболонского, О.В. Сивинцевой, В.Л. Тамбовцева, Е.А. Троицкой и др.). В данном исследовании мы ограничимся рассмотрением основополагающих положений, оказавших существенное влияние на стратегию реформирования и качество государственного управления.

Следует учесть, что в российской литературе при исследовании концепции NPM используется как термин «новое государственное управление», так и термин «новый государственный менеджмент». Часто используемый вариант перевода «новое государственное управление» не несет смысловой нагрузки разграничения администрирования (public administration) от менеджмента (public management), существующей в английском языке. При этом и термин «public administration»

традиционно переводится на русский язык как «государственное управление». Однако, как отмечает профессор В.Л. Тамбовцев, концепция NPM зарождалась именно как противопоставление традиционному «государственному управлению» (public administration) и приближение менеджмента в общественном (государственном) секторе к методам, принятым в бизнесе [18, с. 4]. По нашему мнению, термин «менеджмент» позволяет (с определенной долей условности) дифференцировать различные аспекты государственного управления и отражает практику внедрения новых механизмов и инструментов управления в связи с развитием современных форм экономической деятельности государства, например, государственного предпринимательства [16]. В первую очередь это касается управления объектами государственного (общественного) сектора экономики и государственного имущества в целом.

Новый государственный менеджмент вырос из практики реформирования общественного сектора ряда англоязычных государств (Новой Зеландии, Австралии, Великобритании) в 1980-х годах и получил широкое распространение после выхода в свет книги Д. Осборна и Т. Геблера «Переосмысление государства: как предпринимательский дух трансформирует общественный сектор» [21]. Принципы и идеи NPM были использованы Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и консультантами Всемирного банка (ВБ) для разработки концепции реформ для стран с переходными и развивающимися экономиками [2], например, в рамках Программы содействия совершенствованию государственного управления в странах Центральной и Восточной Европы (СИГМА, 1992 г.). Данные подходы нашли отражение и в концепции институциональных реформ в России в начале 2000-х годов, в том числе в административной реформе, при реформировании системы управления государственного сектора экономики и сферы публичных закупок [7].

Парадигма нового государственного менеджмента оказала существенное влияние на трансформацию роли государства и подходов к государственному управлению в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой. В соответствии с принципами NPM стимулировалось развитие рыночных начал внутри государственного сектора, внедрялись управленческие технологии из частного бизнеса. В результате приватизации и делегирования ряда государственных полномочий рыночным структурам произошло сокращение масштабов государственного управления, а главное – происходил пересмотр обязательств государства и отказ от некоторых из них, связанных прежде всего с социальным обеспечением. В сфере управления государственными ресурсами активно развивалась контрактная система закупок, происходила передача на подряд отдельных государственных функций, внедрялся режим платности ряда государственных услуг для потребителей.

Однако результаты реформирования системы государственного управления на основе принципов NPM оказались неоднозначными. Так, по мнению профессора А.Е. Городецкого, имитация зарубежного опыта административных реформ, основанных на привнесении в государственное управление идей клиентоориентированного государства, методов финансового менеджмента, принципа конкуренции, моделей горизонтальных связей, не адаптированных к особенностям российской экономики, к специфике российских управленческих культуры и практик, не дала ожидаемых результатов. В России «новые подходы наложились на существующие практики приватизации власти чиновниками, теневые коммерческие схемы принятия решений. В итоге это стало одной из причин возникновения дисфункций государственного аппарата, что привело к росту неэффективности государственного управления» [5, с. 428].

Концепция добросовестного (хорошего, эффективного) управления впервые была предложена в 90-х годах прошлого века в документах Программы развития ООН. Основными принципами GG являются: участие; прозрачность; ответственность; эффективность; равноправие и верховенство закона. Добросовестное государственное управление – это осуществление экономической, политической и административной власти при максимальном расширении сферы участия общества в управлении.

Очевидно, что концепция GG выходит за рамки менеджериального контекста, где обществу отводится исключительно роль потребителя государственных услуг и публичных благ. Добросовестное управление направлено на преодоление таких недостатков нового государственного менеджмента, как второстепенность решения социальных проблем, универсальность предлагаемых методов реформирования, без учета институционального контекста каждой страны [12]. Эта концепция фокусируется на демократичных партнерских отношениях и предполагает развитие различных институциональных форм партнерства государства, бизнеса и гражданского общества.

Следует отметить, что на современном этапе в теории и на практике наблюдается тенденция к синтезу идей, принципов и подходов обеих концепций для повышения качества государственного управления. При этом качество управления понимается как *достижение целей в установленные сроки с минимальными затратами общественных ресурсов на основе сочетания эффективности и демократичности, обеспечивающих соответствие деятельности государственных служащих ключевым ценностям государственного управления.*

В свою очередь понятие «ключевых ценностей» принимает разное содержательное наполнение в зависимости от того, какой подход к государственному управлению (правовой, политический или менеджерский) используется для оценки деятельности государственных служащих. Данная тенденция нашла отражение в используемой методике Всемирного банка по оценке качества государственного управления.

Международные показатели оценки качества государственного управления

Мониторинг качества государственного управления проводится странами как на федеральном (национальном) и региональном уровнях, так и на наднациональном уровне различными международными организациями. Концептуальные и прикладные проблемы оценки качества государственного управления выступают предметом отдельного направления теоретических и практических исследований.

В рамках данной статьи мы остановимся на оценке качества государственного управления, проводимой ВБ на базе интегрального показателя государственного управления (Governance Research Indicator Country Snapshot – GRICS). Следует отметить, что данный подход к оценке качества государственного управления выступает предметом острых дискуссий, так как оценка в значительной мере зависит от мнения и предпочтений привлекаемой группы экспертов, от корректировки выборки, от источников используемой информации и не всегда объективно отражает существующую динамику [17, с. 12–19]. Однако в настоящее время методология разработки GRICS широко используется для проведения межстрановых сопоставлений и для формирования системы показателей качества государственного управления в различных странах.

В методологии Всемирного банка в рамках расчета GRICS используется система показателей по следующим шести главным параметрам, отражающим определенный аспект государственного управления:

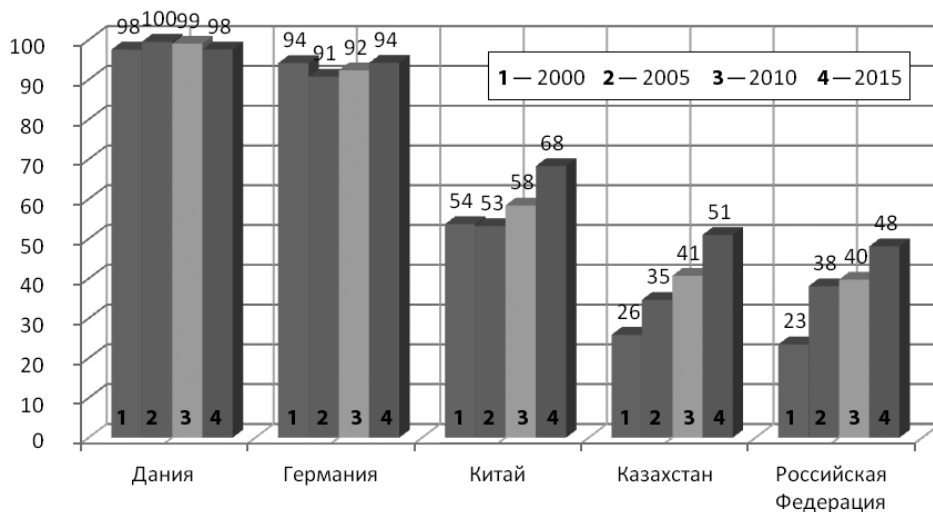
- учет мнения населения и подотчетность государственных органов (в какой степени граждане страны имеют возможность выбирать правительство и другие органы власти, оценка уровня свободы слова, свободы объединений, других гражданских свобод);
- политическая стабильность и отсутствие насилия (стабильность государственных институтов, вероятность дестабилизации и свержения правительства неконституционными методами или с применением насилия);
- эффективность работы правительства (качество государственных услуг, качество работы государственных служащих, качество разработки и реализации внутренней государственной политики);
- эффективность законодательного регулирования (способность правительства формулировать и реализовывать рациональную законодательную политику и правовые акты, которые стимулируют развитие экономики);
- верховенство закона (степень уверенности различных субъектов в установленных обществом нормах, а также соблюдения ими этих норм, в частности, эффективности принудительного исполнения договоров, работы полиции, судов, уровня преступности);

– противодействие коррупции (степень использования государственной власти в корыстных целях).

На международном уровне показатель GRICS измеряется с 1996 г. с периодичностью раз в два года и базируется на данных более чем по двумстам странам.

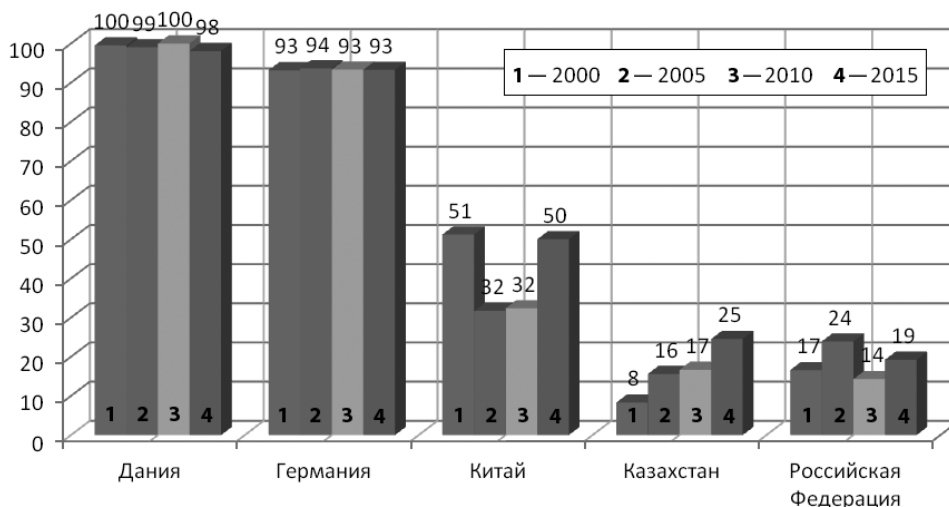
На рис. 1 представлена диаграмма, отражающая один из индикаторов качества государственного управления (эффективность работы правительства), с выборкой по пяти странам: Дании, Германии, Китаю, Казахстану и Российской Федерации. Диаграмма отражает *рейтинг в баллах (от 0 до 100 баллов)*, который демонстрирует место страны в мире. Соответственно, чем выше рейтинг, тем выше качество государственного управления. Как следует из диаграммы на рис. 1, показатель эффективности работы правительства в России существенно ниже (по рейтингу в 2 раза), чем в странах, получивших наивысший балл по данному показателю (Дания, Германия), ниже, чем в Китае (в 2015 г. на 20 баллов), и незначительно ниже, чем в Казахстане (в среднем на 3 балла). Однако в целом за рассматриваемый период позиции нашей страны в рейтинге по данному показателю улучшились более чем в 2 раза.

На рис. 2 представлена диаграмма показателя «противодействие коррупции», динамика которого за указанный период отражает низкую эффективность результатов деятельности по данному важнейшему направлению повышения качества государственного управления в нашей стране.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка. info.worldbank.org/governance/wgi.

Рис. 1. Качество государственного управления: эффективность работы правительства (количество баллов, в соответствии с рейтингом за 2000–2015 гг.).

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.
info.worldbank.org/governance/wgi.

Рис. 2. Качество государственного управления: противодействие коррупции (количество баллов, в соответствии с рейтингом за 2000–2015 гг.)

В соответствии с рейтингом ВБ за указанный период РФ имеет отрицательную динамику и низкие значения по следующим показателям качества государственного управления: «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» (с 37 до 19 баллов); «политическая стабильность и отсутствие насилия» (с 19 в 2010 г. до 13 баллов в 2015 г.); «качество законодательства» (с 50 в 2005 г. до 32 баллов в 2015 г.).

В целом общий рейтинг качества государственного управления РФ за рассматриваемый период имеет тенденцию к снижению – от 50 баллов (2005 г.) до 32 баллов (2015 г.), что подтверждает наличие системных проблем в сфере государственного управления.

Следует отметить, что наряду с политическими, правовыми и менеджеристскими показателями качества государственного управления ВБ отдельно выделяет необходимость обеспечения таких «универсальных организационных ценностей», как прозрачность и подотчетность. Обеспечение прозрачности, подотчетности и ответственности в сфере управления является важнейшим условием развития модели эффективного государства в нашей стране.

Стратегические подходы к повышению качества государственного управления

Повышение качества государственного управления рассматривается как стратегическая задача в рамках разрабатываемых программ по реформированию российской экономики. Так, в программе Института

экономики роста им. П.А. Столыпина [15] предлагается комплекс решений на различных этапах реформ для создания системы управления стратегическим развитием страны. В качестве примера приведем ряд основополагающих решений, которые направлены на повышение ключевых показателей качества государственного управления, в том числе:

- отделить систему управления стратегическим развитием от управления текущим функционированием; отказаться от реализации масштабной административной реформы, идти по пути создания «очагов эффективного управления»;
- выявить и устранить избыточные государственные функции в управлении текущим состоянием, лимитировать расходы на госаппарат на всех уровнях;
- реформировать систему государственной статистики, обеспечив достоверность и полноту раскрытия информации, в том числе развить интерфейсы для внешних пользователей;
- повысить качество законодательного регулирования на основе «снижения массива нормативных актов по правилу «один акт вводим – два отменяем» и установить лимиты на выпуск подзаконных нормативных актов;
- создать эффективную проектную систему управления развитием, создать механизм гибкой увязки госпрограмм с контрактной системой, ввести систему профессиональной экспертизы ключевых проектов;
- внедрить КРІ для субъектов государственного управления, отражающих достижение экономически обоснованных целевых показателей и сроков реализации проектов.

Повышение эффективности системы управления и имплементация ответственности за управление заявлены как ключевые звенья программы Центра стратегических разработок (ЦСР). Как отмечает А. Кудрин, «предыдущие программы и стратегии выполнялись в лучшем случае на 50%. Это показатель эффективности работы госорганов, вот почему нам нужно существенно повышать качество государственного управления» [11].

По данным газеты «Коммерсантъ»², программа ЦСР содержит несколько блоков предложений по повышению качества государственного управления. Первый предполагает сокращение количества государственных стратегий первого уровня до четырех: национальной без-

² Проект стратегии развития России до 2035 г., которую готовит Центр стратегических разработок (ЦСР), в настоящее время не представлен на обсуждение в общедоступном формате. Общие принципы стратегии реформ государственного управления ЦСР приведены в статье «В администрации президента обсуждают реформу госуправления» // Газета «Коммерсантъ». 07.06.2017 г. № 100(6094).

опасности; научно-технического развития; социально-экономического развития и пространственного развития. Данные стратегии предполагают интеграцию в них «портфелей проектов», программ управления изменениями. Государственные программы сохраняются на втором, подчиненном уровне стратегий, но в них должны быть выделены проектная и процессная части. В аппарате правительства должен быть выделен «стратегический блок», который будет заниматься мониторингом и контролем реализации стратегий первого уровня, согласованием и коррекцией программ.

Второй и третий блоки программы ЦСР включают комплекс решений, направленных на создание цифровой экосистемы госслужбы и цифровизации информационных процессов в госуправлении. Четвертый и пятый проекты посвящены кадрам и кадровой культуре. В частности, предлагается сократить госаппарат и затраты на него в период 2018–2024 гг. примерно на 30% от нынешнего уровня. В качестве «технических» целей программы реформ до 2024 г. выделены: повышение уровня цифровизации процессов в госуправлении с 5–10 до 50% и снижение доли расходов на обеспечение работы госаппарата в общих госрасходах с 2,5 до 1,74%.

Следует отметить, что при всех существующих различиях в концептуальных подходах к реформированию российской экономики рассматриваемые проекты стратегий реформ (ЦСР и Института экономического роста им. П.А. Столыпина) в сфере госуправления содержат общие направления, ключевые принципы и комплекс мер, совпадающих по содержательному наполнению.

Очевидно, что реализация данных мер чрезвычайно актуальна и необходима для повышения всех рассмотренных ранее ключевых показателей качества государственного управления. Однако, по нашему мнению, они в полной мере не решают задачи «переосмысления» концепции государственного управления, и, как следствие, – не устраняют фундаментальной причины современного кризиса, которая состоит в конфликте между конституционным определением государства как социального и проведением праволиберального курса реформ, что вызывает системные дисфункции, которые негативно влияют на механизмы целеполагания, определения задач, функций и методов государственного управления [5, с. 428]. Именно это и является одной из основных причин неэффективности реализуемых институциональных реформ и фрагментарности преобразований в сфере государственного управления.

Новая долгосрочная стратегия должна быть направлена на достижение целей, соответствующих выбранной обществом модели социально-экономического развития, базирующейся на фундаментальном понимании роли, задач и функций государства, частного бизнеса и общества. В этой связи новая концепция реформирования государ-

ственного управления требует новых базовых положений. В самом общем виде они могут быть сведены к следующему.

Только достижение общественного консенсуса в выборе социально-экономической модели развития страны позволит разработать концепцию реформы государственного управления, определиться со степенью взаимодействия государства со всеми другими сферами общества, с необходимыми полномочиями, провести «инвентаризацию» всех государственных функций, оптимизацию структуры и функций органов исполнительной власти разных уровней.

В свою очередь институты государственного управления должны быть встроены в реализацию стратегии социально-экономического развития. Систему управления сверху донизу (от уровня федерального правительства до хозяйственной структуры) следует рассматривать комплексно, то есть необходимо обеспечить взаимосвязь стратегического планирования и управления, государственного управления и функционирования хозяйствующих субъектов.

Развитие цифровой экономики и создание электронной информационной платформы реализации управленческих функций требуют модернизации государственных институтов как управленческих конструкций. В новых условиях активного формирования электронно-информационной среды требуется разработка оптимального управленческого механизма и соответствующих инструментов и технологий управления (процессных, проектных, контрактных) для реализации поставленных задач.

Необходимо определить миссию и роль государственного сектора экономики, возможные масштабы (границы) прямого государственного участия в экономике, разработать цели и задачи деятельности предприятий государственной формы собственности, критерии оценки их эффективности.

Следует отметить, что позиция ЦСР³ по сокращению масштабов прямого участия государства в экономике за счет приватизации крупных компаний и «нормативного ограничения» (каким образом будет устанавливаться данная норма?) госсектора в экономике

³ ЦСР предлагает нормативно ограничить разрастание госсектора в экономике и покупку новых активов крупными госкомпаниями. В программе для «усиления рыночных сил» предлагается сокращение масштабов прямого участия государства в экономике за счет приватизации крупных компаний. Также предлагается «нормативное ограничение «разрастания» госсектора в экономике, ограничение приобретения новых активов крупными компаниями с госучастием, ревизия госхолдингов и госкорпораций». Доходы от приватизации, согласно предложениям экспертов, могут составлять не менее 0,5% ВВП ежегодно, то есть, согласно расчетам ЦСР, в 2021 г. они могут вырасти до 616 млрд руб., а в 2024 г. – до 758 млрд с 497 млрд руб. в 2018 г. См.: «Работайте дольше, живите богаче: Кудрин представил экономическую стратегию». ria.ru (дата доступа 31.05.2017).

не соответствует мировой практике. Опыт быстро развивавшихся стран свидетельствует о том, что государственные предприятия могут служить важным инструментом промышленной политики, обеспечивая формирование новых отраслей, освоение новых технологий и методов хозяйствования. Как отмечает академик В.М. Полтерович, «снижение роли государства в экономике следует осуществлять постепенно по мере накопления рыночных компетенций и совершенствования массовой культуры. При этом каждый акт приватизации или национализации должен сопровождаться детальным обоснованием» [14, с. 41].

Очевидно, что в условиях возникающих бюджетных ограничений и экономических санкций значительная роль в реализации новой стратегии экономического развития в нашей стране будет сохраняться за *государственными ресурсами и государственными предприятиями* (в т. ч. сектор ОПК), которые оказывают существенное влияние на эффективность функционирования российской экономики. В этой связи чрезвычайно важной представляется *проблема модернизации управления государственными ресурсами и государственной собственностью*.

Ключевым вектором модернизации должно стать смещение акцентов с позиции «администрирования» к позиции государственного «менеджмента развития». В настоящее время существующая российская парадигма государственного управления, по сути, предлагает государственным предприятиям и государственным заказчикам строго следовать регламентированным (и жестко контролируемым) процедурам для получения бюджетных средств, не ставя задачи повышения эффективности их использования. Основой государственного менеджмента развития должно стать доверие к государственным чиновникам и государственным заказчикам с одновременным усилением системы персональной ответственности за принятые решения. Действительно, «дефицит доверия в нашей стране начинается с государственного аппарата – из-за стремления контролировать каждого чиновника, процессы управления усложнены и неэффективны» [19].

Реализация концепции «менеджмента развития» невозможна и без построения новой модели взаимоотношений государства, бизнеса и общества на основе партнерских контрактных отношений. Повышение качества управления экономикой требует, с одной стороны, переориентации государственного управления на более гибкие механизмы регулирования, с другой – повышения эффективности деятельности государства как субъекта контрактных отношений. Развитие новых институциональных форм и механизмов государственно-частного партнерства, социального партнерства, взаимодействия с институтами гражданского общества должно стать одним из драйверов устойчивого экономического роста [10].

В рамках реформы модели государственного управления необходимо внесение коррективов и в *методологию управления публичными закупками*⁴.

В настоящее время публичные закупки формируют экосистему, в которой развивается и под которую подстраивается весь российский бизнес [1]. По данным Минэкономразвития, общий объем государственных закупок (совокупный спрос органами властей различного уровня) составил в 2016 г. 6,5 трлн руб. [8]. В свою очередь объем закупок естественных монополий и предприятий государственного сектора экономики (отдельных видов юридических лиц) по сравнению с 2015 г. вырос на 10% и достиг 25,7 трлн руб. [9]. С точки зрения масштабов, публичные закупки выступают мощным финансовым инструментом в руках государства, который может и должен быть задействован в реализации новой стратегии экономического развития.

В последние годы институт закупок в России является одним из наиболее интенсивно и постоянно реформируемых. Основными тенденциями его реформирования являются: расширение сферы регулирования публичных закупок; нарастающая формализация процедур и ужесточение их регламентации; распространение требований, установленных к государственным закупкам, на закупки публичных компаний, что снижает конкурентоспособность последних.

В результате в сфере публичных закупок формируется «квази-рынок», на котором соответствие регламенту и типовым процедурам заменяет экономическую эффективность контрактации, и по сути является только внешней правовой оболочкой складывающихся неформальных экономических связей, обладающих высокими коррупционными рисками. Конкуренция на рынке государственных закупок имитируется, победа в конкурсе, аукционе и запросе котировок во многом предопределена. Так, по оценке экспертов, около 60% бюджетных средств, потраченных на госзакупки в 2015 г., были законтрактованы не на конкурентной основе [1].

Новая идеология реформы контрактной системы публичных закупок должна строиться на основополагающих экономических принципах развития контрактных отношений, учитывающих специфику и результаты конечной деятельности соответствующего производителя

⁴ Под «публичными закупками» мы понимаем государственные и муниципальные закупки, регулируемые нормами Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», и закупки отдельных видов юридических лиц, регулируемые нормами Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках отдельных видов юридических лиц», обладающие признаком публичности, то есть закупки, информация о которых является общедоступной на официальном сайте Единой информационной системы.

товаров (работ, услуг) для общественных нужд. Основой институциональной реформы в сфере публичных закупок должен стать *дифференцированный подход к законодательному регулированию закупок*, что предполагает законодательную регламентацию общих единых принципов публичных закупок для всех субъектов системы (открытость, прозрачность, конкуренция, эффективность, инновационность, профессионализм, контроль и ответственность) при обеспечении возможности вариативности способов закупок, соответствующих особенностям бизнес-процессов компаний различных сегментов рынка. Данный подход должен базироваться на профессионализации участников закупок, развитии института «квалифицированного заказчика», предоставлении большей свободы закупающим организациям (составление спецификаций закупки, выбор способа закупки, критерии оценки предложений) при одновременном усилении персональной ответственности за принятие субъектами контрактной системы финансово значимых закупочных решений.

При этом, как показывает опыт развитых стран, функционал современной контрактной системы не ограничивается лишь контрактами на разработку и поставку товаров (работ, услуг), а включает и другие виды контрактов, в том числе основанные на принципах государственно-частного партнерства. Контрактная система играет важнейшую системообразующую роль в экономике, так как свободный и взаимовыгодный договор остается одним из главных институтов рынка.

* * *

Растущая неэффективность сложившейся модели государственного управления, ее неадекватность современным глобальным вызовам выступают одним из ключевых факторов, препятствующих стабилизации и росту российской экономики. Достижение нового качества управления в условиях активного распространения цифровых технологий является сложной многокритериальной задачей, решение которой требует переосмысления парадигмы государственного управления, выделения отдельных блоков институциональных реформ, синтеза и адаптации лучших зарубежных управленческих практик, динамичных изменений в формах, методах и механизмах государственного управления для реализации стратегических задач, стоящих перед нашей страной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчишкина О.В., Смотрицкая И.И., Бегтин И.В., Бонч-Осмоловский М.А. и др. ГОСЗАКУПКИ. Какой должна быть контрактная система? Доклад. М.. ЦСР. 2017. www.csr.ru.

2. Баранов И.Н. Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения // Российский журнал менеджмента. 2012. № 1. С. 51–64.
3. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
4. Голикова Т. Выступление на Гайдаровском форуме в рамках панельной дискуссии «Устойчивый экономический рост: модель для России». Гайдаровский форум. 2017, 13 января. www.ach.gov.ru.
5. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6. С. 426–436.
6. Доклад Председателя Счетной палаты РФ Т. Голиковой в Государственной Думе РФ с отчетом о работе контрольного органа. 2017, 21 июня. www.ach.gov.ru/structure/golikova-tatyana-alekseevna/speeches/30503.
7. Доклад «Институциональная реформа в России: переход от проектирования к реализации в условиях многоуровневой системы государственного управления». Всемирный Банк. М.: Алекс, 2006.
8. Доклад Минэкономразвития России о результатах мониторинга применения Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в 2016 году». economy.gov.ru.
9. Доклад Минэкономразвития России о результатах мониторинга применения Федерального закона от 17 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в 2016 году». economy.gov.ru.
10. Зельднер А.Г. Национальная модель социально-рыночного развития России на базе смешанной экономики и ГЧП // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5–2 (44). С. 81–83.
11. Кудрин А.Л. Выступление на пленарном заседании «Реформа государственного управления как важнейший фактор реализации амбициозного плана развития страны» в рамках Красноярского экономического форума. 2017 г. www.csr.ru/news.
12. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New public management и Good Governance // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 45–62.
13. Оболонский А.В. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 145–170.

14. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56. DOI:10.15838/esc/ 2016. № 5.47.2.
15. Программа Института экономики роста им. П.А. Столыпина «Создание системы управления стратегическим развитием» / Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста». М., 2017.
16. Смотрицкая И.И., Сагинова О.В., Шарова И.В. Государственное предпринимательство и развитие российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 97–108.
17. Сулкашин С.С. Теория и феноменология успешности сложности социальной системы. М.: Научный эксперт, 2013.
18. Тамбовцев В.Л. Государственное регулирование государства: вопросы теории, международный опыт, российские реформы / Российско-Европейский центр экономической политики. М., 2004.
19. Шклярук М. О реформе государственного управления /комментарии руководителя направления «Институты и общество» 2017. www.csr.ru/news.
20. Governance and The Law / The World Bank. 2017. 30 января. www.worldbank.org.
21. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. NYC. Plume Publ., 1993.

I.I. SMOTRITSKAYA

doctor habilitatus in economics, head of the Center for the study of state governance of Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
irinasmot@yandex.ru

NEW ECONOMIC STRATEGY REQUIRES NEW QUALITY OF STATE GOVERNANCE

The paper considers strategic approaches to improving the quality of state governance in the context of contemporary management theories and the growing global challenges of digital technological development. Based on the analysis of the international quality rating of state governance, a meaningful description of the indicators of low efficiency of state governance in Russia is given. The most important principles of reforming state governance in the framework of the proposed programs of strategic reforms are singled out. The basic provisions of the concept of improving the quality of state governance are substantiated and the main approaches to reforming the public sector management institutions and public procurement are proposed.

Keywords: *quality of state governance, management effectiveness, reform strategy, governance institutions, public sector of the economy, public procurement.*

JEL: H10, H57, H82, L32.

И.Р. КУРНЫШЕВА

доктор экономических наук, зав. сектором
Института экономики Российской академии наук

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ¹

Государство, будучи главным легитимным институтом общества, в своем базисном предназначении призвано отлаживать механизмы взаимодействия и координировать деятельность всех институтов: государственных, негосударственных, рыночных, общественных. Благодаря четким регулирующим взаимодействиям общество представляет собой своеобразную «систему координат», в которой каждый институт занимает определенную позицию согласно его общественно значимым характеристикам. Конкуренция – движущая сила рынка, которая не только создает оптимальные для его участников условия, но и служит регулятором производства, источником и двигателем инноваций, стимулируя развитие передовых технологий, а также является важнейшим механизмом структурных преобразований.

Ключевые слова: государственное регулирование, структура, конкуренция, монополизм, антимонопольная деятельность.

JEL: E20, H11, L40, L41, L50, K21, O10.

Государственное регулирование и структурные преобразования

На историческом пути России можно выделить несколько этапов глобальных структурных преобразований, носивших технико-технологический характер и изменивших отраслевой социально-экономический облик страны. Прежде всего, это были планируемые коллективизация, индустриализация и милитаризация. В послевоенные годы в России параллельно с восстановлением разрушенного народного хозяйства происходила во многом «вынужденная» инновационно-технологическая отраслевая структурная перестройка народного хозяйства, обусловленная внешней объективной необходимостью появления и роста атомной и космической отраслей. Далее была химизация – спонтанный, но довольно успешный инновационный межотраслевой

¹ Статья подготовлена по материалам исследования темы государственного задания «Структурная модернизация российской экономики в контексте формирования новой модели развития»

макропроект. В середине 80-х годов было принято политическое решение о «перестройке» в нашей стране экономической системы. Однако в те годы не было «локомотива», который бы смог сдвинуть устоявшуюся экономику страны.

За годы рыночных реформ в России сложились различные концептуальные подходы к реализации государственной структурной политики: от упования на то, что институциональная среда и создание рыночных механизмов позволят решить проблемы отраслей и предприятий без вмешательства государства, до стимулирования внутреннего спроса, обеспечения промышленных предприятий дешевым оборотным капиталом, поиска «отраслей-локомотивов», формирования так называемых «точек роста», развития импортозамещения и построения финансово-производственных «цепочек» (ФПП). Все эти подходы или не были доведены до стадии практического применения, или не дали ожидаемого эффекта из-за отсутствия у государства серьезной мотивации и ресурсов для проведения активной государственной политики, а также вследствие того, что не удалось добиться консенсуса по вопросам отраслевых приоритетов и создать конкретные механизмы реализации структурной политики. Тем не менее отраслевая структура российской экономики неуклонно изменялась и продолжает изменяться под воздействием объективного фактора спроса – в основном в направлении сырьевой экономики.

Идея организации социально-экономического развития на основе принципа структурных преобразований сегодня вновь выходит на первый план. В 2012 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию говорилось о нарастающей необходимости модернизации структуры российской экономики и промышленности. В целях исполнения поручения Президента в 2014 г. была утверждена государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»². Ее основной целью является «создание в Российской Федерации конкурентоспособной, устойчивой, структурно-сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию на основе интеграции в мировую технологическую среду, разработки и применения передовых промышленных технологий, нацеленной на формирование и освоение новых рынков инновационной продукции, эффективно решающей задачи обеспечения экономического развития и обороноспособности страны». В настоящее время в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 апреля 2016 г. № 207 и Распоряжением от 16 мая 2016 г. № 122-рп сформирована рабочая группа по

² Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост», в функции которой входит разработка предложений по переходу к несырьевой модели.

Однако все усилия государства по переориентации развития экономики в желаемом направлении – по формированию модели, обладающей долгосрочным потенциалом динамичного роста с опорой на высокотехнологичные производства – пока не реализуются. Многие решения, в сущности правильные и своевременные, не получили всесторонней теоретической разработки, позволяющей перевести общие соображения о целях, задачах и механизмах структурной модернизации экономики и промышленности в практическую плоскость.

Современный этап структурной модернизации в России отличается рядом особенностей, которые могут изменить приоритеты и механизмы государственного воздействия на структурные преобразования. Среди них можно выделить:

1. Усиление давления вызовов и угроз экономической безопасности, сопровождаемых нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции.

2. Предлагается смена экономической парадигмы и опора на новую модель развития. В чем конкретно состоит эта смена экономической парадигмы и новая модель развития, пока документально не зафиксировано и официально не озвучено. Предложений много. Так, Б. Титов говорит «...об изменении структуры российской экономики, формировании новой логики развития. Отказ от прижившихся догм и фобий в пользу прагматичной политики в интересах отечественного капитала и реального сектора. Нужно, чтобы новая модель развития экономики России – модель, которая должна объединить два главных базисных качества, была бы основана на свободном рынке, свободе частной инициативы, развитой конкуренции (НЭП 2.0), но при этом государство реализовывало серьезную промышленную политику, основанную на индикативном планировании, по наращиванию современного производства, реализовывало программу «Индустриализации 2.0»³.

Председатель Банка России Э. Набиуллина считает, что необходим «переход на новую модель развития – сберегательно-инвестиционную, при которой инвестиции должны трансформироваться в сбережения»⁴.

³ www.vesti.ru/doc.html?id=2404568.

⁴ Выступление Э.С. Набиуллиной на объединенном заседании Комитетов Государственной Думы по финансовому рынку, по бюджету и налогам и Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству. utro.ru/articles/2016/11/15/1304729.shtml.

На съезде Ассоциации российских банков в 2017 г. банковское сообщество предложило «...кардинально изменить всю парадигму управления и начать на государственном уровне культивировать взаимное доверие и уважение участников рынка друг к другу, власти к бизнесу, бизнеса к власти, надзорных органов к поднадзорным объектам, а банков к регулятору и т. д.» [1, с. 7].

Директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России С.Д. Бодрунов считает, что базовым требованием к новой модели экономики должно стать возвращение к приоритету развития качественно нового индустриального сектора [2, с. 21].

Нельзя не согласиться со всеми этими пожеланиями. Однако до тех пор пока нет четко сформулированных научно-технологических векторов и интересов государства, науки и бизнеса, определяющих контуры направлений структурной модернизации, ее практическая реализация маловероятна.

На мой взгляд, один из перспективных трендов структурной трансформации российской экономики можно найти, если обратиться к опыту, накопленному мировым бизнесом в реализации инновационной экономики путем «формирования собственных воспроизводственных цепочек от науки до производства»⁵. Параллельно будет происходить перестройка экономических и институциональных производственных взаимодействий из вертикальных в горизонтальные. При этом важно по-новому подойти к методологии и организации прогнозирования развития и управления им, сделав ставку на новое поколение управленческих технологий; трансформировать функции министерств и ведомств; радикально поменять систему образования и профессионального обучения, сделать рынок труда максимально гибким и открытым, обеспечить быстрый, легкий вход на рынок и выход из него; направить вектор регулирующей системы в целом на предпринимательство, кооперацию и конкуренцию; сделать равными институциональные условия для производства товаров и услуг по всему экономическому пространству; усилить внимание государства и бизнеса на инфраструктурный сектор экономики, в частности на коммуникационный и информационный.

Практическим инструментом решения задачи структурной модернизации и технологического развития российской экономики

⁵ Ленчук Е.Б. Будет ли у России стратегия научно-технологического развития? Комментарий директора ИЭ РАН к проекту «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2035 года», подготовленного Центром стратегических разработок (ЦСР). REGNUM Информационное агентство. 4 июня 2016 г.

и повышения ее конкурентоспособности в настоящее время выступают приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ и Перечень критических технологий РФ (утвержден Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899). Однако в Перечень критических технологий РФ, охватывающий широкий спектр научных сфер не включены технологии по управлению экономикой и ее развитием, которые в современный период крайне актуальны. На мой взгляд, именно инновационные управленческие и организационные технологии способны дать новый импульс экономике в целом, и структурной модернизации в частности. Поэтому одним из первых пунктов в Перечне критических технологий РФ целесообразно поставить экономические, финансовые и другие управленческие и организационные технологии, которые были бы направлены на соединение разрозненных приоритетных направлений развития науки в единый комплекс.

3. В последние годы явно прослеживается противоречивая, двойственная позиция государства по вопросу структурных преобразований. С одной стороны, государство декларирует необходимость инновационных, технологических, социальных перемен, а с другой – консервирует сложившиеся структурные пропорции.

Возможности государственного регулирования во многом зависят от присутствия государства на рынках, но оно до сих пор не смогло найти баланса своих функций в конкуренции и единстве с рыночными силами.

В мире сейчас нарастают мощные процессы, усиливающие влияние государства в управлении национальной экономикой. Существуют разные методики расчетов доли государственного сектора в экономике и различные экспертные оценки, нередко противоречивые. Но наметившимся трендом в последнее время признается рост доли государственного сектора, в том числе и в российской экономике. Так, согласно оценке, представленной председателем совета директоров ПАО «Аэрофлот» К. Андросовым, по итогам 2015 г. вклад государства и государственных компаний в ВВП Российской Федерации может составить около 70%, тогда как в 2005 г. эта доля составляла около 35% [3, с. 4].

Влияние государства на экономику проявляется по-разному: в сохранении значительной доли государственной собственности, как во Франции, Австрии, Израиле; в воздействии на рыночные структуры через финансовые институты, как в Германии; через стимулирование полной занятости и производства, повышение реальных доходов, достижение сбалансированного экономического роста и сбалансированного федерального бюджета, соответствующего роста производительности труда, уделение должного внимания национальным

приоритетам, достижение улучшения торгового баланса и разумной стабильности цен, заказы для военной промышленности и финансирование грантов на научные исследования, как в США.

В России правительство пытается создать благоприятные условия для процесса накопления капитала и стимулирования структурной модернизации производства. Анализ отраслевой структуры промышленных компаний, представленных в рейтинге «Эксперт РА» в 2014 г., показывает, что крупнейшие компании с государственным участием присутствуют в 9 отраслях, большая часть из них функционирует в машиностроении (7 компаний), нефтяной и нефтегазовой промышленности (6), банковской сфере (4) [3, с. 4]. Однако, судя по итогам деятельности по проведению государственной экспертизы перспективной проектной документации объектов долгосрочного промышленного капитального строительства (отчеты ФАУ «Главгосэкспертиза России»), которые планировалось осуществлять за счет средств федерального бюджета в 2008–2015 гг., направленность долгосрочных интересов государства только консервирует и пролонгирует сложившиеся структурные пропорции в промышленности (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура документации объектов промышленного строительства, рассмотренной ФАУ «Главгосэкспертиза России» в 2008–2015 гг. (%)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Объекты нефтегазодобывающей и перерабатывающей промышленности	17,4	22,4	28,7	21,1	30,6	28,6	25,9	27,7
Объекты машиностроительного и строительного комплекса	15,8	17,9	12,9	23,6	11,3	7,1	20,1	23,6
Объекты химической и нефтехимической промышленности	12,0	15,0	18,6	18,3	12,7	18,2	16,3	13,4
Объекты горнодобывающего комплекса	23,1	16,5	19,3	16,6	24,1	25,1	21,0	20,5
Электроэнергетика	22,2	17,9	16,8	17,0	18,1	18,6	13,2	10,7
Другие отрасли промышленности	9,5	10,3	3,7	3,4	3,2	2,4	3,5	3,9

Источник: составлено автором по: Аналитический отчет по результатам деятельности ФГУ «Главгосэкспертиза России» и его филиалов за 2008 г. М.: ФГУ «Главэкспертиза России», 2009. С. 6–7; Аналитический отчет по результатам деятельности ФАУ «Главгосэкспертиза России» и его филиалов за 2013 г. М.: ФАУ «Главэкспертиза России», 2014. С. 6–7; Аналитический отчет по результатам деятельности ФАУ «Главгосэкспертиза России» и его филиалов за 2015 г. М.: ФАУ «Главэкспертиза России», 2016. С. 6–7.

Созданная в России экономическая система функционирует в условиях диспропорций между принимаемыми решениями и их реализацией, что является одной из глубинных причин, гасящих многие усилия правительства по использованию ряда инструментов и механизмов государственного управления. Анализ динамики расходов на конечное потребление сектора государственного управления в 2005–2013 гг. показал⁶, что:

- приоритет в воспроизводственном процессе уделялся не социальному, а экономическому блоку развития. При увеличении расходов государства на национальную экономику в целом доля функции по предоставлению государственных услуг снижалась. Наибольшее сокращение произошло по самой значимой статье, определяющей перспективы развития государства, – образование (на 24%), а главным вектором оптимизации системы здравоохранения стало урезание ее финансирования;
- декларируемая правительством экономическая стратегия на устойчивое развитие не подтверждается расходами на охрану окружающей среды. Доля их была не только мала, но и неуклонно сокращалась;
- происходило секвестирование расходов на все экономические нужды государства, развитие которых способствует решению поставленных правительством долгосрочных и стратегических задач, на прикладные научные исследования в области национальной экономики, кроме «связь и информатика» (рост на 1,5%). Серьезно сократились расходы на исследования и использование космического пространства – на 23%.

4. Преодоление низкого уровня конкуренции и качества конкурентных отношений становится доминантной проблемой развития экономики России на ближайшие годы. По уровню конкуренции страна отброшена назад, предпринимательский, инвестиционный и конкурентный климат резко ухудшились. По оценкам представителей российского бизнеса, состояние конкуренции на российских рынках является умеренным и может быть оценено на уровне около 51%, что сопоставимо с результатами опроса 2015 г. (53%) и существенно ниже показателя 2014 г. (73%) [4, с. 4].

Современные экономические тенденции имеют ряд особенностей, определяющих как новые возможности, так и ограничения конкурентных отношений:

⁶ Рассчитано автором по: Национальные счета России в 2005–2012 гг: Электронная версия Росстат 2013, табл. 2. 4. 6; Национальные счета России в 2007–2014 гг: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 184–192; Национальные счета России в 2007–2014 гг: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 184–192.

- усиление процессов дифференциации производителей, регионов, населения, что отсекает многих участников конкурентных отношений и концентрирует усилия «избранных» на новых рынках и целях; для крупных компаний возникло новое доминирующее ограничение сверху – ТНК;
- «Согласно плану по приватизации, из около 1000 акционерных обществ, которыми владеет государство, предполагается продать половину в ближайшее время», – заявил министр экономического развития М. Орешкин⁷. В результате на рынке окажется множество предприятий, слабо владеющих рыночной ситуацией и опытом конкурентной борьбы;
- реформирование устоявшейся системы разделения труда;
- конкурентные преимущества «положения» (в т. ч. ресурсные преимущества) гораздо быстрее обесцениваются, а больший вес приобретают стратегические преимущества, которые несут по-прежнему сильный конкурентный потенциал;
- усиливается процесс партнерства (сотрудничества) как на интернациональном уровне, так и на национальном.

Сейчас небезопасными факторами ограничения конкурентных отношений выступают: сохранение на неопределенно длительный срок низких стагнационных темпов экономического роста, внутренние диспропорции производства и рынка, безудержное укрупнение корпораций, монополизм как симптом болезни структуры экономики, вымывание потенциальных конкурентов, нескончаемый передел рынка, необоснованные преференции для госмонополий при распределении бюджетных средств.

В России, как официально объявила ФАС⁸, происходит «всеобщая картелизация экономики», что является мощным ограничителем рыночной конкуренции, приводит или может привести к опасным для экономики последствиям: к установлению или поддержанию цен на опасно высоком уровне (тарифов, скидок, надбавок); повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка; сокращению или прекращению производства».

⁷ Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества Высшей школы экономики, 2017 г. www.rbc.ru/economics/11/04/2017/58ec91d99a794783e306d365.

⁸ Доклад руководителя ФАС И.Ю. Артемьева «Об итогах работы ФАС России за 2016 год и задачах на 2017 год» на расширенном заседании Коллегии ФАС России 1 марта 2017 г. www.rbc.ru/economics/01/03/2017/58b68d5c9a7947d7434bb4c0.

Государственное регулирование и конкуренция

Государственное регулирование развития конкурентных отношений может происходить по двум направлениям:

- совершенствование антимонопольной политики и практики, борьба с монопольными проявлениями и тенденциями;
- развитие конкурентных отношений, конкурентной среды, конкурентной политики.

Большее внимание в деятельности государственных органов уделялось и уделяется первому направлению – совершенствованию антимонопольной политики и практики, борьбе с монопольными проявлениями и тенденциями. На наш взгляд, накопленный положительный опыт в этой области является благоприятной предпосылкой по активной трансформации антимонопольной политики в политику защиты конкуренции, развития конкурентных отношений, конкурентной среды, направленной на повышение конкурентоспособности национальной экономики и ее составляющих.

Изменение концентрации производства по видам экономической деятельности (см. табл. 2) в 2015 г. к 2005 г., выраженной удельным весом объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами крупнейших организаций, в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами, составило: добыча полезных ископаемых 3-ми организациями – 0,76 раза; обрабатывающие производства – 2,2 раза; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 0,95 раза⁹. Налицо долгосрочная устойчивая тенденция концентрации производства в обрабатывающих отраслях.

В России развитие конкуренции и конкурентных отношений почти полностью регулируется антимонопольным законодательством, мерами государственного контроля за экономической концентрацией.

В настоящее время (с 2004 г.) ведущим уполномоченным Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору за соблюдением законодательства в сфере конкуренции на товарных рынках, защиты конкуренции на рынке финансовых услуг, деятельности субъектов естественных монополий и рекламы, является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). За 2004–2016 гг. ею были разработаны и внедрены нормативно-правовые акты разной силы дей-

⁹ Источник: Промышленность России. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 56; Промышленность России. 2012: Стат.сб. / Росстат. М., 2012. С. 48; Промышленность России. 2014: Стат.сб./Росстат. М., 2014. С. 54; Промышленное производство в России. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 57.

Таблица 2

**Концентрация производства по видам экономической деятельности
для трех организаций (%)**

Годы	Удельный вес объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами крупнейших организаций, в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами		
	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство и распределение электроэнергии, газа и воды
2005	32,1	8,4	16,5
2006	33,1	10,8	19,3
2007	37,8	8,5	20,1
2008	21,5	12,4	10,7
2009	21,9	15,2	17,4
2010	23,4	15,1	16,8
2011	34,3	16,3	16,0
2012	23,9	14,6	16,1
2013	23,3	21,2	17,5
2014	23,7	22,6	15,5
2015	23,0	18,0	15,7
2015 к 2005	71,6	214,3	95,2

ствия, регулирующие конкурентные и антимонопольные отношения в экономике России, представленные в табл. 3. Кроме того, ФАС России участвовала в разработке законов «О недрах», «О банках», Водного кодекса РФ и др.

Наибольшее внимание по состоянию на начало 2017 г., судя по числу принятых нормативно-правовым актов, ФАС России уделяло следующим сферам экономики: электроэнергия – 74 акта, государственные закупки – 26, нефть и газ – 17, финансовые организации – 14, иностранные инвестиции – 13, медицинские изделия и лекарственные средства, реклама – по 9, страховое дело – 8, ВПК, железнодорожный транспорт, товарные рынок и биржа – по 7, тарифное регулирование – 4, сельское хозяйство – 3, химическая промышленность, рыбное хозяйство, водный транспорт, госсобственность, использование водных объектов – по 2, жилищное строительство, территориальные сетевые организации, теплоснабжение, образование и наука, охотничьи ресурсы, почтовая связь – по 1 нормативно-правовому акту¹⁰. Однако, несмо-

¹⁰ Рассчитано по данным ФАС России: fas.gov.ru/documents.

Таблица 3

Количество нормативно-правовых актов, подготовленных ФАС России

Нормативно-правовой акт	Количество
Приказы ФАС	156
Постановление Правительства РФ	89
Федеральный закон	43
Административный регламент	39
Соглашение о взаимодействии	119
Распоряжение правительства	5
Указ Президента	6
Регламент ФАС	1
Приказ Минэкономразвития	1
Итого	459

Источник: составлено по данным: fas.gov.ru/documents/legislative-acts.html.

тря на наличие Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 30.12.2012 с постоянными изменениями) «О защите конкуренции» и мощной сформированной системы нормативно-правовых актов, экономика РФ приобрела олигополистический (госмонополистический [5]) и картельный характер, а уровень конкуренции имеет тенденцию к снижению. Согласно Докладу о состоянии конкуренции, в 2016 г. ФАС России возбудила 692 дела об антиконкурентных соглашениях, из них 330 дел о картелях, что на 18% больше, чем в 2015 г. При этом более 80% дел по картелям – сговоры на торгах (298 дел), что почти на 30% больше, чем в 2015 г. [5].

Не отрицая тот факт, что ФАС России является одним из самых компетентных государственных органов, тем не менее главный посыл к ФАС России от бизнес-сообщества состоит, на мой взгляд, в том, что какие бы меры ни предпринимались, следует, в первую очередь, оценивать их потенциальные социально-экономические и финансовые последствия в среднесрочной перспективе, учитывая мнения и интересы всех участников рынка. При этом необходимо учитывать, что развитие конкуренции предполагает не только комфортные условия для ведения бизнеса, но и предусматривает систему санкций и наказаний вплоть до уголовной ответственности. Важно более четко сформулировать роль ФАС России в достижении поставленных целей и обеспечить должный контроль за исполнением мероприятий по продвижению к ним.

Противостояние монополизму остается стратегической структурной задачей государства. Роль государства состоит в том, чтобы обеспечить условия последовательного перехода к системным мерам, стимулирующим конкурентные отношения и антимонопольные преоб-

разования. ФАС России как ведомство, каким бы значимым и профессиональным ни было его кадровое наполнение и институциональные полномочия, не в состоянии решить в одиночку воспроизводственные проблемы, к каким относятся проблемы всеобщей картелизации и демонополизации экономики.

Несмотря на декларируемое всеми понимание необходимости проведения антимонопольных реформ, они, очевидно, не будут легкими и скорыми. Во-первых, слишком сложен объект реформирования – отраслевая, региональная и институциональная структура экономики РФ. Потребуется разработка концептуальных основ ее демонтажа. Во-вторых, потенциальные перемены затрагивают интересы многих сторон. Стремительные процессы демонополизации российской экономики могут представлять серьезную угрозу для стабильности социально-экономической, финансовой и налоговой систем страны. В-третьих, неоспоримо, что в обозримом будущем погоду на российских и международных рынках товаров и услуг будут делать крупные игроки. В этой связи можно предположить, что процесс демонополизации российской экономики затянется на долгие годы и не будет носить последовательного характера.

Однако потенциальные серьезные негативные последствия существенного усиления антимонопольной деятельности государства могут быть смягчены, если будут выявлены, просчитаны и обозначены не только качественные, но, в первую очередь, количественные оценки предполагаемых потерь и выигрышей от слома действующей ныне государственно-монополистической модели как отдельных участников воспроизводства, так и общества в целом. Причем важно определить хотя бы порядок интегральных ущерба или выгоды, поскольку цена возможных просчетов может быть слишком высокой для стагнирующей российской экономики.

Антимонопольная деятельность ФАС России изначально не имела четко сформулированной целевой направленности, не развивалась в соответствии с заданными стратегическими ориентирами или концептуальными положениями, не была системно структурирована. Разработка концептуальных и методологических предпосылок совершенствования антимонопольной деятельности может стать мощным генератором институциональных и структурных реформ. Существующую законодательную и нормативно-правовую архитектуру антимонопольной деятельности следует дополнить документом, носящим концептуальный консолидирующий характер, регулирующим направления антимонопольных реформ на единой стратегической и методологической основе. Представляется актуальным усилить правовой и этический подходы при регулярном мониторинге и контроле исполнения намеченных мероприятий по демонополизации эконо-

мики; разработать систему санкций и наказаний вплоть до уголовной ответственности; более конкретно сформулировать роль ФАС России в достижении заявленных целей; вывести функции по развитию конкуренции созидательного характера из-под ведомственной подчиненности ФАС России и передать их в ведение Минэкономразвития, а самой ФАС сосредоточиться на повышении эффективности правоприменения на основе лучших мировых практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие, а не стагнация. Конкуренция – главный рычаг экономического роста / Годовой доклад к съезду Ассоциации российских банков – 2017. М., 2017.
2. Современные подходы к формированию стратегии устойчивого экономического развития Российской Федерации (подготовлен по итогам заседания Научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 17 февраля 2017 г.) // Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации Аналитический Вестник. № 5 (662) М., 2017.
3. Бюллетень о развитии конкуренции «Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация». Аналитический центр при Правительстве РФ, 13 марта 2016 г.
4. Оценка состояния конкурентной среды в России / Доклад 2016. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 4.
5. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 г. М., ФАС России, 20.01.2017. fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1653.

I.R. KURNYSHEVA

doctor habilitatus in economics, head of the Sector of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
kurnisheva@yandex.ru

STATE REGULATION OF STRUCTURAL TRANSFORMATIONS IN THE CONDITIONS OF THE COMPETITION

The state, being the main legitimate institute of society, in the basic mission is designed to debug mechanisms of interaction and to coordinate activity of all institutes: state, non-state, market, public. Thanks to the accurate regulating interactions society represents the peculiar "system of coordinates" in which each institute takes a certain position according to their socially significant characteristics. The competition – the driving force of the market which not only creates optimum conditions for its participants but also serves as the production regulator, a source and the engine of innovations, stimulating development of advanced technologies and also is the most important mechanism of structural transformations.

Keywords: *state regulation, structure, competition, monopolism, antimonopoly activity.*

JEL: E20, H11, L40, L41, L50, K21, O10.

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук,
заведующая Центром политики занятости и социально-трудовых
отношений Института экономики Российской академии наук

СЕРАЯ ЗОНА РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: МАСШТАБЫ И ПОДХОДЫ К СОКРАЩЕНИЮ

В статье исследуется проблема вовлеченности работающего населения России в различные формы неформальных трудовых отношений – от юридически не оформленной занятости до скрытой оплаты труда. Сделана попытка структурировать это явление и оценить его социально-экономические последствия. Раскрываются факторы устойчивости неформальных отношений в сфере труда и обсуждаются возможные рычаги воздействия на работодателей и работников, побуждающие их к отказу от серых схем.

Ключевые слова: рынок труда, трудовые отношения, неформальная занятость, серая зарплата, незащищенность.

JEL: J23, J24, J28, J31.

Одним из наиболее значимых вызовов в социально-трудовой сфере является широкое распространение неформальных норм, правил и договоренностей в отношениях работников и работодателей, которые формируют устойчиво воспроизводящуюся серую зону. На протяжении периода реформ она захватила обширный сегмент рынка труда и сегодня является важным фактором, определяющим качество трудовой жизни. Это сближает российскую ситуацию с ситуацией развивающихся стран, где неразвитость систем социальной защиты вынуждает людей соглашаться на любую работу, в том числе вне сферы официальной занятости.

В развитых странах с отлаженными системами социальной защиты нарастание кризисных явлений в экономике, как правило, сопровождается ростом безработицы. В менее развитых странах люди не могут позволить себе оставаться без работы долго. Уровень официальной безработицы там, как правило, невысокий, а кризисные явления амортизируются ростом неформального сектора [5]. На сегодняшний день Россия, к сожалению, ближе ко второй модели.

На протяжении всего постсоветского периода данные обследования населения по проблемам занятости Росстата фиксируют невысо-

кий по европейским стандартам уровень безработицы. В кризисные периоды рост безработицы происходил значительно медленнее по сравнению с падением ВВП. В 2015–2016 гг., как и во время предыдущих кризисов, безработица изменилась незначительно. Ее уровень по-прежнему находится в пределах допустимых значений и как таковой самостоятельной угрозы экономической стабильности не представляет. Основным вызов в области безработицы связан с аномально высоким разрывом реальной численности безработных и их доли, попадающей в поле зрения Государственной службы занятости, что лишает подавляющую часть безработных какой-бы то ни было поддержки со стороны государства [3]. На сегодняшний день, по данным Росстата, общая численность безработных, классифицируемых в соответствии с критериями МОТ, в 4,8 раза превысила численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения. Как показывают материалы обследования населения по проблемам занятости, в январе 2017 г. 72,1% безработных искали работу самостоятельно, без содействия служб занятости.

Официальная статистика не дает данных о соотношении пособия по безработице и зарплаты на последнем месте работы. Однако с учетом того, что размер максимального пособия составляет менее 80% МРОТ и не достигает половины прожиточного минимума, этот критерий в российских условиях выходит в социально опасную зону. Таким образом, как и в развивающихся странах, в российской экономике действуют механизмы, выталкивающие население в серую зону трудовых отношений. Проведенный нами при поддержке Минтруда России в 2014 г. опрос региональных экспертов – сотрудников региональных администраций и служб занятости¹ показал, что вопреки ожиданиям лидирующим фактором расширения сферы серой занятости, по их мнению, выступает не желание уклониться от налогов, а трудности с устройством на формальные рабочие места и низкий уровень заработной платы, заставляющий работников искать приработки (см. табл. 1). В то же время, как будет показано ниже, серая зона в России имеет особенности, которые отличают ее от неформального сектора развивающихся стран, имеющего довольно четкие границы, отделяющие его от привилегированного формального сектора, и вбирающего в себя преимущественно низкоквалифицированную рабочую силу.

Распространенность неформальных отношений в сфере труда придает неуправляемость протекающим там процессам, искажает представление о реальном спросе и предложении рабочей силы, структуре занятости и доходов. В последние годы борьба с серыми схемами в трудовых отношениях выдвинулась в число приоритетов политики

¹ Было собрано 38 экспертных анкет в семи субъектах Федерации.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, толкает работников в неформальную занятость?»

Фактор	Число экспертов, выделивших фактор
Трудности с устройством на формальные рабочие места	33
Низкий уровень заработной платы в формальном секторе экономики, низкий уровень жизни населения, заставляющий искать приработки	32
Возможность сокрытия доходов от налогообложения	17
Иллюзорность, формальность, недостаточность законодательно установленных социальных гарантий для наемных работников	6
Нежелание работодателя оформлять трудовые договора с работником	2

Источник: данные экспертного опроса представителей региональных администраций и органов занятости (2014 г.).

государства. Однако предпринимаемые сегодня в этом направлении усилия носят нескоординированный и некомплексный характер и не привели пока к ощутимым результатам.

Следует отметить, что в России официальное статистическое определение занятости в неформальном секторе² и ее понимание представителями властных структур, работодателей и исследовательского сообщества отличаются. Росстат придерживается методологии, которая согласуется с правилами ведения системы национальных счетов и представляет собой вариацию методологического подхода, выработанного Международной организацией труда. К числу занятых в неформальном секторе относятся лица, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора, независимо от их статуса занятости. В качестве критерия отнесения к неформальному сектору принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица. Таким образом, в соответствии с методологией Росстата, все малые и средние предприятия, не имеющие статуса юридического лица, относятся к неформальному сектору, даже если они официально зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП) и платят положенные налоги. Неформальную занятость в рамках формального сектора Росстат не учитывает. В то

² Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. Утверждены Постановлением ГКС РФ от 25 октября 2002 № 76. www.consultant.ru.

же время как хозяйственники, так и исследователи под неформальной занятостью имеют в виду, прежде всего, незарегистрированную, а значит ускользающую от государственного контроля и регулирования занятость, но расходятся во мнениях, когда речь идет о конкретных границах этого явления.

Уже это расхождение во взглядах говорит о том, что сфера неформальных трудовых отношений очень неоднородна. При этом разные категории работников, включенных в эти отношения, сталкиваются с разным кругом проблем, имеют разный уровень социальной защищенности и сами в разной мере представляют собой проблему для государства и общества.

Сектор «классической» неформальной занятости включает в себя, по крайней мере, три различных по своему социально-экономическому положению категории работников. На одном конце спектра – пласт относительно благополучных и способных постоять за себя профессионалов, имеющих незарегистрированную частную практику или занимающихся фрилансом и, как правило, имеющих доход выше дохода работников аналогичной квалификации, занятых на формальной основе³. На другом конце – работники с относительно невысокой или устаревшей квалификацией, занятые как в неформальном, так и в формальном секторе на основе устного договора. Промежуточное положение занимают незарегистрированные мелкие предприниматели, кое-как сводящие концы с концами, для которых издержки легализации слишком велики или непосильны [1]. В серую зону трудовых отношений попадают также виды и формы экономической активности, имеющие одновременно признаки формального и неформального статуса. Прежде всего речь идет о легально занятым работникам, заработная плата которых полностью не декларируется.

Крупные предприятия редко используют неформальный наем работников и серые схемы выплаты заработной платы. С одной стороны, они располагают достаточными ресурсами для того, чтобы полностью нести издержки легальности, оставаясь при этом конкурентоспособными, с другой – они примеряют на себя международные практики ведения бизнеса и не желают рисковать накопленным репутационным капиталом, действуя в обход закона. В то же время среди представителей среднего и, в особенности, мелкого бизнеса практика неформальных или полуформальных трудовых отношений зарекомендовала себя как наиболее эффективный и доступный механизм выживания.

³ По оценке Агентства стратегических инициатив, численность предпочитающих не оформлять официально свою деятельность фрилансеров составляет сегодня в России около 5 млн. Объем рынка их услуг оценивается экспертами в 700 млн долл., причем с 2007 г. этот рынок ежегодно удваивается.

Сегодня представителей государства беспокоят, прежде всего, финансовые последствия существования серой зоны: потери поступлений в бюджет, в страховые и пенсионные фонды. Однако, на наш взгляд, не менее важна другая сторона проблемы: недоступность для неформалов гарантий социальной защиты, предоставляемых по закону работникам, занятым на формальной основе, подрыв их социальной защищенности. Центром политики занятости и социально-трудовых отношений ИЭ РАН по заказу Уполномоченного по правам человека в г. Москве проведено масштабное исследование пронизанного неформальными отношениями сектора малого бизнеса, позволившее выявить критические зоны социальной незащищенности в сфере труда⁴.

Исследование подтвердило, что относительно более широкое по сравнению с другими секторами экономической деятельности распространение неформальных норм и практик является характерной чертой малого бизнеса. Это проявляется уже на стадии оформления трудовых отношений. Более 20% опрошенных наемных работников либо вовсе не имели формального статуса, либо затруднились с ответом на вопрос о том, как оформлены их отношения с работодателем. Наряду с устной договоренностью, в сфере малого бизнеса широкое распространение получила практика регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей работников, которые фактически имеют работодателя, обеспечивающего их работой и выплачивающего зарплату. В этом случае, как и при устной договоренности, работодатель фактически снимает с себя ответственность за обеспечение надлежащих условий труда и соблюдение гарантированных трудовым законодательством прав.

Более высокая по сравнению с крупными и средними предприятиями вариативность оформления трудовых отношений характерна для всех сегментов малого бизнеса и для всех категорий занятых здесь работников. При этом спектр различий в положении, правах и уровне социальной защищенности наемного персонала достаточно широк.

В определенной мере наличие или отсутствие официального трудового договора, в особенности бессрочного, может служить индикатором конкурентоспособности работника. Должным образом неоформленные трудовые отношения относительно шире распространены среди традиционно уязвимых категорий населения: в крайних возрастных группах – среди молодежи и лиц старших возрастов, среди лиц с невысоким уровнем образования и тех, кто имеет серьезные проблемы со здоровьем, а также, что вполне ожидаемо, среди трудовых мигрантов.

⁴ Было опрошено 822 респондента, включающих наемных работников (71,8%), предпринимателей (14,0%), самостоятельно занятых (11,4%) и помогающих членов семьи (2,8%).

Вопреки заверениям работодателей о том, что особых различий между положением работников, нанятых на формальной и на неформальной основе, нет, вид трудового договора существенным образом влияет на стабильность занятости. Наличие официального контракта является наиболее весомым фактором гарантий сохранения рабочего места.

Сопоставление ответов респондентов на вопрос об угрозе потери работы показало, что наличие или отсутствие стандартного бессрочного трудового договора в большей степени влияет на уверенность респондентов в сохранении рабочего места, чем принадлежность к малому бизнесу как таковая. По данным обследования 2012 г., охватывавшего различные категории населения⁵, защищенность работников малого бизнеса в части гарантий занятости практически не отличалась от ее уровня для работающего населения в целом (см. табл. 2). Вместе с тем последняя волна экономического кризиса способствовала резкой дестабилизации занятости, причем для обладателей бессрочных контрактов ухудшение было наиболее заметным.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Существует ли для Вас в ближайшие 12 месяцев угроза потери работы?» в сравнении с обследованием социально-экономической защищенности населения 2012 г., %

Категория работников	Распределение ответов:								
	нет / скорее, нет			да / скорее, да			затрудняюсь		
	2015*	2012**		2015*	2012**		2015*	2012**	
		все	МБ		все	МБ		все	МБ
Все работники	43,7	67,6	67,5	24,4	17,7	18,8	31,9	14,8	13,5
<i>в том числе:</i>									
на постоянном контракте	47,8	71,9	63,8	24,5	14,9	22,0	27,7	16,8	14,2
по устной договоренности	35,1	52,5	52,8	35,1	28,7	30,7	29,8	18,9	16,5

* Данные обследования занятых в малом бизнесе; ** данные обследования социально-экономической защищенности населения.

Следует подчеркнуть, что самостоятельно занятые работники и мелкие предприниматели, использующие наемный труд, ощущают нестабильность своего положения еще более остро, чем лица, занятые у них по найму. В сохранении своего бизнеса на протяжении бли-

⁵ Подробно об обследовании социально-экономической защищенности населения см. [2].

жайшего года уверены менее половины малых предпринимателей и примерно столько же не рассчитывают восстановить свой бизнес в случае его потери. Это важно иметь в виду сегодня, когда малому бизнесу предполагается отвести роль одного из локомотивов экономического роста.

Наиболее острой проблемой в области оплаты труда на предприятиях малого бизнеса является широкое распространение практики теневых выплат. По оценкам экспертов «Опоры России» – организации, представляющей интересы малых и средних предпринимателей, сегодня более 80% работодателей используют серые схемы, удерживая легальную часть заработной платы большинства работников на уровне, незначительно превышающем МРОТ. Если ситуация действительно такова, это свидетельствует о том, что в теневые схемы вовлечено более половины экономически активного населения России. Такой расклад косвенно подтверждают данные Росстата, согласно которым теневые выплаты образуют около четверти совокупных доходов населения и почти 40% доходов от трудовой деятельности.

На этом фоне результаты нашего обследования выглядят несколько более оптимистично (см. табл. 3). Так, 42% опрошенных наемных работников малых и микропредприятий утверждали, что заработанные деньги в полном объеме (100%) получают в «белой зарплате». При этом среди занятых по полноценным трудовым договорам (как срочным, так и бессрочным) доля получающих заработную плату полностью официально составляла около половины, а еще около трети работников заверили, что доля теневых выплат составляет менее половины их заработка. В среднем по массиву на долю теневых выплат приходится около трети заработной платы (30,8%)⁶.

Таблица 3

Распределение работников по доле теневой заработной платы, в зависимости от вида трудового договора, %

Доля теневой заработной платы	Доля занятых по виду трудового договора:			
	бессрочный	на срок	устная	ИП
0%	48,4	50,0	22,2	17,5
Менее 50%	28,0	38,1	13,1	72,5
50% и выше	22,6	10,8	20,4	5
100%	1,2	0,8	44,4	5,0

⁶ Примерно такая же оценка масштабов скрытой заработной платы была получена на основе данных единственного масштабного исследования социально-трудовых отношений в российском малом предпринимательстве, проведенного в 1999 г. [4].

О неучтенных официально доходах населения, занятого в секторе малого бизнеса не по найму, можно судить по данным о превышении реального оборота малых предприятий над официальным. По оценкам авторов упомянутого выше исследования, действительный оборот сектора малого предпринимательства на рубеже тысячелетий превышал официальный по крайней мере на 20–30%⁷. Как видно из табл. 4, полученные нами оценки существенно выше. По оценкам опрошенных нами малых предпринимателей Москвы, теневой оборот малого бизнеса по крайней мере не меньше официально декларируемого оборота. При этом примерно треть ответивших на вопрос (33,7%) считают, что за последний год теневая составляющая малого бизнеса увеличилась, в то время как некоторое уменьшение отмечают лишь 21,2%.

Таблица 4

**Доля теневого оборота на предприятиях малого бизнеса,
по оценкам предпринимателей, %**

Категория предпринимателей	Доля теневого оборота:	
	средняя	медиана
Предприниматели, имеющие наемных работников	52,73	50,00
Предприниматели без наемных работников	57,42	55,00
Все	54,08	50,00

Сопоставление оценок масштабов теневой деятельности работодателями и работниками и ряд нюансов в распределении ответов наемного персонала позволяют предположить, что масштабы распространения скрытой зарплаты в ответах работников могут быть занижены. Так, среди занятых на основе устной договоренности, *a priori* предполагающей выплату зарплаты в конверте и никак иначе, лишь менее половины (44,4%) подтвердили, что их зарплата целиком «черная», в то время как 22,2% убеждены, что получают исключительно «белую» заработную плату. О том, что их зарплата целиком «белая», заявила половина работников юридически неоформленных предприятий. Такое распределение ответов позволяет предположить, что не исключена ситуация, когда работники могут расписываться во внутренних

⁷ По данным мониторинга состояния субъектов малого и среднего предпринимательства, средняя оценка респондентами теневой составляющей бизнеса колеблется в тех же пределах. Однако следует учесть, что это обследование охватывает не только малые, но и средние предприятия и не охватывает индивидуальных предпринимателей.

платежных документах и не знать или не отдавать себе отчета в том, что на самом деле получают «черные» деньги, с которых работодатель не делает положенных социальных отчислений.

В системе факторов, определяющих степень вовлеченности в теневые отношения по поводу оплаты труда, основную роль играют факторы, лежащие на стороне объективных характеристик рабочих мест. Наиболее уязвимые зоны, в которых скрытая оплата труда получила наибольшее распространение, в целом совпадают с теми, где сильнее всего ощущается нестабильность дохода. Предприятия, имеющие статус юридического лица (ООО, ЗАО, ОАО), значительно реже практикуют выплату неофициальной зарплаты по сравнению с индивидуальными предпринимателями (ИП). На «крупных» малых предприятиях практика «серых» выплат получила меньшее распространение по сравнению с микропредприятиями. Также в зону повышенного риска попадают занятые на основе устной договоренности и на основе договора с индивидуальным предпринимателем: четыре из пяти представителей этой категории получают по крайней мере часть заработной платы неофициально. Относительно благополучные с точки зрения «обеления» доходов сегменты малого бизнеса охватывают более квалифицированный контингент работников, где значительную часть занятых составляют специалисты с высшим образованием, которые менее охотно соглашаются на серые схемы оплаты труда.

Аргументы, которые используют работодатели для оправдания серых схем выплаты заработной платы, в принципе те же, что и в случае неформального найма: это – обоюдная выгода для работодателя и работника, а также наличие больших организационных трудностей и финансовых затрат, сопряженных с выходом из тени. Главным фактором, блокирующим возможность «оставаться на плаву» без применения теневых схем для значительной части предприятий мелкого и среднего бизнеса, является высокая финансовая нагрузка. С одной стороны, это уровень необходимых платежей в бюджет и внебюджетные фонды, с другой – необходимость уплаты запредельных арендных взносов, часто не оставляющих свободных средств для выполнения обязательств перед бюджетом.

Отсюда следуют два направления действий, способствующих преодолению неформальности:

1) наведение порядка с арендными платежами, проведение инвентаризации собственников помещений (есть свидетельства, согласно которым многие из них были получены в ходе коррупционных сделок, в обход действующего законодательства), возможно, установление законодательных ограничений на ставки аренды, расширение возможностей льготных условий аренды помещений (или их бесплатного предоставления) для отдельных категорий малого и микробизнеса;

2) установление разумных (подъемных для небольших предприятий) ставок обязательных отчислений.

Подходы к решению накопившихся проблем должны быть основаны на признании, что малое предпринимательство никогда не будет столь же устойчивым, как крупный бизнес, а значит, способным соответствовать нормам, разработанным для крупных производств. В то же время, несмотря на то, что предприятия малого бизнеса существенно уступают крупным по уровню гарантий, имеется ряд факторов, делающих их привлекательными для работников. Это ставит на повестку вопрос об адаптации законодательства о труде к условиям существования малого бизнеса, об установлении для субъектов малого предпринимательства особых норм регулирования труда и занятости (аналогично уже практикующимся сегодня упрощенным схемам налогообложения и бухгалтерской отчетности).

В рамках этого направления задача преодоления неформальности в сфере малого предпринимательства решается на пути сочетания повышения гибкости в регулировании трудовых отношений с ужесточением мер, принуждающим малый бизнес неукоснительно соблюдать эти более гибкие правовые нормы.

Для перевода трудовых отношений на небольших предприятиях в легальную плоскость, недостаточно сделать налоги подъемными и упростить бюрократические процедуры, сопряженные с регистрацией и ведением отчетности. Необходима система стимулов, чтобы легализация была не только менее затратной, но и выгодной опцией для микро-предприятий. В качестве конкретных стимулов эксперты видят расширение возможностей кредитования, предоставление доступа на новые рынки сбыта продукции, в том числе на основе сертификации квалифицированных специалистов, укрепление связей маленьких и крупных предприятий.

Наемных работников подтолкнуть к легализации трудовых отношений могла бы система пенсионного страхования, если отстроить ее так, чтобы она давала реальные преимущества в зависимости от отчислений и побуждала людей указывать реальный доход. Определенную позитивную роль может сыграть и повышение экономической грамотности населения, прежде всего молодежи, разъяснение преимуществ формальной занятости и рисков, связанных с занятостью на нестандартных условиях.

В заключение отметим, что выстраивание политики, направленной на сокращение серой зоны трудовых отношений, требует соответствующей информационной базы. Необходим мониторинг происходящих в этой сфере процессов и формирование на его основе базы данных, доступной для всех заинтересованных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубишин Е.С., Соболева И.В. Неформальная занятость в России: факторы, последствия, пути снижения / Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / Под ред. В.Н. Бобкова. М., 2015. С. 61–78.
2. Соболева И.В., Чадова Т.А. Социально-экономическая защищенность населения: ключевые аспекты и тенденции изменения // Вестник института экономики Российской академии наук, 2013. № 6. С. 70–91.
3. Соболева И.В., Четвернина Т.Я. Масштабы безработицы в России и способы ее измерения // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 99–113.
4. Чепуренко А.Ю., Обыденнова Т.Б. Трудовые отношения на российских малых предприятиях (по материалам социологических обследований) // Вопросы экономики. 2001. № 4. С. 110–122.
5. Carneiro F.G., Indermit S. Gill de Barros, R.P. (editors) The Third Dimension of Labor Markets: Demand, Supply and Institutions in Brazil. New York: Nova Science 2006. P. 30–42.

I.V. SOBOLEVA

doctor habilitatus in economics, head of the Center for policy of employment and social and labor relations of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

irasobol@gmail.com

GREY ZONE OF THE RUSSIAN LABOR MARKET: SCALE AND APPROACHES TO REDUCTION

The paper explores the issue of involvement of the working population of Russia in different forms of informal labor relations. An attempt to structuralize the phenomenon and to assess its social and economic consequences is made. The author reveals factors responsible for persistence of informal relations in the Russian labor market and discusses possible ways that may motivate employers and employees to give up “grey” schemes.

Keywords: labor market, labor relations, informal employment, grey wages, insecurity.

JEL: J23, J24, J28, J31.

Е.С. КУБИШИН
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института экономики РАН

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОЙНЫХ УСЛОВИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрена проблема обеспечения достойных условий труда в Российской Федерации и определены направления повышения безопасности труда как части государственной социальной политики.

Ключевые слова: *безопасность труда, условия труда, производственный травматизм, профессиональные заболевания, социальная политика государства.*

JEL: J28.

Безопасность труда как социально-экономическая проблема

Сокращение численности трудоспособного населения России выдвигает в число приоритетных задач более полного и эффективного использования имеющихся ресурсов труда. Одним из направлений сбережения трудового потенциала страны является обеспечение достойных условий труда.

К числу важнейших характеристик достойного труда относится безопасность на рабочем месте, безопасность труда (work security), под которой понимается обеспечение здоровых и безопасных условий труда, безопасность производственного оборудования, безопасные методы и приемы выполнения работ персоналом, обеспеченность работников средствами индивидуальной и коллективной защиты, недопущение чрезмерной интенсификации труда, контроль продолжительности рабочего времени, что позволяет снизить профессиональные риски, связанные с производственным травматизмом и профессиональными заболеваниями.

Обеспечение безопасности человека в процессе трудовой деятельности наряду с регулированием рынка труда и занятости населения, социальным страхованием и социальной защитой – это важное направ-

ление социальной политики государства как системной деятельности, направленной на жизнеобеспечение населения. Конечной целью всех мероприятий, касающихся обеспечения достойных условий труда и его безопасности, является предупреждение и защита работников от неблагоприятного, вредного и опасного воздействия факторов производственной среды и трудового процесса, их приспособление к физиологическим и психологическим особенностям трудящихся. Однако у проблемы безопасности труда есть и другой, чисто экономический аспект. По данным Доклада 2014 г. о реализации государственной политики в области условий и охраны труда в Российской Федерации, подготовленного Министерством труда и социальной защиты РФ и ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охраны и экономики труда» Минтруда России, экономические затраты и потери, связанные с состоянием условий труда, оцениваются в 1,29 трлн руб., или 1,8% ВВП. В масштабах национальной экономики потери фактически отработанного рабочего времени вследствие производственного травматизма, профзаболеваний, дополнительных отпусков и сокращенного рабочего времени составили в 2014 г. 107,9 млн человеко-дней, что равносильно невыходу на работу в течение года почти полумиллиона человек. Объемы невыпущенной по этой причине продукции оценены в 431 млрд руб., в том числе недополученных налоговых поступлений – почти в 60 млрд руб.¹

В круг индикаторов, позволяющих проводить оценку состояния и динамики безопасности труда, входит информация об условиях труда, продолжительности рабочего дня (недели) и отпуска, о наличии льгот по месту работы, системе охраны труда, содержащаяся в официальных статистических источниках, а также субъективные оценки трудовой среды самими работниками, получаемые в ходе анкетных опросов и социологических исследований. При этом последние могут расходиться с первыми.

Характеристика условий труда в России

Одной из важнейших объективных характеристик условий труда является состояние и динамика производственного травматизма. Публикуемые статистические данные об уровне производственного травматизма в Российской Федерации свидетельствуют об устойчивом снижении этого показателя начиная с 90-х годов XX в. Так, с 1990 по 1999 г. уровень травматизма снизился на 21,2%. В 2000-е годы темпы снижения показателей травматизма ускорились: за период 2005–

¹ Мониторинг условий и охраны труда в Российской Федерации. 2014. ФГБУ «ВНИИ охраны и экономики труда» Минтруда России Москва, 2015. С. 7–8.

2016 г. число пострадавших от несчастных случаев на производстве с утратой трудоспособности сократилось почти втрое (с 78 до 27 тыс. человек, или с 3,1 до 1,3 случаев в расчете на 1000 работающих), в том числе со смертельным исходом – с 3 до 1,3 тыс. человек².

Гораздо менее оптимистичной за рассматриваемый период была динамика профессиональной заболеваемости: число лиц с впервые установленными профессиональными заболеваниями (отравлениями) в 2016 г. сократилось по сравнению с 2005 г. всего на треть³.

Производственный травматизм, являясь прямым следствием неудовлетворительного состояния условий и охраны труда, приводит к значительным потерям трудового потенциала страны. Так, потери рабочего времени по причине несчастных случаев на производстве в 2016 г. составили 1,3 млн человеко-дней⁴, а средняя продолжительность нетрудоспособности в расчете на одного пострадавшего, по данным Росстата, превышает 1,5 месяца, составляя 49 дней.

Одной из важнейших причин снижения регистрируемого количества несчастных случаев на производстве в России явилось сокращение численности занятых в наиболее травмоопасных видах экономической деятельности – на 7,1% за период с 2005 по 2016 гг. При этом в сельском хозяйстве это сокращение составило 16,1%, в обрабатывающих производствах – 15,7%, в организациях связи – 11%, на предприятиях по добыче полезных ископаемых – 3,0%, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 1,1%. И только в строительстве и на транспорте имел место рост, соответственно, на 11,0% и 7,5%⁵.

Наблюдаемое в России снижение официально регистрируемых уровней производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом, происходит на фоне роста доли занятых во вредных и опасных условиях труда. По стране в целом за период 2010–2016 гг. этот рост составил 32,8%. Однако в таких травмоопасных видах деятельности, как обрабатывающие производства и строительство, рост был гораздо более значительным: на обрабатывающих предприятиях доля таких работников увеличилась на 42,5%, в строительстве – вдвое. На предприятиях связи соответствующий показатель вырос за рассматриваемый период на 47% (см. табл.).

Однако позитивная в целом динамика официальных статистических показателей не вполне отражает реальное положение вещей. Снижение, как уже отмечалось выше, происходит на фоне роста доли занятых во вредных и опасных условиях труда, сопровождается ростом

² Россия в цифрах. 2017 / Стат. сб. С. 110.

³ Расчеты автора по: Россия в цифрах. 2017 / Стат. сб. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 93.

тяжести получаемых травм и заболеваний и увеличением продолжительности нетрудоспособности. Сложившаяся ситуация усугубляется еще и тем, что на очень многих предприятиях всех форм собственности допускаются грубые нарушения законодательства о труде, его безопасности и гигиене, о чем свидетельствуют результаты проводимых Рострудом проверок соблюдения трудового законодательства. В 2016 г. в ходе таких проверок было выявлено 478,9 тыс. нарушений трудовых прав работников, из которых почти половина (44,6%) была связана с охраной труда⁶. Кроме того, на состоянии условий и охраны труда негативно сказывается действующая система компенсаций за работу во вредных и опасных условиях. Эта система приводит к тому, что вместо значительных вложений в модернизацию производства и в средства индивидуальной и коллективной защиты работодатель предпочитает доплачивать умеренные суммы к заработной плате работника⁷. Последнего в условиях низкого уровня оплаты труда это тоже устраивает, поскольку улучшение условий труда приведет к отмене установленных компенсаций и, как следствие, – к ощутимым потерям в зарплате (см. табл.).

К числу устанавливаемых работникам компенсаций (по степени охвата ими соответствующего контингента) относятся дополнительные отпуска (57,7% работающих во вредных и (или) опасных условиях, которым установлен хотя бы один вид гарантий и компенсаций), оплата труда в повышенном размере (в среднем 73,1% соответствующего контингента), бесплатное получение молока или других равноценных пищевых продуктов (в среднем 29,7%), досрочное назначение пенсии по старости (37%), сокращенная продолжительность рабочего времени (9,4%), предоставление бесплатного лечебно-профилактического питания (3,4% занятых в во вредных и (или) опасных условиях труда, имеющих компенсации), проведение медицинских осмотров (87,8%), досрочное назначение страховой пенсии (37% рассматриваемого контингента). Всего хотя бы один вид гарантий и компенсаций имеет менее половины (42,6%) списочной численности работающих во вредных и (или) опасных условиях⁸. При этом доля работников, полу-

⁶ Отчет о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2016 год. www.rostrud.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?ID=549754&sphrase_id=2018626.

⁷ По данным Росстата, в 2016 г. работодателями на мероприятия по охране труда было израсходовано в расчете на 1 работника 11479,8 руб.

⁸ Состояние условий труда работников, осуществляющих деятельность по сельскому хозяйству, охоте, лесному хозяйству, добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, в строительстве, на транспорте и в связи Российской Федерации в 2016 году. Т. 1. М.: Росстат, 2017.

чающих компенсации, на протяжении последних лет сокращалась по всем видам компенсаций за исключением оплаты труда в повышенном размере и сокращения продолжительности рабочего времени в некоторых видах деятельности (обрабатывающие производства, строительство и транспорт). Последнее также можно рассматривать как своеобразную форму повышения оплаты труда. Одновременно, как видно из таблицы, динамика занятых, охваченных компенсациями за работу во вредных и опасных условиях, существенно уступала росту их доли в общем числе занятых соответствующими видами деятельности. Единственное исключение – предприятия связи, где доля работников, которым установлен хотя бы один вид компенсации, увеличилась даже более значительно, чем их удельный вес в общем числе занятых.

Также есть основания полагать, что регистрируемые показатели не отражают истинного уровня травматизма на производстве по причине сокрытия значительной части несчастных случаев от регистрации и учета, что частично подтверждают и результаты проверок государственных инспекций труда. По данным Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), в течение 2016 г. в ходе проверок было выявлено 726 сокрытых несчастных случаев на производстве, из которых почти половина (342) – с тяжелыми последствиями и 213 (29%) – со смертельным исходом⁹. Кроме того, имеет место явное несоответствие соотношения показателей общего травматизма и травматизма со смертельным исходом. Так, анализ травматизма в разных странах Европы за ряд лет, проведенный Г.И. Тихоновой, А.Н. Чурановой и Т.Ю. Горчаковой, показал, что за рубежом в среднем на один случай гибели на производстве приходится от 500 до 2000 менее тяжелых травм. В России имеет место устойчивое снижение этого соотношения, которое составляет в настоящее время 1:22, что также свидетельствует об ухудшении регистрации и недоучете несчастных случаев на производстве [5].

В сокрытии несчастных случаев нередко заинтересованы сами работники, особенно там, где значительная часть заработной платы выдается в «конвертах». В случае производственной травмы больничный лист по временной нетрудоспособности оплачивается работнику исходя из размера официальной заработной платы, которая существенно ниже фактического заработка, а работодатель может предложить оплатить затраты и дать время на лечение без оформления временной нетрудоспособности. В результате сложившаяся практика ухода от налогообложения, особенно распространенная в орга-

⁹ Отчет о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2016 год. www.rostrud.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?ID=549754&sphrase_id=2018626.

Таблица

Работники, занятые во вредных и (или) опасных условиях труда, по видам экономической деятельности и охвату компенсациями (на конец года; в процентах от общей численности работников организаций соответствующего вида деятельности)

	В организациях по видам экономической деятельности					
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Транспорт	Связь
Занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда						
2010 г.	42,5	29,6	32,9	18,5	34,0	3,8
2016 г.	55,6	42,2	35,0	37,9	39,3	5,6
2016 г. к 2010 г., %	130,8	142,5	106,4	204,9	115,6	147,4
Работники, занятые во вредных и (или) опасных условиях труда, которым установлен хотя бы один вид компенсации						
2010 г.	67,8	41,6	41,3	34,5	45,7	6,3
2016 г.	60,1	46,7	40,9	40,6	43,7	8,3
2016 г. к 2010 г., %	88,6	112,2	99,0	117,7	95,6	131,7
в том числе:						
оплата труда в повышенном размере						
2016 г. к 2010 г., %	132,7	127,4	100,3	216,8	156,3	108,6

Окончание табл.

	В организациях по видам экономической деятельности					
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Транспорт	Связь
сокращенная продолжительность рабочего времени 2016 г. к 2010 г., %	92,9	125,0	75,0	214,3	161,1	43,8
ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск 2016 г. к 2010 г., %	69,0	86,4	70,7	87,9	82,4	43,6
досрочное назначение страховой пенсии 2016 г. к 2010 г., %	90,5	90,7	75,0	95,4	93,7	41,7
бесплатное лечебно-профилактическое питание 2016 г. к 2010 г., %	58,8	93,1	55,6	133,3	без изм.	без изм.
бесплатное получение молока или других равноценных пищевых продуктов 2016 г. к 2010 г., %	68,1	69,5	56,3	69,3	51,0	29,4

Источники: расчеты автора по: Труд и занятость в России. 2015. Стат. сб. С. 191–197; Состояние условий труда работников, осуществляющих деятельность по сельскому хозяйству, охоте, лесному хозяйству, добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, в строительстве, на транспорте и в связи Российской Федерации в 2016 г. Т. 1. М.: Росстат, 2017. С. 61–119.

низациях малого бизнеса, создает дополнительные предпосылки для сокрытия несчастных случаев. Нередки случаи и прямого давления работодателя на работника с целью вынудить его отказаться от оформления производственной травмы.

Таким образом, снижение официальных показателей производственного травматизма и профессиональной заболеваемости на фоне роста доли занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда отнюдь не свидетельствует о кардинальном улучшении условий и охраны труда на предприятиях России.

Дополнительными осложняющими положение факторами выступают сохраняющийся чрезвычайно высокий износ основных производственных фондов, использование устаревших технологий и неисправного оборудования, что неизбежно ведет к дальнейшему повышению профессиональных рисков, сопряженных с работой на таком оборудовании (хотя как отечественный, так и зарубежный опыт свидетельствуют, что техническое состояние оборудования оказывает значительное влияние на уровень производственного травматизма¹⁰). По данным за 2013 г., доля устаревшего промышленного оборудования (в возрасте 10 лет и старше), используемого в России, хотя и сократилась по сравнению с 2000 г., однако, все еще составляет около 80%. При этом на предприятиях нередко пытаются эксплуатировать не только 15–20-летнее, но даже полностью изношенное, давно выработавшее свой ресурс оборудование. Не случайно появилось множество фирм, которые реанимируют вышедшие из строя агрегаты, ремонтируют их, меняют приводы станков и т. п. Современного же оборудования, работающего менее 5 лет, в России едва ли более 5% [3], [1]. По данным Роструда, в 2015 г. по этим причинам произошло 63,6% общего количества несчастных случаев с тяжелыми последствиями. И этот показатель растет угрожающими темпами – в 2014 г. он составлял менее половины таких несчастных случаев (47,3%)¹¹.

Нельзя обойти стороной и такое явление, как крайне слабая правовая грамотность самих работников в вопросах их трудовых прав, соблюдения этих прав и охраны труда. Так, проведенное Центром политики занятости и социально-трудовых отношений ИЭ РАН в январе – феврале 2015 г. выборочное обследование социальной защищенности и соблюдения социально-трудовых прав занятых в малом

¹⁰ Так, техническое перевооружение перерабатывающей промышленности в 70–80-х годах прошлого столетия позволило существенно снизить частоту несчастных случаев со смертельным исходом на предприятиях Японии, США, Великобритании, Германии, Италии, Франции.

¹¹ Отчет о работе государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации за 2015 год. Данных за 2016 г. пока нет.

бизнесе Москвы показало, что о своих трудовых правах (правилах приема, увольнения, предоставления отпуска, условиях труда и проч.) хорошо осведомлены менее половины опрошенных (46,2%). Остальные осведомлены лишь частично (40,1%) или не осведомлены вообще (13,6%) [2].

В этих условиях, а также учитывая сохраняющуюся сырьевую направленность российской экономики и преобладание в ней отраслей с высокими уровнями производственного травматизма и профзаболеваний, существенного сокращения рассматриваемых показателей в ближайшем будущем ожидать не приходится.

Государственная политика в сфере охраны труда: что сделано

В целях обеспечения достойных условий труда и повышения его безопасности за последние годы государством был принят ряд значимых мер. Прежде всего, это введение специальной оценки условий труда (СОУТ). Согласно соответствующему закону, вместо аттестации рабочих мест вводится новая для работодателя процедура – специальная оценка условий труда. Указанная мера значительно расширяет круг рабочих мест, подлежащих такой оценке, т. е. с 2014 г. (но не позднее 31 декабря 2018 г.) ее должны будут провести даже те работодатели, которые ранее были освобождены от аттестации рабочих мест. СОУТ представляет собой комплекс мероприятий по идентификации вредных или опасных факторов производственной среды и трудового процесса и по оценке уровня их воздействия на работника. СОУТ должна проводиться не реже одного раза в пять лет независимо от того, были ли в ходе предыдущей оценки выявлены вредные и (или) опасные факторы (ранее рабочие места освобождались от аттестации, если по ее итогам условия труда признавались безопасными). При этом в ряде случаев (изменение технологического процесса, организация новых рабочих мест, несчастный случай или профзаболевание, требование инспекции труда или профсоюзной организации и т. п.) СОУТ может проводиться и внепланово, т. е. до истечения 5 лет. Организовать и оплатить специальную оценку, как ранее и аттестацию рабочих мест, должен работодатель. При этом сама оценка проводится совместно работодателем и специализированной организацией, привлеченной на основании гражданско-правового договора. По итогам оценки составляется отчет, а ее результаты с 1 января 2016 г. должны передаваться в Федеральную государственную информационную систему учета результатов проведения специальной оценки условий труда (ФГИС СОУТ). Если работодатель нарушил порядок проведения специальной оценки или не про-

вел ее, такие правонарушения влекут предупреждение или штраф в размере от 5 000 до 10 000 руб. для должностных лиц и лиц, осуществляющих деятельность без образования юридического лица, и от 60 000 до 80 000 руб. – для организаций¹².

Согласно идее, заложенной в закон разработчиками, новая процедура позволяет работодателям мотивированно проводить измерения и декларирование условий труда (чего не было раньше), т. к. это увязано с экономическими стимулами (дополнительными тарифами отчислений в Пенсионный фонд, а для работодателей, постоянно обеспечивающих безопасные условия труда, – в виде сокращения финансовых отчислений в ФСС и ПФР, что будет означать снижение финансовой нагрузки на предприятие). СОУТ позволяет (также впервые в России) получить статистику о состоянии и оценку условий труда (которой сейчас в полном объеме нет, а есть только статистические данные по очень узкому кругу предприятий).

В период с апреля 2014 г. по ноябрь 2015 г. процедура спецоценки была проведена на 3,56 млн рабочих мест. По мнению Министра труда и социальной защиты РФ М. Топилина, ее результаты показали, что экономические стимулы начали работать и происходит сокращение количества рабочих мест с вредными и опасными условиями труда¹³.

Завершить работу по переходу на СОУТ планируется до 1 января 2019 г. В этой связи на интернет-портале Роструда начала действовать онлайн-инспекция, куда может обратиться не только работник со своими трудовыми проблемами, но где сам работодатель может пройти тестирование на знание трудового законодательства и требований норм охраны и безопасности труда. Работодатели, которые реально занимаются улучшением условий и безопасности труда, могут быть освобождены от плановых проверок инспекторами Роструда.

3 июля 2016 г. был подписан Федеральный закон № 277-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», направленный, среди прочего, и на совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере трудовых отношений. Данный закон предполагает введение риск-ориентированного надзора, предполагающего, что как работодатели, так и работники обязаны более тщательно относиться к требованиям законодательства, но при этом должны обладать всей необходимой

¹² Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 г. № 426-ФЗ, вступивший в силу с 1 января 2014 г.

¹³ www.trudcontrol.ru/press/news/24556/ministr-truda-i-socialnoy-zashiti-rf-maksim-topilin-neobhodimo-stremit-sya-k-nulevomu-travmatizmu.

информацией¹⁴. Намечается также внесение в закон принципиальных изменений, нацеленных на приоритет интересов работника и его здоровья на производстве, на усиление превентивной направленности службы охраны здоровья и профпатологии на предприятии, ведение реестров застрахованных и результатов медицинских осмотров. Однако слабым местом упомянутого закона является положение, согласно которому с 1 июля 2017 г. невозможно будет проверять исполнение норм, установленных еще советским законодательством, но сохраняющих свою актуальность и продолжающих действовать.

Расширенный круг вопросов охраны труда вошел также в Государственную программу содействия занятости населения, разрабатываемую Министерством труда и социальной защиты (в рамках Подпрограммы 3 «Развитие институтов рынка труда», мероприятия 3.3 и 3.4)¹⁵ и с 2014 г. – в ежегодные Доклады о результатах и основных направлениях деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

Принятый еще в 1998 г. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» № 125-ФЗ, практически ежегодно с тех пор изменявшийся и дополнявшийся, с 1 января 2017 г. действует в новой редакции, значительно расширенной и дополненной 38 новыми статьями. В 2015 г. Правительством РФ было принято решение о проведении на постоянной основе Всероссийской недели охраны труда¹⁶. В процессе разработки находится также государственная программа «Безопасный труд», которая будет носить организационно-методологический характер.

Нерешенным остается, однако, вопрос о том, в какой мере предлагаемые мероприятия подъемны и реализуемы на небольших предприятиях, где нарушение норм трудового права, включая условия труда, распространено значительно шире, чем на более крупных. Разумеется, введение системы электронных инспекторов и онлайн-инспекции – это шаг в сторону предприятий малого бизнеса, в определенной мере упрощающий для них контрольные процедуры. Однако сама система работает пока в тестовом режиме, а, кроме того, круг подлежащих контролю объектов, согласно закону № 426-ФЗ «О СОУТ», существенно расширен (например, за счет офисных работников, чьи рабочие места

¹⁴ Одной из важнейших обязанностей уже упоминавшейся выше онлайн-инспекции Роструда и ее электронных инспекторов как раз и является обеспечение работников и работодателей такой информацией.

¹⁵ На основе этого документа в ряде регионов России уже приняты региональные Государственные программы по улучшению условий и охраны труда.

¹⁶ В апреле 2017 г. в Сочи состоялась III Всероссийская неделя охраны труда.

ранее аттестации не подлежали). Вместе с тем по-прежнему не подлежат оценке рабочие места надомников, дистанционных работников и тех, кто вступил в трудовые отношения с работодателями – физическими лицами, не являющимися ИП. Об условиях труда этих категорий работников практически ничего не известно. Остается неопределенным и предполагаемый упомянутым выше законом механизм действия экономических стимулов.

Государственная политика в сфере охраны труда: что предстоит сделать¹⁷

Как бы ни были важны и социально значимы уже принятые меры, следует констатировать, что они носят разрозненный характер и не встроены в общую систему социальной политики как ее органическая часть. Для изменения сложившегося положения представляется необходимым осуществление ряда взаимосвязанных мероприятий.

Прежде всего для разработки и целенаправленного проведения государственной политики в области охраны, безопасности и гигиены труда как составной части социальной политики государства необходимо четко определить цель, на достижение которой эта политика будет направлена, а также стоящие перед обществом задачи, решение которых может обеспечить достижение поставленной цели. Такой целью, например, может быть создание условий труда, соответствующих требованиям сохранения жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности.

Для достижения поставленной цели потребуются создание нового, адекватного современным условиям механизма (системы методов, инструментов, средств и институтов), обеспечивающего реализацию государственной политики в сфере охраны труда. Важным шагом в этом направлении должен стать уход от исключительно государственного патронажа социальной сферы в сторону государственно-частного партнерства, а также активное привлечение социальных партнеров, НКО, медицинских и научно-исследовательских учреждений, а также благотворительных организаций к выработке совместных решений в области охраны труда и их реализации на основе принципов дву- и трипартизма на всех уровнях управления. За государством при этом сохранились бы надзорные и законодательные функции. В предпринимательском сообществе уже есть осознание необходимости такого

¹⁷ В данном разделе использованы материалы, подготовленные автором и включенные в разделы 1.2 и 3.1 научного доклада И.В. Соболевой и Т.В. Чубаровой «Социальная политика в России – контуры новой модели». М.: Институт экономики РАН, 2017 [4, с. 18–19, 33–34].

подхода, и соответствующие органы уже создаются. Например, в Деловой России существует Комитет по охране труда и сохранению трудового потенциала, в Опоре России – Комитет по трудовым отношениям и охране труда.

В основу реформирования механизма охраны труда необходимо положить системный подход, основанный на защите от профессиональных рисков и включающий работу по следующим направлениям:

- лечебное (выявление и лечение профессиональных заболеваний на ранних стадиях, медицинская, социальная и профессиональная реабилитация и т. п.);
- профилактическое (профилактика травм, профессиональных и производственно обусловленных заболеваний);
- медико-статистический анализ здоровья работающих коллективов (включая медицинское наблюдение определенных контингентов работников до конца их жизни);
- оценка и прогнозирование профессиональных рисков и разработка мер по их снижению;
- социальное страхование профессиональных рисков (как на обязательной, так и на добровольной основе).

Учитывая, что обеспечение безопасных условий и охраны труда – важный ресурс повышения продолжительности жизни (в том числе трудовой) и благосостояния населения России, одной из главных задач должно стать внедрение идеологии сохранения жизни и здоровья работника, переход к системе профилактики травматизма и профзаболеваний. Иными словами, нужна такая модель, при которой работодатель не по принуждению, а по собственной инициативе будет стремиться поддерживать и обеспечивать безопасность труда на рабочем месте, включая обязательное предупреждение работника о возможных профессиональных рисках уже при приеме на работу и обязательное обучение навыкам безопасного труда и инструктаж по технике безопасности, до сих пор на многих предприятиях являющиеся формальностью.

Важно, чтобы у руководителей предприятий сформировалось понимание, что забота о сохранении жизни и здоровья работников экономически обоснована и выгодна. Внедрение процедуры специальной оценки условий труда в этой связи является шагом, безусловно, необходимым и положительным. Однако, учитывая ее обязательность и регулярность, а также то, что все затраты на ее проведение по-прежнему возлагаются на работодателя, круг которых, согласно закону № 426-ФЗ, существенно расширен, следует предусмотреть процедуры, препятствующие фиктивности таких СОУТ. Одной из таких процедур могло бы стать наделение профсоюзных организаций правом участия и контроля проверок условий труда, причем на всех пред-

приятных и организациях, а не только на тех, где имеется профсоюзная ячейка.

Наконец, важной задачей социальной политики должна стать реализация мер, направленных на формирование и у работника, и у работодателя культуры охраны труда. Одна из таких мер – введение семестрового курса по изучению социально-трудового законодательства как обязательной дисциплины во всех учебных заведениях, начиная со старших классов средней школы, в средних профессиональных и высших учебных заведениях всех специальностей, направлений и профилей подготовки. Для предпринимателей соответствующее обучение (реальное, а не через предоставление свидетельства о его прохождении, которое можно и «купить») должно быть обязательным условием последующей регистрации предприятия. Такое обучение можно было бы организовать в виде кратких курсов на базе служб занятости и сделать полностью бесплатным для владельцев малых и индивидуальных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голыми руками? econbez.ru/journal/cat/203.
2. Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе / Под ред. И.В. Соболевой. М.: ООО «ЭсПэХа», 2016.
3. Станки, станки, станки... 18/12/2015. aftershock.news/?q=node/358093.
4. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Социальная политика в России – контуры новой модели: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. inecon.org/docs/Soboleva_Chubarova_paper_2017.pdf.
5. Тихонова Г.И., Чуранова А.Н., Горчакова Т.Ю. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3.

E.S. KUBISHIN

PhD in economics, associate professor, senior research fellow of the Centre of employment policy and labor relations of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
kubisin48@gmail.com

PROVIDING WORTHY CONDITIONS AND SAFETY OF WORK IN THE CONTEXT OF THE STATE SOCIAL POLICY

The issue of providing worthy working conditions in the Russian Federation is considered in the paper. The directions of increase in safety of work as parts of the state social policy are defined as well.

Keywords: *safety of work, working condition, operational injuries, occupational diseases, social policy of the state.*

JEL: J28.

Е.Д. КИНАСОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита
НОУ ВО «Московская Академия Экономики и Права»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

В статье приведена методика определения экономической эффективности внешней трудовой миграции (иммиграции) на основе экономико-математического моделирования, с учетом индикативной системы экономической безопасности. Автором разработана методика определения общего влияния иммиграции на экономику и экономическую безопасность России, предложены: совокупный индикатор «иммиграционная емкость экономики принимающего государства» и индикатор «уровень иммиграционных потоков».

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономическая эффективность, иммиграция, внешняя трудовая миграция, ВВП, вывоз капитала, безработица, преступность, иммиграционная емкость, уровень иммиграционных потоков.

JEL: E17, E24, E27, F22, F24, J11.

Изменение парадигмы развития национальных хозяйств и происходящий процесс глобализации обуславливают новые тенденции трансформации всей мировой экономической системы за последние десятилетия, неотъемлемой частью которых являются процессы миграции.

Исследование вопросов эффективности экономической иммиграции является важнейшей составляющей анализа социально-экономического развития России и имеет огромное значение для реализации целенаправленной государственной политики в рассматриваемой сфере. По нашему мнению, основную проблематику данного исследования целесообразно рассматривать через взаимосвязь экономической эффективности внешней трудовой миграции и ее влияния на состояние экономической безопасности принимающего государства.

Данное исследование раскрывает не только фактическую экономическую эффективность внешней трудовой миграции, но и предлагает методику ее определения, что является существенным вкладом в изучаемое явление.

1. Методика определения состояния экономики принимающего государства под воздействием внешней трудовой миграции (иммиграции)

Рост экономики государства характеризуется системой результирующих макроэкономических показателей (индикаторов), отражающих состояние национальной экономики. Именно макроэкономические показатели системы национальных счетов характеризуют уровень экономической безопасности страны и ее благосостояние. Раскрывая вопрос влияния процесса иммиграции на российскую экономику, необходимо определить те показатели, на которые иммиграция напрямую или косвенно влияет. В качестве индикаторов экономической безопасности нами были использованы показатели, отражающие тенденции изменения выбранных индикаторов экономической безопасности, т. е. отношение показателей экономической безопасности в динамике (см. табл. 1).

Таблица 1

Выбранные индикаторы экономической безопасности и их пороговые значения*

Наименование пороговых значений экономической безопасности	Уровень пороговых значений
Уровень роста ВВП по сравнению с предыдущим периодом, %	100
Уровень роста ВВП на душу населения, %	100
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	7
Уровень преступности (число преступлений на 100 тыс. населения), тыс.	3
Уровень вывоза капитала, % к ВВП	2
Дефицит федерального бюджета, % ВВП	0,5

* Подробное обоснование выбранных критериев изложено в диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук: Кинасова Е.Д. Иммиграция и экономическая безопасность России: см. [5, с. 68–82].

Бесспорно, одним из основных макроэкономических показателей, оценивающих результаты экономической деятельности, является валовой внутренний продукт (ВВП).

Иммигранты на территории Российской Федерации в большинстве своем участвуют в производственном процессе, тем самым влияя на уровень ВВП.

В то же время стоит заметить, что одними из главных показателей, от которых зависит ВВП, являются капитал, численность экономически активного населения, производительность труда. На протяжении

2000-х годов численность экономически активного населения росла за счет вступления в трудоспособный возраст людей, родившихся еще в СССР в 80-е. Но начиная с 2010 г. в трудоспособный возраст вступают те, кто родился в 90-е. А в этот период в стране уровень рождаемости был очень низок. По данным Минэкономразвития, через 3 года численность экономически активного населения сократится на миллион, а населения в трудоспособном возрасте – на 3 миллиона [6]. Учитывая тенденцию, можно предположить, что через 15 лет экономически активное население в России сократится почти на четверть. При этом стоит отметить неизбежность данного процесса, т. к. при очень малой скорости роста производительности труда, несмотря на попытки ее увеличения путем «модернизации» экономики, единственным выходом из данной ситуации останется привлечение иммигрантов.

Однако при изучении иммиграционных процессов необходимо обратить особое внимание на уровень безработицы среди самих иностранных граждан в России. Безработные иммигранты не производят товар, не осуществляют вклад в ВВП страны. А так как в России не предусмотрены выплаты пособий по безработице иммигрантам, то иностранные граждане, не имеющие работы и постоянного источника дохода, лишившиеся средств к существованию, вовлекаются в преступную деятельность и создают дополнительную угрозу экономической безопасности государства. Поэтому в нашем исследовании мы поставили задачу определить степень влияния иммиграции на ВВП и связанные с ним показатели – ВВП на душу населения, уровень безработицы и преступности, для чего методами статистического анализа было доказано существование взаимосвязи между ними.

Полученные нами статистические данные были систематизированы по методу группировки, используя в качестве группировочного признака:

- для ВВП – численность иностранных граждан, так как ВВП является показателем абсолютным;
- для ВВП на душу населения, уровня безработицы и преступности – «плотность иммиграции»¹, так как данные показатели являются относительными.

На рис. 1 и 2 представлены результаты сводки по группировочным признакам. На рис. 2 отображены показатели в сравнении с аналогичным показателем при плотности иммигрантов менее 50 иммигрантов на 1000 коренного населения.

¹ «Плотность иммиграции» – термин, введенный автором, определяется на основе расчетов по данным внутренней статистической отчетности ФМС России (на период исследования) как отношение количества иммигрантов к числу коренного населения (в динамике и по федеральным округам). Подробнее: см. [5, с. 109–110].

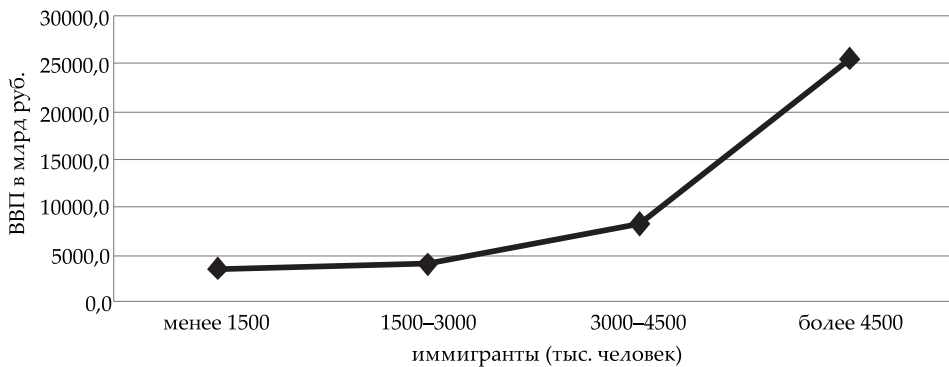

Рис. 1. Зависимость ВВП/ВРП от численности иностранных граждан.

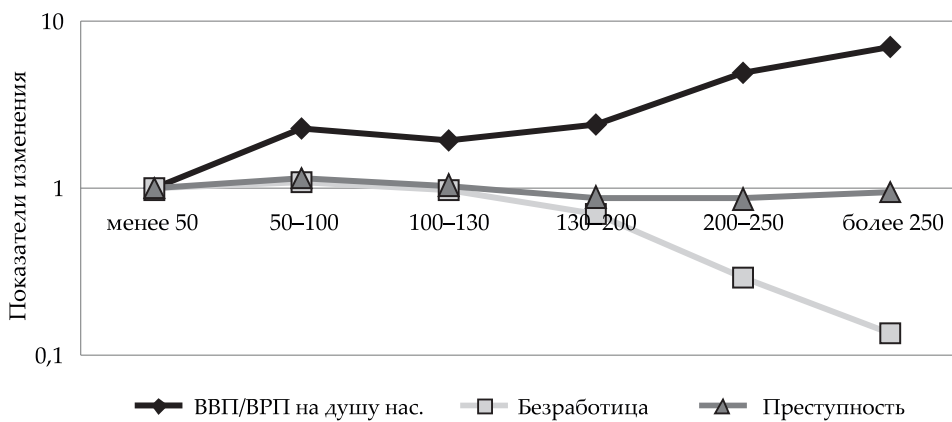

Рис. 2. Зависимость относительных показателей от плотности иммиграции.

Из данных графиков следует, что при увеличении плотности иммиграции показатель ВВП/ВРП на душу населения увеличивается пропорционально увеличению показателя плотности иммиграции. Общий уровень безработицы, наоборот, уменьшается с увеличением плотности иммигрантов. В то же время наблюдаются незначительные изменения показателя уровня преступности в зависимости от увеличения плотности иммиграции.

С помощью методов корреляционного и регрессионного анализа автором выявлено наличие зависимости между показателями иммиграционных потоков и значениями показателей экономической безопасности². Так, о взаимосвязи численности иммигрантов и ВВП/ВРП свидетельствует высокое значение коэффициента корреляции, равное 0,97, о взаимосвязи плотности иммигрантов и ВВП/ВРП на душу насе-

² Выполнялся статистический анализ приращений указанных показателей. Подробнее: см. [5, с. 112–115].

ления свидетельствует значение коэффициента корреляции, равное 0,79, о взаимосвязи плотности иммигрантов и уровня безработицы коренного населения свидетельствует отрицательное значение коэффициента корреляции, равное -0,77, что в последнем случае позволяет прийти к определенному выводу об односторонности данной взаимосвязи, а именно: согласно полученным результатам, чем больше уровень иммиграционных потоков, тем меньше общий уровень безработицы. Проведенный регрессионный анализ показал значительное влияние процесса иммиграции на уровень преступности (коэффициент детерминированности данной регрессии равен 0,993).

Вместе с тем использованные для анализа данных взаимосвязей методы эконометрики и статистики обусловили необходимость поиска путей для выявления характера влияния процесса иммиграции на состояние экономической безопасности, что было выражено через функции от переменной количества иммигрантов, дающих в качестве результата показатели состояния экономической безопасности под воздействием иммиграции.

Далее остановимся на функциях по каждому из вышеуказанных показателей экономической безопасности.

1.1. Так, функция, характеризующая **зависимость показателей ВВП от численности иммигрантов**, выражена следующей предложенной автором³ формулой:

$$Y(M, t) = p(t) \left(N_p(t) + M \times k_{pm} \times (1 - u) \right), \quad (1)$$

где: Y – ВВП; $p(t)$ – функция производительности труда коренного населения от времени t ; $N_p(t)$ – численность занятого коренного населения; M – численность иммигрантов; k_{pm} – коэффициент, равный отношению производительности труда коренного жителя и иммигранта; $(1-u)$ – доля занятых среди иммигрантов⁴.

Основой является предложенный коэффициент k_{pm} . Его разработка является результатом сравнения производительности труда коренного населения и иммигрантов, что является фундаментальной основой векторов развития рынков труда – национального и иностранных трудовых ресурсов. Таким образом, в настоящий момент это позволяет прийти к обоснованному выводу о дезинтеграции рынков труда и необходимости в будущем их интегрировать, что означает сдвиг самой парадигмы рынка труда.

Проведенные расчеты (ф. 1) и сравнительный анализ показали совпадение их результатов с реальными показателями ВВП в период

³ См. [1, с. 86].

⁴ Методика расчета показателей производительности и доли занятых среди иммигрантов подробно изложена в: [5, с. 128].

с 2000 г. по 2006 г. (см. рис. 3). Наибольшая разница между теоретическими и фактическими значениями ВВП приходится на периоды сильного воздействия иных факторов: цены на нефть в 2006–2008 гг. и мирового экономического кризиса.

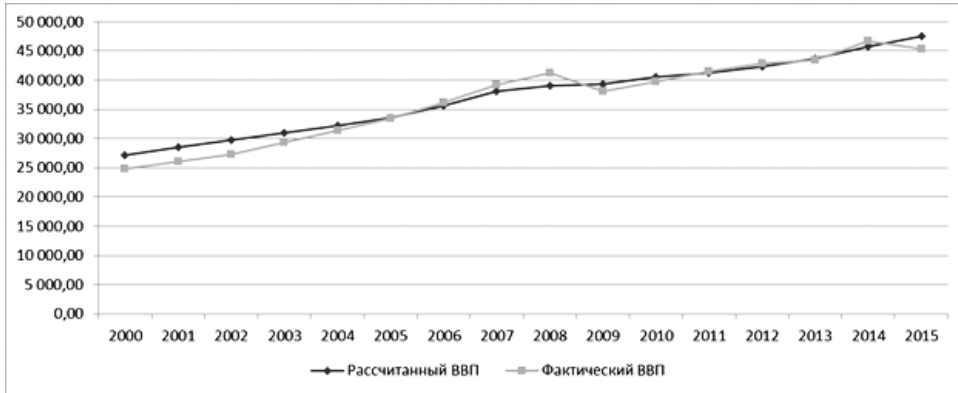

Рис. 3. Сравнение фактического и теоретического уровня ВВП.

Проведенное исследование [1, с. 81–90] позволяет прийти к выводам о значительном влиянии иммиграционных потоков на ВВП страны-реципиента, наличии определенной зависимости между количественными показателями иммиграции и ВВП.

Одними из наиболее весомых показателей экономической безопасности Российской Федерации являются уровень вывоза капитала и дефицит бюджета.

Ежегодно иммигранты из стран СНГ вывозят из России свыше 10 млрд долл. Отсутствие механизмов мониторинга в этой сфере и бесконтрольный характер данного явления служат фундаментом для роста и прогрессирования угроз экономической безопасности государства по данному показателю.

1.2. Расчет масштабов утечки капитала из России в зависимости от деятельности иммигрантов следует производить через функцию, характеризующую взаимосвязь показателей вывоза капитала и численности иммигрантов, выраженную следующей формулой⁵:

$$K(M) = t_{\text{cp}} k w M (1 - u), \quad (2)$$

где: t_{cp} – средняя длительность пребывания иммигрантов в России, в месяцах; k – доля зарплаты иммигрантов, отправляемая за границу; w – заработная плата иностранных работников с учетом роста; M – количество иммигрантов; $(1-u)$ – доля занятых среди иммигрантов.

⁵ См.: [5, с. 130].

Как показали проведенные расчеты (ф. 2), в 2016 г. иммигрантами было вывезено (переведено) за пределы Российской Федерации 1,55 трлн руб., что составило 1,8 % от ВВП. Процесс иммиграции затрагивает как расходные, так и доходные статьи бюджета Российской Федерации. Формулы, характеризующие зависимость показателей дефицита бюджета от показателей иммиграции, представлены через анализ бюджетных доходов и расходов в рассматриваемой сфере в следующем виде⁶:

Доходы:⁷

$$D = B_M M + B_E (1 - u) M, \quad (3)$$

где D – доходы бюджета Российской Федерации, B_M – средняя сумма, поступающая в бюджет Российской Федерации от одного мигранта, сложенная из пошлин и прочих платежей; M – численность иммигрантов; B_E – средняя сумма, поступающая в бюджет Российской Федерации от одного занятого иммигранта; $(1-u)$ – доля занятых среди иммигрантов.

Расходы:⁸

$$R = B_R \times M, \quad (4)$$

где R – расходы бюджета Российской Федерации, B_R – средняя сумма израсходованных на одного иммигранта средств бюджета Российской Федерации; M – численность иммигрантов.

Вклад в бюджет будет положительным при любом количестве иммигрантов и будет вычисляться по (ф. 5)⁹ как:

$$V(M) = D - R, \quad (5)$$

где V – вклад иммигрантов в структуру бюджета; D – доходы бюджета Российской Федерации; R – расходы бюджета Российской Федерации.

1.3. Влияние численности иммигрантов на уровень преступности.

Исследование данного влияния было проведено нами методом регрессионного анализа. Этот статистический метод исследования позволяет описать влияние одной или нескольких независимых переменных на зависимую переменную, которой в рассматриваемом случае выступит количество преступлений. Цель применения данного метода заключается в определении степени детерминированности вариации числа преступлений. В свою очередь это позволит, с опре-

⁶ См.: [5, с. 136–140].

⁷ См.: [5, с. 138].

⁸ См.: [5, с. 139].

⁹ См.: [5, с. 139].

деленной долей вероятности, прогнозировать уровень преступности в зависимости от масштабов миграции в России.

Таким образом, формула, характеризующая зависимость показателей преступности от численности иммигрантов, предложена на основе проведения регрессионного анализа данных о численности населения в трудоспособном возрасте, численности занятых в экономике и лиц без постоянного источника дохода, численности иммигрантов, а также о количестве преступлений за период 2005–2015 гг. в виде следующей линейной функции¹⁰:

$$P(M) = -0,0386X_1 + 0,239X_2 + 0,087X_3, \quad (6)$$

где $P(M)$ – количество преступлений, $-0,0386$ – частный коэффициент корреляции количества преступлений и численности занятого населения, X_1 – численность занятых в экономике страны, $0,239$ – частный коэффициент корреляции количества преступлений и численности лиц без постоянного источника доходов, X_2 – численность населения без постоянного источника дохода, $0,087$ – частный коэффициент корреляции количества преступлений и численности иммигрантов, X_3 – численность иммигрантов. При этом коэффициент детерминированности данной регрессии равен $0,993$.

Данная регрессия может служить инструментом совершенствования механизма прогнозирования уровня преступности в России в зависимости от количества иммигрантов.

Влияние иммиграции на уровень преступности существенно, однако более значимым является влияние количества граждан Российской Федерации без постоянного источника дохода. При этом отсутствуют основания полагать, что иммиграция является фактором, «вытесняющим» в криминогенную среду представителей коренного населения.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к выводу, что иммиграция положительно сказывается на таких показателях экономической безопасности, как ВВП, ВВП на душу населения и дефицит бюджета. и негативно сказывается на уровне оттока капитала и уровне преступности. Одновременно с этим на зависимость ВВП страны и ВВП на душу населения от количества иммигрантов оказывает влияние предельная полезность иностранных граждан, выраженная в уровне безработицы среди них.

¹⁰ См.: [2, с. 102].

2. Рынок труда и методика выявления безработицы среди иммигрантов

Характеристика рынка труда иммигрантов и некоторых процессов, происходящих внутри данного рынка, была раскрыта автором на основе ДМП-модели, адаптированной применительно к изучаемым процессам для выявления выходного параметра данной модели – показателя уровня безработицы среди иммигрантов, оказывающего существенное влияние на экономическую безопасность страны-реципиента. Как уже было изложено выше, занятость иммигрантов на территории принимающего государства приобретает в современных условиях особую важность, равно как и не менее важным является разработка механизма контроля за занятостью среди иностранных граждан.

Многими статистическими исследованиями были выявлены показатели незначительной безработицы среди иностранных граждан, однако данные результаты были получены при недостаточно значительном количестве иммигрантов. Например, большое количество иммигрантов в Германии уже давно привело к тому факту, что уровень безработицы среди них в этой стране выше, чем у коренных жителей.

Иностранные граждане на территории Российской Федерации образовали собственный рынок труда под влиянием таких факторов, как: социальная нетерпимость к иммигрантам, деятельность диаспор, значительность теневого сектора в экономике. В этой связи не только иммигрантам практически невозможно заменить гражданина России на его рабочем месте, но и коренным жителям непросто устроиться на рабочие места, которые потенциально по уровню заработной платы и иным характеристикам предназначены для иммигрантов.

Для выявления уровня безработицы иммигрантов (u) необходимо использовать экономические модели, описывающие процессы трудоустройства на рынке труда. В качестве основной экономической модели рынка труда иммигрантов была использована ДМП-модель, приведенная в исследованиях зарубежных ученых П. Даймонда, Д. Мортенсена и К. Писсаридеса.

Адаптированное автором на основе ДМП-модели в общем случае уравнение определения уровня безработицы представлено (ф. 7)¹¹ как:

$$m_t = sM(1 - u), \quad (7)$$

где m_t – число заключения новых трудовых договоров за определенный период времени, s – экзогенный показатель скорости увольнения работника, характеризующий количество расторгнутых трудовых

¹¹ См.: [4, с. 221].

договоров за определенный период времени, M – численность всех иммигрантов, $(1 - u)$ – доля занятых иммигрантов.

С учетом того, что $M(1 - u) = E$, где E – количество занятых иммигрантов, данная формула была преобразована в следующую¹²:

$$\mu \cdot (M - E)^{\beta} \cdot (V - E)^{1-\beta} = sE, \quad (8)$$

где μ – численный постоянный коэффициент, определяемый эмпирически и зависящий от длины изучаемого периода времени, M – численность всех иммигрантов, E – количество занятых иммигрантов, β – коэффициент характеризующий положение работника (численное выражение его влияния на работодателя – от 0 до 1), V – число вакансий для иммигрантов, s – экзогенный показатель скорости увольнения работника, характеризующий количество расторгнутых трудовых договоров за определенный период времени.

На основании ДМП-модели были выявлены процессы, происходящие на рынке труда иммигрантов при изменении их численности, в том числе изменение показателя уровня безработицы среди иностранных граждан, оказывающего существенное влияние на экономическую безопасность страны-реципиента. Так, зависимость показателя уровня безработицы и изменения численности иммигрантов является прямой.

Очевидна обоснованность метода применения данной модели при разрешении вопросов и практических задач в области труда и занятости иностранных граждан на территории Российской Федерации. Так, методом экономического моделирования можно прогнозировать количество прибывающих иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности и в смежных целях в определенные периоды времени, и, меняя параметры применяемой ДМП-модели, регулировать их численность. Данная модель позволяет обосновать нахождение иммигрантов на рынке труда и сократить среди них долю нелегальных.

3. Индикатор «иммиграционная емкость экономики принимающего государства»

Одним из критериев достижения экономической эффективности внешней трудовой миграции для принимающего государства является вопрос об экономической целесообразности нахождения на территории России иммигрантов, рассматриваемой в контексте экономической безопасности.

Данное обстоятельство обусловило необходимость выработки механизма определения оптимального и порогового значений численности иммигрантов для экономики Российской Федерации.

¹² Там же.

Остановимся на положении о выборе оптимального количества иммигрантов для экономики страны-реципиента, разработанном нами на основании полученных ранее результатов: так как невозможно, меняя значения численности иммигрантов, «улучшить» выбранные показатели экономической безопасности (при повышении числа иммигрантов «улучшается» показатель ВВП, но «ухудшается» показатель преступности), приходится решать, какое значение численности иммигрантов необходимо для наилучшего состояния экономической системы.

Для определения оптимального количества иммигрантов необходимо использование совокупного индикатора *иммиграционной емкости экономики принимающего государства* (далее – совокупный индикатор), объединяющего все представленные выше показатели и описывающего состояние экономики через показатели экономической безопасности.

Данный совокупный индикатор выражает способность экономики «принять» определенное количество иммигрантов, т. е. пребывание на территории принимающего государства иммигрантов в количестве большем, чем выявляет максимальное значение совокупного индикатора, является нецелесообразным, так как в таком случае экономическая выгода от нахождения на территории страны иностранных граждан нивелируется либо поглощается негативными последствиями и возрастающим уровнем угроз экономической безопасности.

Совокупный индикатор обладает унифицированным свойством и позволяет соизмерить и обеспечить эффективность экономики в условиях, когда имеет место одновременное воздействие негативных факторов (рост показателей вывоза капитала и уровня преступности) и благоприятствующих (рост ВВП и ВВП на душу населения), и определяет такое количество иммигрантов, необходимых России в целом, максимальное значение которого является критерием достижения оптимального состояния экономической системы под воздействием иммиграции, что, в свою очередь, определяет возможность выбора данного количества иностранных граждан для экономики страны-реципиента *с учетом объективно существующих угроз*.

В общем виде совокупный индикатор представляет собой функцию зависимости объединенных показателей экономической безопасности от показателя численности иммигрантов, максимальное значение которой является критерием достижения оптимального состояния экономической системы под воздействием иммиграции.

Оптимальное значение численности иммигрантов было определено путем поиска максимума совокупного индикатора с учетом предложенных коэффициентов, характеризующих критерии важности для экономической безопасности страны. При определении формулы совокупного индикатора была учтена разнородная природа и масштабы показателей экономической безопасности.

Формула совокупного индикатора представлена в следующем виде¹³:

$$I(M) = 0,15 \left(\frac{Y(M)}{Y'} + \frac{V(M)}{Y(M)} \times 52 \right) - 0,2 \left(0,5 \left(\frac{P(M) - P_c}{P_c} \right) \right) + \\ + 0,25 \left(-\frac{K(M)}{Y(M)} \times 2,22 + \frac{y(M) - y'}{y'} \right), \quad (9)$$

где: $I(M)$ – совокупный индикатор; 0,15 – коэффициент важности показателей ВВП и дефицита бюджета; $Y(M)$ – значение функции ВВП при M иммигрантах; Y' – значение ВВП предыдущего периода; $V(M)$ – вклад в бюджет Российской Федерации M иммигрантов; 52 – масштабный коэффициент; 0,2 – коэффициент важности уровня преступности; $P(M)$ – количество преступлений при M мигрантах; 0,5 – масштабный коэффициент; P_c – среднее число преступлений в России; 0,25 – коэффициент важности показателей вывоза капитала и ВВП на душу населения; $K(M)$ – объем вывезенного M иммигрантами капитала; 2,22 – масштабный коэффициент; $y(M)$ – показатель ВВП на душу населения при M иммигрантах; y' – показатель ВВП на душу населения предыдущего периода.

Каждый из показателей, включенный в (ф. 9) необходимо рассматривать отдельно, определяя согласно (ф. 1), (ф. 2), (ф. 3) и (ф. 6) *пороговые* значения численности иммигрантов, при которых выбранные индикаторы экономической безопасности находятся в пределах своих допустимых значений.

Рассмотрим подробнее пороговые значения численности иммигрантов для каждого из выбранных показателей экономической безопасности. Так, пороговые значения численности иммигрантов для ВВП установлены на основании решения (ф. 1) и составляют: для 2012 г. – не менее 8 900 000 иммигрантов (или не менее 62 иммигрантов на 1000 жителей коренного населения); для 2013 г. – не менее 5 600 000 иммигрантов; для 2014 г. – не менее 2 900 000 иммигрантов. На основе проведенных расчетов было определено необходимое количество иностранных граждан для 5%-ного роста ВВП и приведен соответствующий прогноз (см. рис. 4).

Вклад иммигрантов в экономику России в предыдущие периоды и прогнозируемый ВВП, созданный только гражданами Российской Федерации, рассчитан с учетом сохранившегося уровня роста производительности труда и падающей численности трудоспособного населения.

Пороговые значения численности иммигрантов для показателя уровня преступности установлены на основании решения (ф. 6).

¹³ См.: [3, с. 58–60].

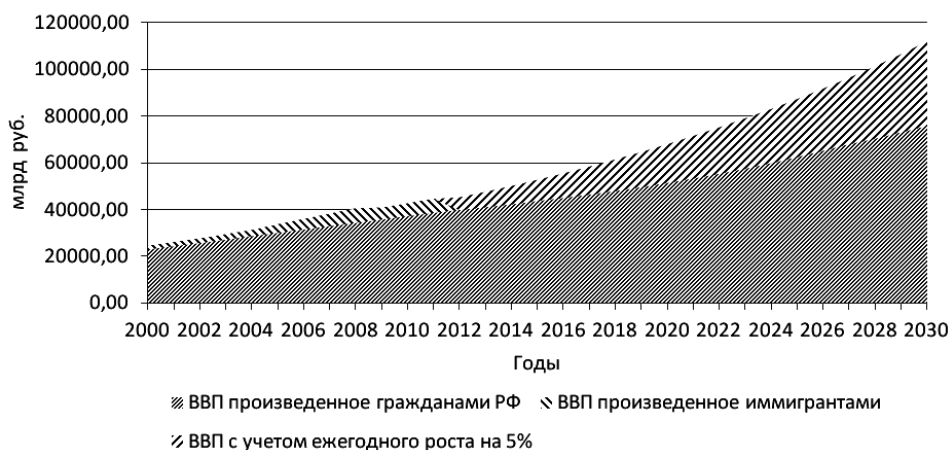

Рис. 4. Прогноз динамики показателя ВВП, созданного гражданами Российской Федерации и иммигрантами.

Функция зависимости количества преступлений от показателей численности различных групп населения может служить средством для обоснования порогового значения численности иммигрантов на территории Российской Федерации, исходя из влияния иммиграционных потоков на уровень преступности. Для уровня преступности существует пороговое значение в 5000 преступлений на 100 тыс. населения (так для России пороговым числом преступлений будет 7 млн преступлений, а для Москвы – 575 тыс. преступлений). Данные пороговые значения для России достигают при исключительно «теоретических» 65 млн иммигрантов, а для Москвы – при вполне вероятных 4,2 млн иммигрантов. Если пороговое значение в 65 млн иммигрантов не носит практического характера, так как при нем, очевидно, изменится уровень их занятости, а значит и увеличится уровень вовлечения иностранных граждан в криминальные процессы, то пороговое значение для Москвы является актуальным – в некоторые периоды численность иммигрантов в Москве приближалась к значению 3 млн человек, что значительно влияло на уровень преступности.

Пороговые значения численности иммигрантов для показателя уровня вывоза капитала установлены исходя из расчетов по (ф. 2). Пороговым значением для уровня вывоза капитала является 2% от ВВП. Выявленное предельное количество иммигрантов для обеспечения уровня вывозимого капитала менее 2% от ВВП значительно меньше, чем необходимое для обеспечения 5%-роста экономики. Такое количество иммигрантов способно обеспечить средний рост ВВП только на 3,8%.

Показатель дефицита бюджета страны для расчета порогового значения иммигрантов не применяется, в связи с тем что они в целом приносят бюджету доходы.

Определение оптимального значения численности иммигрантов производится путем поиска максимума совокупного индикатора по (ф. 9) и объединяет в себе все показатели экономической безопасности, с учетом предложенных коэффициентов «масштаба» и коэффициентов критериев важности.

Например, оптимальное количество иммигрантов определено для 2012 г. и составляет 23 млн иностранных граждан, в то же время данное значение больше порогового значения по показателю уровня вывоза капитала. Совокупный индикатор описывает состояние экономики через показатели экономической безопасности. Его практическое использование предоставляет возможность выбора оптимального количества иммигрантов для экономической системы страны-реципиента.

При этом, согласно результатам вычислений по (ф. 9) и анализу изменения общего состояния экономики страны под влиянием иммиграции (количества иммигрантов), чем большее значение принимает данный совокупный индикатор, тем благоприятнее состояние экономической системы, без учета пороговых значений индикаторов экономической безопасности.

Приведенные выше результаты исследования свидетельствуют о значительном влиянии иммиграции на экономическую безопасность.

Таким образом, на основании предложенных формул зависимости индикаторов от численности иммигрантов и совокупного индикатора, были получены результаты – *пороговые и оптимальные значения численности иностранных граждан для России.*

При соблюдении пороговых значений численности иммигрантов пороговые значения самих индикаторов экономической безопасности принимающего государства не превышаются. Однако неограниченные в количественных параметрах иммиграционные потоки создают условия для дестабилизации экономической системы: превышаются предельные значения важных индикаторов экономической безопасности, вследствие чего возникают соответствующие угрозы в виде *повышения уровня преступности и увеличения оттока капитала.* При этом проведенное нами исследование позволяет прийти к выводу об отсутствии однозначного негативного влияния иммиграции на другие выбранные индикаторы экономической безопасности (ВВП, ВВП на душу населения, дефицит бюджета) и создания соответствующих угроз. Более того, для таких показателей, как дефицит бюджета, ВВП, ВВП на душу населения, влияние иммиграции является в целом положительным.

4. Индикатор «уровень иммиграционных потоков»

Процесс иммиграции, рассматриваемый как межгосударственное движение рабочей силы, является элементом институциональной

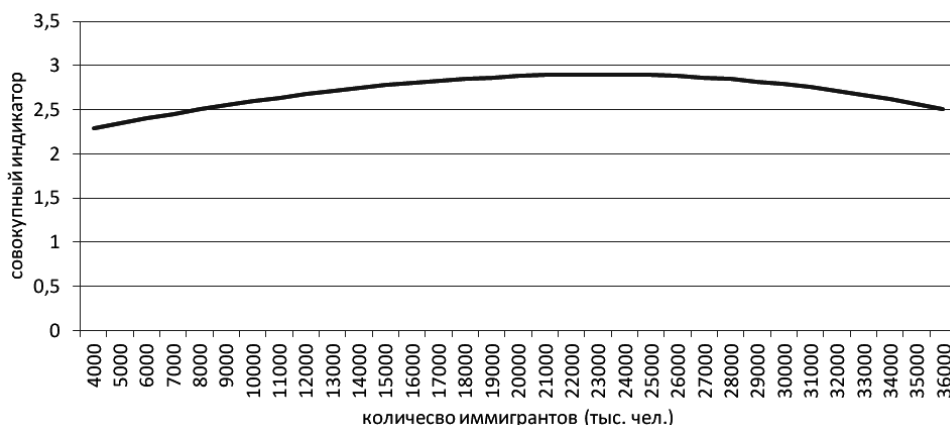

Рис. 5. Совокупный индикатор иммиграционной емкости экономики принимающего государства.

структуры рынка труда. Одновременно рынок труда, осуществляемого иностранными гражданами, является неотъемлемой составляющей экономики принимающего государства, а также важнейшей компонентой одного из классических факторов производства, в связи с чем сделаны выводы о влиянии иммиграции не только на отдельные взаимосвязанные составляющие институциональной структуры рынка труда, но и на институциональную среду в целом.

Следует отметить, что на количество иммигрантов в первую очередь влияют законы рынка труда. Так, на предложение рабочей силы (количество иммигрантов) влияние оказывают спрос на труд (количество вакантных рабочих мест) и цена на труд (средняя заработная плата по региону).

Таким образом, регулируя среднюю заработную плату (увеличение или снижение налоговой базы) и количество вакантных рабочих мест (запрет заниматься определенными видами деятельности иностранным гражданам), можно, даже с учетом наличия «нелегального» рынка, оказывать влияние на численность иммигрантов в стране или регионе.

Проведенное исследование позволило прийти к выводам о наличии факторов, способствующих в будущем частичной интеграции рынков труда иностранных работников и коренного населения.

В условиях острой демографической ситуации в стране привлечение иностранных граждан имеет важное значение не только в целях восстановления количественной составляющей экономически активного населения, но и играет важную роль в воспроизводстве рабочей силы на стадиях ее формирования, распределения, обмена и использования.

Иммиграция в настоящее время является важнейшим ресурсом, способствующим развитию глобализации и укрепления мирохозяйственных связей. Поэтому стоит говорить о роли иммиграции как

людском ресурсе развития экономики принимающего государства, имеющем стратегическое назначение.

На основании изложенного, а также в связи с объективной необходимостью регулирования процесса иммиграции автором было предложено включить в индикативную систему экономической безопасности еще одну составляющую – *индикатор «уровень иммиграционных потоков»* – и установить для него пороговые значения, при соблюдении которых иммиграция выступает как ресурс экономической безопасности. При этом иммиграция только тогда является людским ресурсом экономической безопасности страны-реципиента, когда пороговые значения предлагаемого индикатора экономической безопасности – уровня иммиграционных потоков – не превышены.

Иммиграция как ресурс экономической безопасности страны-реципиента должна учитываться при составлении баланса трудовых ресурсов страны в процессе формирования экономически безопасной институциональной структуры рынка труда в России.

В связи с тем что влияние иммиграции на показатели экономической безопасности полярно, что выражается в положительном влиянии на ВВП и одновременно негативном влиянии на отток капитала, возникает проблема, заключающаяся в недостаточном для роста ВВП количестве иммигрантов, ограниченном необходимостью снизить отток капитала. Одними из выходов из данной ситуации могут быть меры по «удорожанию» жизни в России иммигрантов. Такими мерами могут быть повышение госпошлин и налогов.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к выводу, что процесс иммиграции обладает своими пороговыми значениями, превышение которых неизбежно ведет к превышению значений некоторых индикаторов экономической безопасности.

В этой связи в индикативную систему экономической безопасности включен *индикатор «уровень иммиграционных потоков»* и установлено пороговое для него значение (см. табл. 1).

В абсолютных показателях пороговые значения иммиграционных потоков для индикатора уровня преступности соответствует 65 млн иностранных граждан, а для индикатора уровня вывоза капитала – 16 млн иностранных граждан. Стоит учесть, что для обеспечения постоянного роста ВВП (что требует пороговое значение индикатора) достаточно текущего уровня роста производительности труда коренного населения.

Таким образом, значение иммиграции для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации несоизмеримо велико, в связи с чем необходимо признать ее процессом, влияющим на экономическую безопасность, способным быть либо фактором ее угроз, при несостоятельности мер управления, либо ее ресурсом, при обоснованном регулировании.

Таблица 1

Индикатор «Уровень иммиграционных потоков» в системе индикаторов экономической безопасности

Индикаторы экономической безопасности	Пороговое значение индикаторов	Соответствующее пороговое значение предлагаемого индикатора – уровня иммиграционных потоков
Уровень роста ВВП по сравнению с предыдущим периодом, %	100%	Не менее 62 иммигрантов на 1000 жителей коренного населения
Уровень роста ВВП на душу населения, %	100%	Не менее 62 иммигрантов на 1000 жителей коренного населения
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	7%	–
Уровень преступности (число преступлений на 100 тыс. населения), тыс.	5	Не более 500 иммигрантов на 1000 чел. коренного населения
Уровень вывоза капитала, % к ВВП	2	Не более 112 иммигрантов на 1000 чел. коренного населения
Дефицит федерального бюджета, % ВВП	0,5	–
Уровень иммиграционных потоков (иностранцев граждан на 1000 чел. коренного населения)	Не более 112 иммигрантов на 1000 чел. коренного населения	–

Предложенная методика расчета позволяет адекватно рассчитать экономическую эффективность внешней трудовой миграции (иммиграции), а также дает общее представление о необходимости использования иностранной рабочей силы в экономике России.

Данная методика предполагает возможность внесения в нее корректив, в случае смещения целей экономического развития, изменением коэффициентов в функции совокупного индикатора экономической безопасности. Проблему дефицита трудовых ресурсов, которая начинает проявляться уже сейчас и достигнет своего максимума через 20 лет, позволит решить вопрос о привлечении иностранных граждан в количестве, определенном с помощью вышеизложенной методики, при соблюдении баланса между положительными последствиями иммиграции, такими как прирост ВВП, и негативными, такими как рост преступности и отток капитала.

Результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы при разработке фундаментальных основ методологии и совершенствовании методики оценки экономической эффективности внешней трудовой миграции и ее влияния на экономическую безопасность России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кинасова Е.Д. Методика оценки влияния иммиграции на ВВП страны-реципиента // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 81–90.
2. Кинасова Е.Д. Методика оценки влияния иммиграции на уровень преступности в России в целях обеспечения экономической безопасности // Интеграл. 2012. № 1 (63). С. 101–103.
3. Кинасова Е.Д. Иммиграция как ресурс стратегического назначения и экономической безопасности России // Интеграл. 2012. № 3(65). С. 58–60.
4. Казиахмедов Г.М., Кинасова Е.Д. Некоторые аспекты влияния иммиграции на рынок труда // Сборник выступлений и докладов. II Социальный форум «Рынок труда и политика занятости: состояние и перспективы развития». М., 2012. С. 220–222.
5. Кинасова Е.Д. Иммиграция и экономическая безопасность России / диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Кинасова Е.Д. М., 2013.
6. Численность экономически активного населения РФ к 2020 году сократится на 1 млн человек // ТАСС, 20.05.2017. tass.ru/ekonomika/4286883.

E.D. KINASOVA

PhD in economics, associate professor of the Department of finance and credit of Moscow academy of economics and law, Moscow, Russia
kinasova@mail.ru

ECONOMIC EFFICIENCY OF EXTERNAL LABOR MIGRATION

The paper provides a methodology for determining the economic efficiency of external labor migration (immigration) on the basis of economic and mathematical modeling, taking into account the indicative system of economic security. The author has developed a methodology for determining the overall impact of immigration on the economy and economic security of Russia, proposed: a cumulative indicator of the "immigration capacity of the economy of the receiving state", and an indicator "the level of immigration flows".

Keywords: *economic security, economic efficiency, immigration, external labor migration, GDP, capital export, unemployment, crime, immigration capacity, level of immigration flows.*

JEL: E17, E24, E27, F22, F24, J11.

Ю.Н. СОЛОВЬЕВА

доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Г.Ф. ФЕЙГИН

доктор экономических наук,
профессор кафедры общей экономической теории и истории
экономической мысли Санкт-Петербургского государственного
экономического университета и кафедры экономики
и управления Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИКТ В РОССИИ: ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА В РЕГИОНАХ

В статье развитие информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) рассматривается как индикатор глобализации и как фактор, стимулирующий глобальные хозяйственные трансакции отдельных стран и регионов (экспортно-импортные операции и приток прямых иностранных инвестиций). Феномен «информационного неравенства» исследован как на глобальном уровне (с использованием статистических данных, характеризующих уровень развития ИКТ в развитых и развивающихся странах, а также в мире в целом), так и по отношению к российским регионам. Проведен кластерный анализ, позволивший осуществить группировку российских регионов по степени развития ИКТ. Уровень развития ИКТ в российских регионах соотнесен с объемами экспорта и привлекаемых прямых иностранных инвестиций, что позволило выявить наличие позитивной корреляции. Информационное неравенство на территории России рассматривается как фактор, создающий определенные препятствия на пути дальнейшего развития ИКТ.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, глобализация, информационное неравенство, российские регионы, международная торговля, прямые иностранные инвестиции.

JEL: F14, F21, L63, L86, O18.

В начале 1990-х годов в научной литературе стал активно использоваться термин «новая экономика». Смысл данного термина состоял в том, что развитие информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) существенно модернизировало систему хозяйственных связей, повышало динамизм хозяйственных трансакций. Роль ИКТ в развитии мировой экономики была неодинакова в различных временных интервалах. В частности, выделяют «младенческую фазу» жизненного

цикла информационной и коммуникационной стадии (1974–1995 гг.) [2, с. 5]. В этот момент массовое производство персональных компьютеров в США ещё не приводило к росту производительности труда в промышленности, и лишь со второй половины 1990-х годов ситуация начала меняться. Стремительное распространение ИКТ привело к росту среднегодовых темпов промышленного производства и сделало употребление термина «новая экономика» действительно правомерным. Рост производительности труда, связанный с внедрением ИКТ, имел место почти во всех отраслях экономики развитых стран. Внедрение ИКТ способствовало также росту объёмов инвестиций в человеческий капитал, так как обслуживание ИКТ предполагало подготовку специалистов новой формации [8], [12], [15, с. 8]. Развитие глобальной сети Интернет обусловило появление новых экономических категорий, таких как электронная торговля, электронные деньги, сетевые организации. ИКТ также способствовали модернизации институциональной среды [3, с. 47].

В 1990–2000-е годы развитие ИКТ также интерпретировалось как один из параметров глобализации¹, в процессе которой можно выделить два аспекта: социальный и экономический. Социальный аспект связан с формированием глобального информационного пространства и невероятным техническим упрощением процедуры контактов между людьми, проживающими в различных уголках земного шара. В этих условиях жизнь людей постепенно приобретает новое социальное качество.

Непосредственно экономический аспект обусловлен вкладом ИКТ в процесс развития экспортно-импортных операций и международных прямых инвестиций. В частности, использование ИКТ способствует снижению транзакционных расходов, обусловленных необходимостью искать торговых партнеров, проводить переговоры и оформлять соответствующую деловую документацию. Кроме того, ИКТ являются своеобразным катализатором для наукоемких производств, экспансия которых зачастую происходит в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Использование ИКТ существенно упрощает процедуру анализа отраслей и регионов, потенциально привлекательных для ПИИ.

В 2000 г. была принята Окинавская Хартия глобального информационного общества, в которой отмечается, что ИКТ в значительной мере помогают людям реализовать свой потенциал и являются существенным фактором обеспечения устойчивого роста мировой экономики [16]. В 2003 и 2005 гг. в Женеве и Тунисе в два этапа проводился Всемирный саммит по информационному обществу. В итоговых документах сам-

¹ ИКТ как фактор глобализации исследовались авторами настоящей статьи [4, с. 18–229], [10], [11].

мита указывалось, что ИКТ открывают новые перспективы для достижения более высокого уровня развития, так как ослабляют воздействие многих традиционных препятствий на пути прогресса, обусловленных временем и расстоянием [17]. При этом отмечалась неравномерность развития ИКТ в разных странах, получившая название «*информационного неравенства*», или «*цифровой пропасти*». В принятых саммитом документах была заявлена амбициозная задача – создать предпосылки для ликвидации информационного неравенства и обеспечить включенность всех стран и регионов в информационное общество.

Значимость ИКТ как глобализационного индикатора подтверждается эмпирическими исследованиями. Начиная с 2000 г. произошел колоссальный скачок в распространении среди населения различных видов ИКТ, таких как стационарные и мобильные широкополосные соединения, мобильные сотовые соединения и доступ в Интернет. Так, количество людей, имеющих доступ к Интернету, увеличилось в мире в целом от 6 в 2000 г. до 43 в 2015 г. (на 100 жителей). Общий прогресс был характерен как для развитых, так и для развивающихся стран. Для развитых стран рост составил с 25 человек (2000 г.) до 82 (2015 г.), для развивающихся стран – с 2 до 35 соответственно. Количество мобильных сотовых соединений на 100 жителей увеличилось в мире в целом с 15,1 (2000 г.) до 95,3 (2015). В развивающихся странах рост составил с 5 (2000 г.) до 89,5 (2015 г.), в развитых странах – с 40 (2000 г.) до 124,5 (2015 г.). Количество стационарных широкополосных соединений на 100 жителей увеличилось в мире в целом с 2 (2000 г.) до 10,8 (2015 г.). В развивающихся странах рост составил с 1 (2000 г.) до 7,1 (2015 г.), а в развитых странах – с 2 (2000 г.) до 29 (2015 г.). Количество мобильных широкополосных соединений на 100 жителей увеличилось в мире в целом с 3 (2000 г.) до 47,2 (2015 г.), в т. ч. в развивающихся странах – с 1 (2007 г.) до 39,1 (2015 г.), в развитых странах – с 14 (2007 г.) до 86,7 (2015 г.) [13], [14].

Таким образом, рост количества различных соединений, свидетельствующих о развитии ИКТ, происходил по всему миру. Однако разрыв в уровне развития развитых и развивающихся стран постоянно сохраняется. Данные по всему миру значительно ближе к данным по развивающимся странам, нежели к данным по развитым странам. Этот факт свидетельствует о том, что сравнительно небольшая группа развитых стран по уровню распространения ИКТ существенно опережает мир в целом.

В то же время не подлежит сомнению следующий факт: высокий уровень развития ИКТ способствует активному участию национальных экономик в глобальных хозяйственных транзакциях. Двадцать стран, занимающих лидирующие позиции по уровню развития ИКТ, в 2015 г. осуществляли 43,9% мирового экспорта и привлекали 45,2% ПИИ. Тем самым можно предположить, что развитие ИКТ не только

создает предпосылки для обеспечения относительно стабильного экономического роста внутри страны, но и дает возможность укрепить позиции национальной экономики в глобализирующемся мире.

Развитие ИКТ является одной из приоритетных задач экономической политики России. В настоящее время действует программа «Информационное общество (2011–2020)», подготовленная Министерством связи и массовых коммуникаций РФ с учетом мирового опыта реализации подобных программ и текущего состояния рынка ИКТ в России. Программа ориентирована на преодоление цифрового неравенства, обеспечение недорогого широкополосного доступа и развитие новых средств связи. На реализацию программы ежегодно выделяются средства федерального бюджета (около 100 млрд руб.). Тем не менее Россия по-прежнему существенно отстает от стран-лидеров по уровню развития ИКТ. Об этом свидетельствуют данные табл. 1: в 2016 г. Россия занимала 43 место по значению индекса развития ИКТ.

В то же время уровень развития ИКТ в России сопоставим с некоторыми бывшими социалистическими странами (Чехия – 32, Венгрия – 48, Польша – 50), странами постсоветского пространства (Беларусь – 31, Казахстан – 52, Азербайджан – 58)² и существенно превосходит другие страны БРИКС (Бразилия – 63, Китай – 81, ЮАР – 88, Индия – 138) [14].

Различные индексы развития ИКТ подтверждают феномен информационного неравенства. Однако оно может существовать и в рамках одной страны. Эта проблематика актуальна для России в связи с гигантскими размерами ее территории и с существенной социально-экономической дифференциацией отдельных регионов.

В настоящей статье проводится анализ развития ИКТ в регионах России. С этой целью используются следующие показатели:

- затраты на внедрение и развитие ИКТ (приобретение вычислительной техники и оргтехники, приобретение программного обеспечения, оплата услуг электросвязи, оплата услуг сторонних организаций и специалистов по ИКТ);
- доля занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения региона (%);
- удельный вес домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (%).

Использование ИКТ требует несения определенных затрат, в том числе на приобретение вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения, на оплату услуг электросвязи и привлечение услуг сторонних специалистов. Чем выше

² Развитию ИКТ существенное внимание уделяется и в других странах постсоветского пространства, например, в Узбекистане [6].

Таблица 1

Индекс развития ИКТ Международного союза электросвязи, 2016 г.

Место	Страна	Сумма баллов
1	Южная Корея	8,84
2	Исландия	8,83
3	Дания	8,74
4	Швейцария	8,68
5	Великобритания	8,57
6	Гонконг	8,46
7	Швеция	8,45
8	Нидерланды	8,43
9	Норвегия	8,42
10	Япония	8,37
		
31	Беларусь	7,26
32	Чехия	7,25
43	Россия	6,95
48	Венгрия	6,72
50	Польша	6,65
52	Казахстан	6,57
58	Азербайджан	6,28
60	Румыния	6,26
63	Бразилия	5,99
76	Украина	5,33
81	Китай	5,19
88	ЮАР	5,03
110	Узбекистан	4,05
138	Индия	2,69

Источник: [14].

эти затраты, тем выше емкость и уровень привлекательности соответствующих рынков, а также уровень использования ИКТ. В период с 2010 по 2015 гг. затраты на ИКТ в России выросли в 2,3 раза (с 516 млрд руб. до 1 184 млрд руб.). При этом затраты распределены неравномерно по российским регионам. На долю десяти лидирующих российских регионов (из 82 рассматриваемых) приходится 71,3% общего объема затрат. Регионы с наиболее высоким уровнем затрат на ИКТ приведены в табл. 2.

Для того чтобы обеспечить объективный сравнительный анализ регионального распределения затрат на ИКТ, следует провести их сопоставление с количеством занятых в каждом регионе. В результате мы

Таблица 2

Российские регионы с наиболее высоким уровнем затрат на информационные и коммуникационные технологии в 2015 г.

Регион	Затраты на ИКТ, млн руб.	Доля затрат, %			
		На приобретение вычислительной техники и оргтехники	На приобретение программного обеспечения	На оплату услуг электросвязи	На оплату услуг сторонних организаций и специалистов по ИКТ
Российская Федерация	1 184 184,1	20,2	17,4	22,8	20,2
г. Москва	455 041,8	21,2	21,9	15,0	24,7
г. Санкт-Петербург	11 264,9	34,6	15,8	15,5	14,7
Тюменская область	91 916,4	15,4	12,2	34,6	27,2
Московская область	42 166,0	15,8	14,1	37,0	18,5
Свердловская область	31 902,5	14,8	12,2	34,6	21,0

Источник: расчеты авторов [7].

получим показатель, сравнимый с фондовооруженностью труда. Соотношение годовых затрат на ИКТ к числу занятых в 2015 г. в среднем по России составляло 17,3 тыс. руб. По этому показателю лидировали:

- столичные регионы (г. Москва – 67,3 тыс. руб.; г. Санкт-Петербург – 43,5 тыс. руб.);
- регионы, географически приближенные к столицам, с более низким уровнем заработной платы и высоким уровнем развития промышленности и образования, куда компании переносят часть своих подразделений (Ленинградская область – 39,2 тыс. руб.; Калужская и Московская области);
- регионы, экономика которых связана с добычей и первичной переработкой полезных ископаемых (Тюменская область – 46,6 тыс. руб.; Республика Коми, Республика Саха (Якутия));
- некоторые научно-производственные центры (Свердловская область, Пермский край, Томская область);
- некоторые регионы с небольшими размерами экономик (Чукотский АО – 161,0 тыс. руб.; г. Севастополь – 47,0 тыс. руб.).

Развитие ИКТ требует не только финансовых вливаний для приобретения компьютерного оборудования и построения телекоммуникационных сетей. Это наукоемкие технологии, для применения кото-

рых необходимы образованные, квалифицированные сотрудники, тем более для производства нового аппаратного обеспечения, для создания программного обеспечения и баз данных. Развитие знаний в области ИКТ предполагает наличие хорошо функционирующей образовательной инфраструктуры, а также долгосрочной работы больших коллективов специалистов над крупными ИКТ-проектами. Поэтому авторы считают целесообразным при изучении региональных различий в развитии ИКТ рассматривать не только затраты на приобретение технологий, но и количество работающих с этими технологиями.

Для этого использован показатель удельного веса занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения. Наиболее высокие доли занятых в секторе ИКТ были характерны в 2015 г. для Калужской области (3,8%), Рязанской и Тамбовской областей (3,7%), а наименьшие – для Чеченской республики (0,5%), Республики Ингушетия, Кировской области и Чукотского автономного округа (0,7%). Таким образом, значения рассматриваемых показателей по отдельным российским регионам отличаются в несколько раз.

В табл. 3 сопоставлены два показателя: удельный вес занятых в секторе ИКТ и удельные затраты на одного занятого в различных российских регионах.

Таблица 3

Рейтинг российских регионов по удельному весу занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения, 2015 г.

Регионы РФ	Удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения, %		Затраты на ИКТ на одного занятого, тыс. руб.	
	значение	ранг	значение	ранг
Калужская обл.	3,80	1	16,8	7
Тамбовская обл.	3,75	2	3,0	80
Рязанская обл.	3,66	3	5,1	59
Орловская обл.	3,52	4	4,4	64
Удмуртская Респ.	3,46	5	4,8	61

Источник: расчеты авторов [7].

Отметим, что сектор ИКТ включает в себя следующие виды деятельности:

- деятельность, связанная с производством ИКТ-оборудования;
- оптовая торговля ИКТ-товарами;
- деятельность в области электросвязи;
- деятельность, связанная с оказанием ИКТ-услуг.

Данные табл. 3 свидетельствуют о явном несоответствии между региональным распределением количества работающих, то есть тех, кто производит вычислительную технику и телекоммуникационное оборудование, обеспечивает услуги электросвязи, разрабатывает программное обеспечение, иными словами, развивает сектор ИКТ, и объемом затрат (использованием ИКТ). Даже в Калужской области, лидирующей по доле занятых в секторе ИКТ, затраты на ИКТ в расчете на одного занятого в экономике ниже среднего уровня по России (17,3 тыс. руб.). Можно высказать предположение, что ИКТ в первую очередь используются не в целях развития данных технологий, а как поддерживающие и обеспечивающие хозяйственные процессы в иных отраслях.

При оценке затрат на ИКТ учитываются текущие и капитальные затраты обследованных организаций (без субъектов малого предпринимательства), т. е. корпоративный рынок. Уровень участия населения в развитии информационного общества оценим с помощью показателя удельного веса домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, по данным выборочного обследования населения. В России он колеблется от 86,0% в Санкт-Петербурге до 25,4% в Республике Ингушетия при среднем значении показателя – 66,8% (см. табл. 4). Разброс значений показателей обеспеченности компьютерной техникой и широкополосным доступом в Интернет объясняется целым рядом причин, в т. ч. уровнем доходов, возрастной и профессиональной структурой населения, а также уровнем развития инфраструктуры.

Таблица 4

Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер и широкополосный доступ к сети Интернет, в некоторых российских регионах, 2015 г., % (по данным выборочного обследования населения по вопросам использования ИКТ)

Российские регионы	Удельный вес домохозяйств, имевших	
	персональный компьютер	широкополосный доступ к сети Интернет
г. Санкт-Петербург	88,7	86,0
Мурманская область	88,6	83,5
Республика Коми	84,8	82,0
Чеченская Республика	77,3	81,0
	...	...
Карачаево-Черкесская Республика	53,8	55,2
Республика Дагестан	54,0	53,2
Магаданская область	81,1	31,0
Республика Ингушетия	57,9	25,4

Источник: [7].

Таким образом, значения рассмотренных показателей, характеризующих уровень развития ИКТ в российских регионах, подтверждают наличие информационного неравенства на территории России. С целью ранжирования российских регионов по уровню развития ИКТ проведем кластерный анализ на основе используемых трех показателей, охарактеризованных выше: затраты на внедрение и развитие ИКТ, соотнесенные с количеством занятых; доля занятых в секторе ИКТ; удельный вес домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет. По сравнению с более ранними нашими исследованиями [4], [9] мы актуализировали данные, что позволило отразить современные тенденции на этом быстро развивающемся рынке, а также в значительной степени изменили состав переменных, что позволило по-новому взглянуть на сущностные различия в региональном развитии информационной экономики.

Кластерный анализ – это один из методов многомерного статистического анализа, предназначенных для изучения явлений, характеризующихся более чем двумя различными признаками [1], [5, с. 196–200]. Целью кластерного анализа является классификация многомерных наблюдений на основе определения сходства или близости между объектами. Совокупность объектов разбивается на кластеры – однородные в некотором смысле группы, число которых сравнительно невелико. Кластерный анализ применяется при отсутствии общепризнанной классификации.

Для оценки меры сходства между объектами использовался квадрат евклидова расстояния. Квадрат многомерного евклидова расстояния d_{il}^2 между двумя объектами i и l определяется по формуле (1):

$$d_{il}^2 = \sum_{j=1}^k (z_{ij} - z_{lj})^2, \quad (1)$$

где: k – число переменных (показателей, характеризующих объекты); d_{il} – это геометрическое расстояние между двумя объектами в k -мерном пространстве. Квадрат евклидова расстояния используется для придания больших весов наиболее удаленным друг от друга объектам.

В качестве алгоритма кластерного анализа выбран метод Уорда. Первоначальные данные были стандартизированы. Для проведения иерархического кластерного анализа использовалось программное обеспечение SPSS.

Выявлено шесть кластеров, четыре из которых содержат много регионов, а два – несколько регионов с резко отличающимися от других характеристиками. Поскольку алгоритм кластеризации объединяет в одну классификационную группу объекты, находящиеся на более или менее близком расстоянии один от другого, в качестве примеров будем приводить регионы с наиболее ярко выраженными при-

знаками принадлежности к кластеру (значения всех характеристик региона близки к средним значениям по кластеру).

Кластер 1 – «Регионы с недостаточным уровнем развития информационной экономики» (18 регионов: Белгородская и Ивановская области, Алтайский край, Адыгея, Дагестан, Северная Осетия-Алания и др.). Эти регионы значительно отстают по всем анализируемым показателям от значений показателей в среднем по России, в частности, они характеризуются очень низкими затратами на информационные и коммуникационные технологии в расчете на одного занятого (в 2,5 раз ниже среднего) и низким уровнем проникновения Интернета (в среднем 52%).

Кластер 2 – «Традиционные научно-производственные центры» (24 региона: Ярославская, Калининградская, Самарская, Свердловская, Томская области, Пермский край и др.). Эти регионы достигли высокого уровня развития в промышленную эру. Они по-прежнему предлагают высококачественное техническое образование и обладают хорошей исследовательской базой. По всем анализируемым показателям эти регионы находятся в середине списка. Иными словами, их экономика еще не перешла на информационные рельсы, но имеет для этого достаточный потенциал.

Кластер 3 – «Концентрация ИКТ-специалистов» (9 регионов: Владимирская, Калужская, Московская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Новосибирская области, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика). Эти регионы имеют высокий удельный вес занятых в секторе ИКТ (от 3,11% до 3,8% при значении показателя в среднем по России – 2,05%) при низких или очень низких затратах на ИКТ в расчете на одного занятого в региональной экономике. В среднем по группе эти затраты составляют 7,6 тыс. руб. на человека, при этом в шести регионах затраты не превышают 4,8 тыс. руб.

Кластер 4 – «Пользователи ИКТ» (27 регионов: Архангельская, Мурманская, Тюменская, Иркутская области, Республика Коми, Татарстан, Краснодарский край и др.). Эти регионы имеют достаточно хорошую ИКТ инфраструктуру, что обеспечивает высокий уровень проникновения Интернета в домашних хозяйствах (в среднем 70%). Кроме того, успехи их экономического развития позволяют их предприятиям и организациям нести довольно высокие затраты на ИКТ. Однако вложения человеческого капитала в развитие ИКТ могут оказаться недостаточными, потому что удельный вес занятых в секторе ИКТ в 1,6 раз ниже среднего по стране.

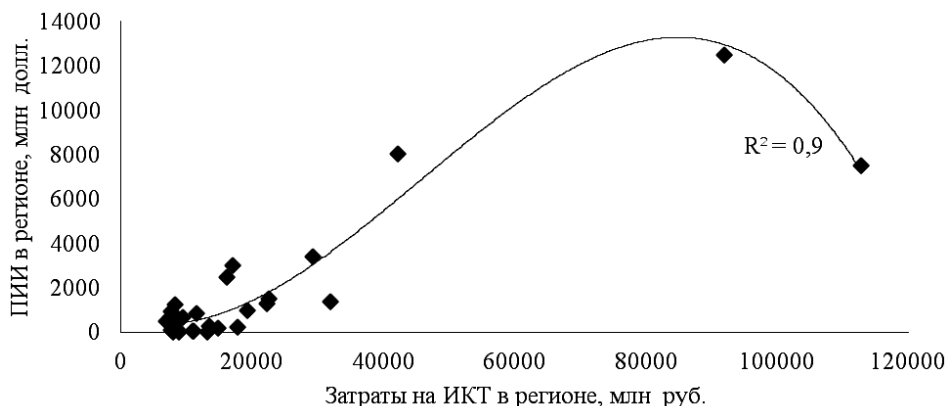
Кластер 5 – «Города федерального значения – лидеры модернизации» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь). Эти города характеризуются высоким уровнем занятости в секторе ИКТ, высокой обеспеченностью всех занятых информационно-коммуникационными технологиями и высоким уровнем проникновения Интернета.

В кластер 6 попал единственный регион – Чукотский АО, который в силу небольших размеров своей экономики не может оказывать значительного влияния на экономику страны в целом.

Таким образом, иерархический кластерный анализ показал, что высокие затраты на ИКТ в некоторых регионах не сопровождаются соответствующим высоким удельным весом работников, занятых в секторе ИКТ. Это может означать, что в основном ИКТ приобретаются отраслями, не входящими в сектор, развивающий и производящий данные технологии. Так, информационно-коммуникационное оборудование в основном используется для совершенствования работы других отраслей. Регионы с высоким удельным весом занятых в секторе ИКТ и высоким исследовательским потенциалом, кроме городов федерального значения, в основном испытывают недостаток в ИКТ-оборудовании, в программном обеспечении и услугах. Это положение не может не оказывать отрицательного влияния на развитие разработки и производства аппаратного и программного обеспечения. Тем самым российские регионы не раскрывают до конца свой потенциал для развития ИКТ, что можно рассматривать как определенное препятствие на пути дальнейшего развития данного сектора в России.

Следует обратить внимание и еще на один существенный аспект. Выше было показано, что высокий уровень развития ИКТ способствует активному участию национальных экономик в глобальных хозяйственных транзакциях. Широко признается тот факт, что высокий уровень развития ИКТ создает условия для распространения знаний и проявления предпринимательских и творческих способностей. ИКТ способствуют получению информации об иностранных рынках, нахождению там партнеров и координации деятельности за рубежом.

О наличии взаимозависимости между уровнем развития ИКТ и масштабом международной деятельности российских регионов свидетельствуют результаты проведенного нами корреляционного анализа. Имеет место сильная корреляция, превышающая 0,9, между уровнем затрат на ИКТ и уровнем интернационализации экономики российских регионов, отражаемом объемам экспорта, импорта и ПИИ в 2015 г.: коэффициент корреляции между затратами на ИКТ и объемом экспорта в страны СНГ и дальнего зарубежья субъектов РФ равен 0,978; коэффициент корреляции между затратами на ИКТ и объемом импорта из стран СНГ и дальнего зарубежья субъектов РФ равен 0,971; коэффициент корреляции между затратами на ИКТ и объемом поступления ПИИ в субъекты РФ равен 0,982. На рис. 1 представлена диаграмма разброса (рассеивания), на которой сопоставлены объем прямых иностранных инвестиций и затраты на ИКТ по 30 регионам (для сохранения наглядности – без Москвы и без регионов с невысокими показателями). Обращает на себя вни-

Источник: расчеты авторов.

Рис. 1. Диаграмма разброса «Затраты на ИКТ – объем ПИИ».

мание любопытная особенность. Для значительной части российских регионов характерны сравнительно низкие затраты на развитие ИКТ при низких объемах привлекаемых ИКТ. Однако рост затрат на развитие ИКТ с высокой степенью вероятности повышает привлекательность региона для ПИИ. По крайней мере, несколько регионов – явных лидеров по уровню затрат на ИКТ – одновременно являются и явными лидерами по объему привлекаемых ПИИ. Этим и объясняется столь высокое значение коэффициента корреляции в рассматриваемом случае.

Рассмотрим, как различается уровень интернационализации хозяйственной деятельности в регионах, используя кластеры, сформированные выше по признаку развития потенциала ИКТ. В табл. 5 приведены данные по объемам экспорта, импорта и ПИИ, соотнесенным с валовым региональным продуктом. Для перевода показателей экспорта, импорта и иностранных инвестиций в национальную валюту использовался среднегодовой курс доллара за 2015 г., равный 61,29 руб.

Регионы, отстающие по показателям развития ИКТ, имеют также низкие результаты по показателям интернационализации. Их региональная экономика не включена непосредственно в мирохозяйственные связи, поскольку они экспортируют небольшой объем товаров (доля экспорта в ВРП в 3,1 раза ниже средней по России) и практически не привлекают иностранные инвестиции (объемы привлекаемых ПИИ в 2,6 раза ниже, чем в среднем по России). Напротив, города федерального значения, имея все условия для развития потенциала ИКТ, также привлекают львиную долю ПИИ, активно участвуют в процессах глобализации благодаря экспортно-импортным операциям и из-за больших размеров своих региональных экономик во многом определяют величину значений показателей в среднем по России.

Таблица 5

Характеристика уровня интернационализации региональной экономики кластеров с разным уровнем развития потенциала ИКТ, 2015 г. (%)

Кластер	Показатели интернационализации		
	Отношение экспорта к ВРП	Отношение импорта к ВРП	Отношение иностранных инвестиций к ВРП
Кластер 1 – «Регионы с недостаточным уровнем развития информационной экономики»	11,6	7,6	5,3
Кластер 2 – «Традиционные научно-производственные центры»	21,1	16,1	6,7
Кластер 3 – «Концентрация ИКТ-специалистов»	9,8	18,4	6,1
Кластер 4 – «Пользователи ИКТ»	29,8	8,0	6,2
Кластер 5 – «Города федерального значения – лидеры модернизации»	38,0	32,5	16,9

Источник: расчеты авторов.

В кластер «Пользователи ИКТ» в основном объединились регионы, богатые природными ресурсами и обладающие значительным экспортным потенциалом. С другой стороны, уровень интернационализации кластера 3, в который объединены регионы с высокой занятостью в секторе ИКТ, низок: доля экспорта в ВРП в 3,7 раза ниже, чем в среднем по России. Это является одной из причин, не позволяющей им финансировать развитие ИКТ в достаточном объеме.

В обобщенном виде результаты иерархического кластерного анализа представлены в табл. 6.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о существенной неравномерности уровня развития ИКТ в отдельных российских регионах. В известной степени ситуация в России на уровне национальной экономики повторяет ситуацию в мире. В то же время положение дел в России уникально. Для сравнительно небольших стран существенно большее значение имеет уровень развития ИКТ в целом, в то время как региональные различия отходят на второй план. Безусловно, задача развития ИКТ в России относится к приоритетам государственной экономической политики. Однако в связи с гигантскими размерами страны не меньшее значение имеет достижение определенной сбалансированности уровней развития

Таблица 6

**Результаты иерархического кластерного анализа: характеристики
основных кластеров**

Кластер	Количество регионов	Характеристика развития ИКТ	Характеристика уровня интернационализации
Кластер 1 – «Регионы с недостаточным уровнем развития информационной экономики»	18	низкий уровень затрат на ИКТ, низкий уровень распространения Интернета, низкий уровень занятости в секторе ИКТ	низкие объемы экспорта, импорта и привлекаемых ПИИ
Кластер 2 – «Традиционные научно-производственные центры»	24	значения показателей, приближенные к средним по России	значения показателей, приближенные к средним по России
Кластер 3 – «Концентрация ИКТ-специалистов»	9	высокий удельный вес занятых в секторе ИКТ при низком уровне затрат на ИКТ	низкие объемы экспорта и привлекаемых ПИИ
Кластер 4 – «Пользователи ИКТ»	27	высокий уровень распространения Интернета в домашних хозяйствах, высокий уровень затрат на ИКТ, низкая доля занятых в ИКТ	экспортная ориентация экономики
Кластер 5 – «Города федерального значения – лидеры модернизации»	3	наивысшие значения показателей, характеризующих развитие ИКТ	наивысшие значения показателей, характеризующих интернационализацию хозяйственной деятельности в регионах

Источник: составлено авторами.

ИКТ в отдельных регионах. При наличии существующих региональных разрывов необычайно трудно будет решить задачу прорыва в лидирующую группу стран по уровню развития ИКТ. Не следует забывать и о том, что задачу развития ИКТ нельзя рассматривать в отрыве от позиций страны на глобальных рынках. Несмотря на то что в условиях введения санкций и контр-санкций общие объемы экспортно-импортных операций и привлекаемых ПИИ в России несколько сократились, по-прежнему остро стоит вопрос об интеграции в систему мирохо-

зяйственных связей. Результаты проведенного анализа подтвердили существенную корреляционную зависимость между уровнем развития ИКТ и глобальной хозяйственной активностью регионов. Тем самым развитие ИКТ в будущем следует рассматривать как важный инструмент укрепления позиций страны на международных рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббакумов В.Л., Лезина Т.А. Бизнес-анализ информации. Статистические методы: учебник. М.: Экономика, 2009. С. 286–289.
2. Клинов В.Г. Большой цикл мировой экономики в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 5–16.
3. Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В.Л. Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов // Финансы и кредит. 2016. № 46. С. 46–60.
4. Соловьева Ю.Н., Фейгин Г.Ф. Развитие информационных и коммуникационных технологий как индикатор глобализации: мировые тенденции и российская специфика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2. С. 17–30.
5. Статистика: учебник / под ред. И.И. Елисевой. М.: Юрайт, 2017. С. 196–200.
6. Турсунов Ш.А. Анализ современного состояния рынка информационно-коммуникационных технологий в Республике Узбекистан и перспективы его развития // Маркетинг в России и за рубежом. 2016. № 3(113). С. 114–119.
7. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации. 2016. www.gks.ru.
8. Bresnahan T., Trajtenberg M. General Purpose Technologies: Engines of growth // Journal of Econometrics. 1995. № 65. P. 83–108.
9. Feiguine G., Solovjova J. ICT Investment and Internationalization of the Russian Economy // International Economics and Economic Policy. 2014. Vol. 11. Iss. 1–2. P. 231–250.
10. Feiguine G., Solovjova J. ICT Modernization and Globalization: Russian Perspectives, EIIW 2014, Discussion Paper № 199. eiiw.eu/fileadmin/eiiw/Daten/Publikationen/Gelbe_Reihe/disbei_199_01.pdf.
11. Feiguine G., Solovjova J. Significance of Foreign Direct Investment for the Development of Russian ICT sector, EIIW 2014, Discussion Paper № 198. eiiw.eu/fileadmin/eiiw/Daten/Publikationen/Gelbe_Reihe/disbei_198.pdf.
12. Hempell T. Computers and Productivity. Heidelberg, 2006.
13. Measuring the Information Society. ITU, 2015. www.itu.com.
14. Measuring the Information Society. ITU, 2016. www.itu.com.

15. *Meijers H., Dachs B., Welfens P. (Eds.). Internationalisation of European ICT Activities.* Springer, 2008.
16. *Okinawa Charter on Global Information Society*, 2000. www.g8.utoronto.ca/summit/2000okinawa/gis.htm.
17. *World Summit on the Information Society: Outcome documents.* ITU, 2005.
18. *Worldbank. Open data 2017.* www.worldbank.org.

YU.N. SOLOVYOVA

doctor habilitatus in economics, professor of Department of marketing of St. Petersburg state university of economics, St. Petersburg, Russia
solovjova@unecon.ru

G.F. FEYGIN

doctor habilitatus in economics, professor of the Department of general economic theory and history of economic thought of the St. Petersburg state university of economics, professor of the Department of economics and management of St. Petersburg university of the humanities and social sciences, St. Petersburg, Russia
fgrig@list.ru

TRENDS OF ICT DEVELOPMENT IN RUSSIA: THE PHENOMENON OF DIGITAL DIVIDE BETWEEN THE REGIONS

In the paper the process of development of information and communication technologies (ICT) is considered as an indicator of globalization and as a factor stimulating global economic transactions of individual countries and regions (export and import operations and inflows of foreign direct investment). The phenomenon of "digital divide" is studied both on the global level (using statistical data that characterize ICT development in developing and developed countries as well as in the whole world) and with respect to Russian regions. Cluster analysis made it possible to group Russian regions based on the level of their ICT development. The level of ICT development of the Russian regions was related to the volumes of export and foreign direct investment and a positive correlation was identified. "Digital divide" on the territory of Russia is considered as a factor creating certain obstacles for the further ICT development.

Keywords: *information and communication technologies, globalization, digital divide, Russian regions, international trade, foreign direct investment.*

JEL: F14, F21, L63, L86, O18.

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

М.А. ДЕРЯБИНА

кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ

Статья раскрывает основные положения теории и методологии синергетического анализа. Объясняются особенности синергетического подхода к пониманию эволюции социально-экономических систем. Показаны этапы самоорганизации как последовательного чередования неравновесных состояний системы: от энтропии, через бифуркации к нахождению новой эволюционной траектории. Обоснован тезис о высвобождении эндогенного потенциала развития системы, для социально-экономических систем – потенциала социальной энергии развития.

Ключевые слова: самоорганизация, эволюция сложных социально-экономических систем, энтропия системы и эндогенный потенциал развития, бифуркация, хаос, неравновесность, необратимость.

JEL: B49, O11, P00.

Категория самоорганизации давно известна в качестве важнейшей когнитивной составляющей многих теоретических дисциплин. В методологии эволюционно-синергетического направления системного анализа проблемы самоорганизации занимают центральное место. Для современного научного дискурса эти проблемы становятся все более актуальными в контексте политических, социальных, экономических исследований. Особую значимость приобретают организационные аспекты развития производственных и рыночных взаимодействий, они становятся также ключевыми в анализе современных гражданско-общественных отношений. При этом принципиально значимыми для социально-экономических исследований выступают вполне определенные методологические положения. Речь идет, во-первых, о применимости основных методов системного анализа к структуре и динамике развития экономики и общества, во-вторых, о применимости в анализе социально-экономических систем методологии теории сложности [1, с. 275–276]. Если принять оба эти допущения, то социально-экономические системы можно отнести к разряду больших

сложных открытых саморазвивающихся систем, т. е. распространить на них методологию синергетического анализа. При этом методологические основания синергетического анализа расширяют возможности исследования и упорядочивания знаний, теоретические – открывают путь к постижению смысла существования и развития. Осознание сложности и неравновесности современного мира, нелинейности происходящих в нем процессов происходит параллельно с пониманием ключевой роли самоорганизации. Именно самоорганизация со всем ее философским мировоззренческим аппаратом позволяет уловить и ранжировать смысл эволюции сложных систем, в том числе социально-экономических.

Самоорганизация как ключ к пониманию направлений и форм эволюции сложных социально-экономических систем исследуется в рамках различных теоретических и методологических подходов. Таких подходов множество. В современных условиях крупных глобальных сдвигов в организации экономики и общества наиболее значимыми являются институциональный и методологически наиболее общий – системный (эволюционно-синергетический) подходы к самоорганизации. Эти направления анализа дополняют друг друга и позволяют адекватно оценить реальные возможности и перспективы развития отдельных стран в рамках происходящих глобальных сдвигов.

Институциональная самоорганизация понимается обычно как способ и форма приспособления социально-экономических систем к условиям внешней среды и внутренних процессов развития с помощью адекватных институциональных структур. Это система (структуры и правила) функционирования и взаимодействия социально-экономических субъектов различных типов. При этом важно, что у институциональной самоорганизации существуют пределы функционирования и возможностей эволюции – так называемые «эволюционные коридоры», выход за рамки которых может привести к разрушению естественного хода развития [2, с. 53–54], [3, с. 224–231].

Эволюционно-синергетический аспект самоорганизации открывает принципиально новые возможности в понимании социально-экономических систем. Главное преимущество синергетического анализа эволюции экономики и общества заключается в осмыслении самоорганизации с позиций раскрытия потенциала эндогенного источника общественного и социального развития, источника импульсов созидательной социальной энергии [4, с. 112]. В традициях синергетики процессы самоорганизации опираются на состояние первоначального хаоса. Для системного исследования организационных процессов особую ценность имеет включение в представления о хаотическом состоянии неравновесных систем понятия различных уровней проявления этого хаоса – динамический хаос на микроскопическом уровне и дис-

сипативный хаос на макроскопическом системном уровне [5, с. 219]. Микроскопический уровень выступает сферой распределенного множества отдельных фирм и отраслей (хаос), которому противостоит регулирующее воздействие макроуровня. Организация, таким образом, отражает два динамичных взаимосвязанных сущностных явления: прогресс экономических систем, с одной стороны, и системное усложнение, с другой.

Макро- и микроуровни экономики, составляя единое институциональное пространство, формируют ядро развития общества, обеспечивая единство экономической, социальной, политической и культурной сферы. При этом за счет включения механизмов самоорганизации происходит адаптация общества к материально-техническим, политическим и ментальным условиям и возможностям, а также формируются экономические цели и социальные приоритеты развития. Сами же эти механизмы могут иметь как рыночную, так и нерыночную основу. Но если рыночные механизмы методологически в целом понятны и обоснованы теоретическим экономическим мейнстримом, то организационные механизмы, не укладывающиеся в неоклассические схемы рыночных и нерыночных взаимодействий, требуют специального научного исследования. Одним из ключевых аспектов такого исследования является изучение различных способов взаимодействия множества субъектов (экономических, политических, социальных), направленного на свободный выбор вариантов развития в условиях неопределенности, на приспособление к меняющейся среде, т. е. процессов самоорганизации.

Применительно к самоорганизации в экономике синергетическая парадигма может восполнить те белые пятна, которые оставляет мейнстрим. Идеи самоорганизации, единично или массово, стихийно или осознанно, получают распространение в предпринимательской практике, но не имеют достаточно достоверного теоретико-методологического объяснения. А между тем «В открытом мире ... теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге» [5, с. 221]. Синергетическая парадигма позволяет увидеть идентичность законов самоорганизации независимо от того, в какой сфере она осуществляется. Так, И. Пригожин, исследуя эти законы в области термодинамики, дает совершенно бесценную картину, философию самоорганизации, вполне пригодную и для экономических систем¹.

Синергетический аспект организации делает акцент на упорядочении хаотических состояний. Этот процесс сложен и имеет свои зако-

¹ В отличие, например, от Г. Хакена, И. Пригожин, не используя термин «синергетика», пишет именно о методах и категориях синергетического анализа – диссипативных структурах, неравновесных системах и состояниях.

номерности и алгоритмы. Иначе говоря, для уравнивания сложных систем (в том числе социальных) нет простых волевых решений. Напротив, им имманентна приспособляемость и пластичность поведения в качестве основополагающих свойств нелинейных динамических систем, позволяющих сохранять потенциал неравновесия и предотвращать тупики в эволюции. В связи с этим естественно ожидать, что наиболее адекватными для социальных систем должны быть динамические модели, учитывающие эволюцию и изменчивость [6, с. 275].

Исследование самоорганизации в сфере рыночных взаимодействий в современной экономике вполне подтверждает ожидания синергетических эффектов. Как и в любой другой, в сфере организационных изменений процессы самоорганизации так или иначе включают стадию упорядочения хаотических состояний системных структур. При этом реорганизация не может быть квалифицирована только как упорядочение для создания (возникновения) новой структуры. Это слишком просто и не отражает реальной динамики происходящего. Организационные изменения хаотических состояний – сложный эволюционный процесс с имманентными ему этапами и векторами развития. Структуризация хаоса, как упоминалось, прежде всего несет в себе эндогенный потенциал социально-экономического развития и высвобождения социальной энергии. Синергетический эффект самоорганизации – это способность без специфического воздействия извне обретать новую структуру, моделировать и организовывать части структуры и окружающую среду [7, с. 85].

Потенциал развития системы реализуется как последовательное чередование неравновесных состояний [6, с. 7]. Развитие осуществляется через неустойчивые состояния, через изменения, внешне нередко выступающие как случайность. При этом речь идет не о некоем «беспорядке» в состоянии системы, требующем ее «упорядочить», а о совершенно особом свойстве динамических систем – энтропии. А это уже категория неопределенности, связанная с необратимостью и неизбежностью хаотических состояний системы [8, с. 58] и вызывающая эндогенную потребность в самоорганизации. В свою очередь самоорганизация уменьшает энтропию системы, снижает степень неопределенности и вводит систему в устойчивое, равновесное состояние. Однако незыблемая устойчивость и равновесность есть не что иное, как тупик эволюции, барьер для развития (высвобождения потенциала развития). Преодоление его осуществляется через «креативность» (по Пригожину) выхода из тупика, а главное – выхода через неравновесные процессы². «Креативность», таким обра-

² «креативность должна быть каким-то образом связана с удаленностью от равновесного состояния и тем самым быть результатом неравновесных процессов» [8, с. 59].

зом, обусловлена более широкими возможностями выбора траекторий развития, которые предоставляет неопределенность состояний неравновесия. Поэтому дальнейшее развитие связано с нарастанием энтропии, а также с накоплением результатов необратимых процессов в эволюции системы [8, с. 59–60].

Методология синергетического анализа ввела в научный оборот ряд ключевых понятий, позволяющих понять природу этой эволюции. Если исходить из того, что в ходе эволюции активизируются эндогенные процессы высвобождения потенциала развития, то в числе ключевых оказываются проблемы устойчивости или неустойчивости системы. В различных отраслях научного знания для обозначения изменений устойчивости систем используется термин «бифуркация». Бифуркация означает, что при изменении параметров функционирования система должна переходить в некое качественное состояние, отличное от исходного [9, с. 59]. Поэтому между нарушениями устойчивости, неравновесностью состояния системы и бифуркациями существует тесная связь. А значит, каждая бифуркация может привести и реально приводит к более сложному поведению системы [9, с. 60–61]. Точку на траектории эволюции, где происходит смена установившегося режима работы системы, где происходит потеря устойчивости системы, принято называть точкой бифуркации [8, с. 63].

В этой особой точке изменения параметров эволюции системы могут сходиться различные варианты, ветви возможных решений в поиске новых уровней устойчивости и равновесия³. Поэтому «бифуркации можно считать источником диверсификации и инноваций» [8, с. 66]. Траектория развития при этом увязывается не с определенностью, а с потенциальной возможностью [8, с. 159]. В анализе социально-экономических систем вполне можно исходить из методологии И. Пригожина, который рассматривал процессы бифуркации в зависимости от движения из первоначальных точек (первичная ветвь) до высших ветвей. Чем дальше от начальных точек, тем больше неопределенности в эволюции системы, т. к. каждая последующая ветвь более неустойчива. Поэтому необходимо видеть бифуркации первого, второго и более высокого порядков [10, с. 129–130]. В свою очередь неопределенность и неустойчивость расширяют спектр возможностей, вариантов последующей эволюции. Это еще раз возвращает к мысли о самоорганизации хаотических состояний системы как о процессе высвобождения эндогенного потенциала развития. Не забывая при этом, что подход с позиций синергетического ана-

³ О переменчивости, турбулентности, нелинейности системной эволюции И. Пригожин сказал так: «В том мире, в котором мы живем, флуктуации, бифуркации и неустойчивости встречаются на всех уровнях. Устойчивые системы, порождающие определенность, соответствуют только идеализациям или аппроксимациям» [8, с. 53].

лиза возможен при описании организации любой эволюционирующей системы – глобальной или национальной экономики, отрасли, корпорации, небольшой фирмы, любого устойчивого социума.

Используя характеристику приведенных категорий и процессов, можно попытаться исследовать самоорганизацию систем и сопутствующего ей высвобождения эндогенного потенциала [5]. Самоорганизация системы, как упоминалось, последовательно проходит определенные состояния (стадии). После накопления критического потенциала энтропии, хаоса (не идентифицировать с банальным беспорядком) система генерирует некоторое упрощение, стремясь к установлению стабилизирующей структуры. Но вместе с тем это означает уменьшение степени внутренней свободы, внутреннего потенциала развития, уменьшение числа самих переменных порядка. Происходит самоорганизация, уравнивание, после которого система либо входит в упоминавшийся выше тупик, либо эволюционирует к точке бифуркации и нащупывает новое качественное состояние, открывая потенциал дальнейшего развития. «Мы могли бы считать, что в основе главного механизма эволюции лежит игра бифуркаций как механизмов зондирования и отбора, ...стабилизирующих ту или иную траекторию» [11, с. 290]. Система, таким образом, несет в себе как потенциал разрушения, так и возможность создания новой структуры. При этом сильно неравновесные связи (в стадии хаоса) изначально являются непременным условием включения механизмов самоорганизации, а самоорганизация, в свою очередь, изменяет роль и смысл связей [5, с. 59]. В социально-экономических системах появляется возможность для возникновения и укоренения новых структур и институтов, структуры укрепляются и расширяются, накапливая новый потенциал. Система самоидентифицируется в новых качественных параметрах. Одновременно вновь начинает нарастать энтропия, появляются и расширяются признаки хаоса, в результате чего возникает новая потребность в самоорганизации⁴. Самоорганизация, таким образом, предполагает сложные типы поведения системы, а именно постоянные переходы от равновесного к неравновесному состоянию⁵. При этом механизм само-

⁴ С некоторой натяжкой, конечно, но все же можно попытаться схематично представить эволюцию в России социально-экономической системы в период с конца 1980-х годов как стремление к самоорганизации. Периоды накопления энтропии, усиленной и возмущенной, правда, фактором внешнего воздействия, формирования потенциально динамичных хаотических состояний общества и экономики сменялись периодами относительного равновесия системы – система всегда раньше или позже находит уравновешенное состояние – [12], стабилизации структуры, а затем поиском новых векторов развития.

⁵ Имеются в виду одна из основополагающих категорий синергетики – так называемые «неравновесные фазовые переходы» [6], [13].

организации может быть охарактеризован следующим образом: «...источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает «порядок из хаоса» [11, с. 357]. Сложность поведения системы заключается в ее приспособляемости и пластичности, что, в свою очередь, позволяет совершать переходы вдали от точки равновесия. Синергетика относит данную способность системы к числу наиболее заметных особенностей человеческих сообществ [6, с. 275].

Методология синергетического анализа делает основной акцент на проблемах динамизма, изменчивости хозяйственной среды в отличие от большинства составляющих мейнстрима, описывающих статические ее состояния или в лучшем случае фиксирующих только сам факт нарушения равновесия. Синергетическое представление динамики системы (например, хозяйственной) базируется на понимании неравновесности в качестве имманентного ей внутреннего состояния (диссипативность), обусловленного различной скоростью и направленностью протекающих в ней процессов и взаимодействий входящих в систему объектов. Именно эти различия и придают первоначальный импульс для развития и нарастания хаотических процессов – турбулентности [14]⁶.

Синергетический подход к процессам развития и динамизма характеризует их в понятиях необратимой эволюции как самоорганизации открытых систем. Принцип нелинейности и необратимости в корне меняет представления о самой сути развития. Законы простого детерминизма, «некогда бывшие единственными приемлемыми законами, ныне предстают перед нами как чрезмерные упрощения, почти карикатура на эволюцию». И далее: «Необратимость привносит неожиданные свойства. При правильном понимании они дают ключ к переходу от существующего (бытия) к возникающему (становлению)» [15, с. 23–24]. Такое знание «...открывает какую-то неожиданную внутреннюю структуру реальности, обрекающую на провал чисто умозрительные построения» [11, с. 279]. В самоорганизации открытых систем указанные переходы имеют не только необратимый, но также коммуникативный характер. Коммуникативность в этом случае предполагает прежде всего личностный диалоговый способ мышления и действий – открытый будущему и развивающийся во времени процесс [11, с. 416]. Для динамизма социально-экономических систем это вопрос первоочередной. Другим важнейшим «свойством» необрати-

⁶ В. Бурлачков в указанной работе показывает, как конкретно возникает процесс турбулентности в хозяйственной системе. Примеры – области сделок по реализации товаров и услуг, а также случаи образования пузырей на фондовом и ипотечном рынках. Устойчивость системы или, напротив, ее хаотическое состояние определяются соотношением скоростей либо самостоятельного развития входящих в систему элементов, либо распространения и усиления их взаимодействий [14, с. 94–97].

мости является то, что она «существует либо на всех уровнях, либо не существует ни на одном уровне» [11, с. 355]. Синергетическая область знания, таким образом, реально предвосхитила прогресс современного развития информационно-коммуникативных технологий и их влияние на весь строй жизни общества и экономики⁷.

Синергетическая методология раскрывает многие явления общественного и экономического развития с неортодоксальных и более широких позиций, чем это принято в экономическом теоретическом мейнстриме. В России поиск новых подходов наблюдается сейчас не только в очередном затянувшемся раунде реформирования, но и в научном дискурсе. Сторонники конкурирующих концепций предлагают тщательно разработанные сценарии и инструментарий реформ, из которых, однако, невозможно выстроить так необходимую новую стратегию развития. Одна из причин состоит в том, что аналитическая и прогнозная работа должна исходить прежде всего из учета развернувшихся в мире глубоких цивилизационных сдвигов, без осмысления которых стратегия просто невозможна⁸. Было бы упрощением считать, что синергетический подход способен решить все концептуальные проблемы, но он, безусловно, может содействовать более отчетливому пониманию вектора социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного: Введение. М.: ЛЕНАНД, 2017.
2. Кирдина С.Г. Эволюция социально-экономических систем на мезо-уровне: пределы многообразия. (В коллективной монографии «Очерки по экономической синергетике».) М.: Институт экономики Российской академии наук, 2017.
3. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., С-Пб.: Нестор-История, 2014.
4. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России: Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД, 2016.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. М.: УРСС, 2001.

⁷ Хотя синергетика изначально выводит концепцию системного развития из естественно-научного знания, мировоззренческие результаты позволяют и буквально вынуждают делать гораздо более широкие выводы. И. Пригожин неоднократно указывал на некий переходный период, в который вступает человечество, когда новые взгляды прокладывают «путь новому объединению знаний и культуры» [11, с. 72].

⁸ Имеется в виду требующий более глубокого осмысления различными отраслями науки масштабный исторический переход от техногенной цивилизации к гуманитарной, в центре которой стоит человек и его эволюция.

6. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: УРСС, 2003.
7. Савельев М.Ю. Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества. Ижевск: «Митра», 2015.
8. Пригожин И. Конец определенности. Время, Хаос и новые Законы Природы. М.: Ижевск, 2000.
9. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: Пер. с англ. М.: Мир, 1999.
10. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука, 1985.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
12. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.
13. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.: URSS. 2014.
14. Бурлачков В. Турбулентность экономических процессов: теоретические аспекты // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 90–97.
15. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: УРСС, 2006.

M.A. DERYABINA

PhD in economics, chief research fellow of the Center of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
deryabina.marina@rambler.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SELF-ORGANIZATION

The paper reviews the basic provisions of the theory and methodology of the synergetic analysis. It explains the features of synergetic approach to understanding of evolution of social and economic systems. Self-organization stages as consecutive alternation of non-equilibrium conditions of system are shown: from entropy, through bifurcations to finding of a new evolutionary trajectory. Justification of a thesis about release of endogenous potential of development of system, and for social and economic systems – the potential of social energy of development is given.

Keywords: *self-organization, evolution of complex social and economic systems, entropy and endogenous growth potential of systems, bifurcation, chaos, disequilibrium, irreversibility.*

JEL: B49, O11, P00.

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

УСЛОЖНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НЕЛИНЕЙНОГО РАЗВИТИЯ

Статья анализирует движение экономических систем к гибкой сетевой организации как способ их адаптации к условиям нелинейного, неравновесного развития, возросшей неопределенности и иным следствиям глобальной цифровой революции. Рассмотрены родовые черты сетевой экономики и природа ее спонтанной самоорганизации, а также сложные сетевые структуры как инновационные экосистемы. Описана модель коллаборации и синергетические эффекты саморазвития экономики на базе непрерывных инноваций. Раскрываются вызовы нелинейной сетевой среды с децентрализованными, распределенными и интерактивными экономическими процессами. Подчеркивается важность системного подхода в национальных стратегиях развития, новая роль государства в качестве сетевого координатора.

Ключевые слова: коллаборация, нелинейное развитие, сетевой порядок, системные инновации, сложные адаптивные системы, современная экономическая политика.

JEL: B52, D80, D85, L14, O38.

Глобальная цифровая революция (массовое распространение ИКТ, цифровых платформ, других цифровых технологий) влечет за собой революционные сдвиги в сложившейся организации экономики и общества.

Во-первых, интернет-коммуникации напрямую связывают друг с другом участников рыночного обмена, вытесняя ценовые механизмы увязки спроса и предложения. Это принципиально расширяет мировые рынки и по составу участников, и по составу продуктов [29]. Во-вторых, конкуренция на локальных рынках за объемы выпуска, присущая индустриальной экономике, сменяется глобальной конкуренцией за скорость в инновациях, за создание постоянно новых продуктов и ценностей на базе все более сложных технологий и в ответ – на все более утонченные запросы потребителей [9]. В-третьих, глобальное усложнение технологий, структуры предложения и спроса сопровождается переходом экономических систем к более сложному типу роста. В научной литературе это обозначается рядом комплементар-

ных терминов – постиндустриальная экономика, экономика знаний, инновационная экономика, цифровая, умная и т. п. Наиболее системным социально-экономическим последствием цифровой революции следует признать необратимую смену линейного алгоритма развития систем на нелинейный.

Нелинейное развитие и сетевой порядок в контексте теории сложности

Нелинейное развитие (*nonlinearity*) характеризуют неравномерные скачки, ветвление вероятностных сценариев, разновекторные флуктуации и прочие проявления недетерминированного поведения. В отличие от линейных нелинейные системы развиваются диспропорционально. В одних случаях небольшие изменения в поведении отдельных элементов системы порождают крупномасштабные перемены в ее состоянии, в других – значительные изменения в поведении отдельных элементов оказывают слабые или нулевые эффекты на всю систему в целом [21]. Нелинейность создает неравновесную, постоянно изменяющуюся среду и, как следствие, ситуацию постоянно высокой неопределенности. Считается, что в XXI в. рост неопределенности и непредсказуемости принял исторически беспрецедентные масштабы [17].

Реагируя на растущую неопределенность, глобальная экономика усложняет принципы своей организации, двигаясь к большей гибкости и маневренности (понятие *agility*). Дихотомия рынок–иерархия, характерная для индустриальной эпохи, эволюционирует в сторону гибридного сетевого порядка – распределенной модели координации связей через сетевые узлы, позволяющей системам всех уровней повышать свою адаптивность к изменениям внешней среды. Как показано в наших предыдущих работах (см., например, [6]), постиндустриальная экономика выстраивает себя в виде совокупности горизонтальных (неиерархичных) сетевых партнерств, намного более пластичных по своей конфигурации, чем жесткие вертикальные иерархии, и одновременно более интегрированных, чем гибкие, но атомистичные рынки. Эту эволюцию можно рассматривать в контексте теории экономических порядков В. Ойкена, ставшей методологической основой концепции «социального рыночного хозяйства» (Фрайбургская школа) и «экономического чуда» послевоенной Германии [10]. По мысли нобелевского лауреата О. Вильямсона, преимущества сетевого порядка, по сравнению с иерархичным и рыночным, заключаются в том, что он основан на движущей силе социальных коммуникаций, которая повышает скорость и многообразие обменов, открывая принципиально более широкие возможности для развития экономики и общества [30].

Глобальный экономический кризис 2007–2009 гг. стал первым мощным проявлением фундаментальной трансформации экономических систем в направлении сетевой организации. Логика и механизмы этой перестройки пока не нашли отражения в экономическом мейнстриме, проникая в экономическую теорию и политику из деловой практики, междисциплинарных дискуссий, достижений других социальных наук, особенно естественных дисциплин.

Сетевую систему принято считать сложной, если она охватывает определенное множество неоднородных автономных игроков (элементов), которые взаимодействуют друг с другом нелинейным и непредсказуемым образом [14]. Такие системы описываются в литературе с помощью ряда взаимозаменяемых понятий – как сложные нелинейные, сложные динамические или сложные адаптивные системы. Анализом сложных адаптивных систем (*complex adaptive systems*) целенаправленно занимается теория сложности (*complexity theory*), получившая развитие с 1980-х годов в США (*Santa Fe Institute*, Нью Джерси) и базирующаяся на нобелевском открытии И. Пригожина о диссипативных структурах, способных генерировать порядок из хаоса¹. В частности, как утверждает один из современных разработчиков теории сложности Ц. Идальго, для понимания природы экономического роста нужно сначала уяснить природу вызревания порядка – его связь со структурирующими функциями информации [15]. Согласно Идальго, экономическая система функционирует как распределенный компьютер по аккумуляции, обработке и кристаллизации информации, причем кристаллизация новых идей и знаний во все более сложные объекты (процесс, характеризующий современную экономику) требует усложнения форм социальных взаимодействий. Успешный экономический рост связан с формированием порядка, основанного на способности людей и фирм объединяться в сети и умело использовать информацию (знания) в ходе коммуникации. Именно эта способность делает экономику США более инновативной, чем бразильская, а последнюю – более инновативной, чем, скажем, экономика Чада [15].

Хотя семейство сложных адаптивных систем многолико (биологические, социальные, экономические, искусственные типа Интернета), в нем выделяют следующие универсальные родовые черты [21], [1]:

¹ Открытие И. Пригожина (1977 г.) гласит: не все системы стремятся к хаосу (как это следует из 2-го закона термодинамики); в мире существуют многообразные диссипативные структуры, способные генерировать порядок из хаоса и обретать динамическую устойчивость через спонтанную самоорганизацию.

- *эмерджентность* – поведение системы непредсказуемо; она может генерировать свойства, не выводимые из индивидуальных свойств ее участников или ее предшествующего состояния;
- *нелинейность развития с опорой на обратные (рефлекторные) циклы* – связи между участниками системы важнее для ее развития, чем их собственные характеристики, а циклы обратной связи играют в этом развитии ключевую роль, т. к. участники действуют в режиме постоянного реагирования на поведение других участников;
- *адаптивность* – в ходе взаимодействий участники системы меняют свое поведение с учетом поведения других участников, что меняет поведение всей системы в целом;
- *самоорганизация и саморегуляция* – система приходит в движение и эволюционирует спонтанно, как живой социальный организм, без какого-либо внешнего воздействия (характерного для механических систем) или наличия управляющего центра (характерного для централизованных систем);
- *фрактальная повторяемость* – система формирует свои подобию с аналогичными свойствами на любых масштабных уровнях;
- *холистическая природа и синергия* – свойства системы могут быть выявлены только при анализе ее как целого, но никак не простым суммированием свойств ее элементов; агрегированный результат взаимодействия этих элементов всегда больше, чем сумма их индивидуальных изменений.

Сочетание этих свойств позволяет отнести к сложным такие системы, которые способны генерировать «структурный порядок» в неравновесной среде через интерактивное взаимодействие своих участников, т. е. путем непрерывной взаимной корректировки участниками своего поведения через обратные связи. Таким образом, развитие сложной системы не требует участия управляющего центра, а происходит в режиме спонтанной саморегуляции за счет внутренних структурных изменений. Они выступают агрегированным результатом интерактивного и нелинейного взаимодействия значительного числа элементов разного уровня.

Благодаря специфике взаимодействий своих элементов система постоянно генерирует подвижную, меняющуюся внешнюю среду и находится с ней в неразрывной динамической связи, т.е. непрерывно подстраивается под свое окружение и эволюционирует вместе с ним. В частности, открытые сетевые структуры неотделимы от своего меняющегося окружения (выбрасывают новые связи, перегруппировывают старые), образуя тем самым пластичную экосистему связей, где каждый компонент зависит от своих интерактивных взаимодействий с другими компонентами внутри системы, а также между системой и ее окружением [14].

Синергетические эффекты и механизм саморазвития сетевой экономики

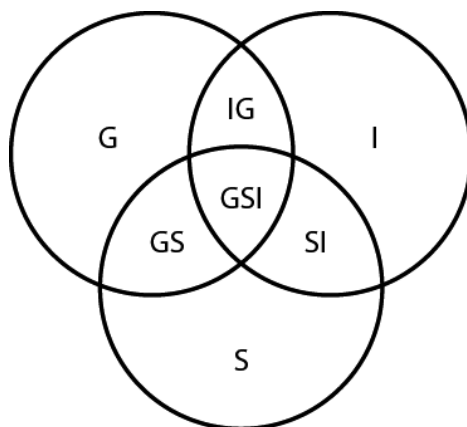
В экономической литературе описание сложных систем коннотирует с понятием *экосистемы*, образуемой участниками бизнес-сети. Оно предполагает, что в ходе коммуникации участники развивают механизмы коллаборации и формируют определенную нелинейную среду (экосистему) игроков, связей и активов [18]. Коллаборация (*collaboration* – от лат. «работать сообща») является наиболее развитой формой интерактивной кооперации, которая связана с непрерывным согласованием интересов и действий юридически независимых сетевых партнеров (как правило, на базе интернет-платформ). В наиболее строгом определении, коллаборация характеризуется тем, что в ходе согласований сетевые партнеры вырабатывают не только общую стратегию (*shared vision*), но также общую идентичность, всеми разделяемые правила игры (совместные обязательства) и механизмы совместного созидания [13].

Экосистемы, построенные на коллаборации, считаются инновационными экосистемами (*innovation ecosystems*), т. к. их участники либо непосредственно нацелены на совместное создание инноваций, либо формируют благоприятную среду для их зарождения и распространения. Такие экосистемы могут формироваться в любых секторах экономики и на разных масштабных уровнях, от локального (в рамках организаций, компаний, кластеров, территорий) до национального и глобального, т. е. везде, где возникают устойчивые сетевые связи и совместные стратегии участников [7].

В современной экономике самой распространенной разновидностью инновационных экосистем являются региональные инновационные кластеры (*regional innovation clusters*). Они представляют собой динамичные сетевые среды, образуемые группой географически сосредоточенных компаний и связанных с ними организаций. Участники кластера взаимодействуют в рамках совместного проекта (кластерная инициатива), работают на началах кооперации и конкуренции в единой сфере специализации и непрерывно развивают механизмы коллаборации для совместного создания новшеств [16], [7], [3]. Типичный кластер объединяет в партнерскую сеть широкий круг юридически независимых и функционально неоднородных агентов [19]. Он открыт для присоединения новых участников, реализуя не только базовый эффект сети (мощность сети нелинейно возрастает при увеличении числа ее узлов), но и ряд агрегированных сетевых эффектов.

Агрегированные эффекты возникают благодаря тому, что в экосистеме зрелого кластера формируется так называемая тройная спираль (*Triple Helix Model*). Это наиболее продвинутая по сегодняшним

меркам модель коллаборации, объединяющая в горизонтальную сеть представителей науки (как правило, университетов), бизнеса и государства [4]. Суть модели, согласно ее математической формализации, заключается в том, что несколько разных институциональных секторов (или функционально неоднородных агентов) выстраивают свои интерактивные взаимодействия по фрактальному принципу, т. е. в виде пересечения трех множеств попарных сетевых отношений (см. рис.). Это создает сложную синергию прямых и обратных связей, которая позволяет системе успешно самоадаптироваться к изменениям внешней среды и переходить на более высокий уровень в режиме саморазвития. Новые источники роста возникают эндогенно, за счет внутренних структурных и балансирующих возможностей, создаваемых в ходе коллаборации [2].

Примечание: G – государство, I – бизнес (инвесторы), S – наука.

Источник: [31].

Рис. Модель коллаборации участников сети на принципах тройной спирали.

Инновационные кластеры и иные сетевые партнерства с тройной спиралью отвечают всем вышеописанным свойствам сложных адаптивных систем [25]. Они считаются базовой формой организации производства в XXI в., т. к. генерируют эффекты, позволяющие непрерывно наращивать производительность, создавать новые продукты и ценности непрерывным потоком. Непрерывность инновационной активности (*continual innovation*), составляющая основу современной концепции конкурентоспособности [24], соответствует типу роста, именуемому инновационным (*innovation-driven growth*). Другими словами, экономический рост на базе инноваций связан не с развитием собственно сектора хайтека, а с особыми синергетическими эффектами, достигаемыми в ходе коллаборации в сетевых экосистемах наиболее развитого типа [9].

Чем сильнее обратные связи внутри экосистемы, тем выше ее агрегированные синергетические эффекты и взаимные экономические выигрыши участников (сокращение издержек, снижение неопределенности, преодоление технологических ловушек, наращивание производительности) [5]. Участники инновационного кластера постоянно оптимизируют стратегию и тактику совместных действий под новые запросы рынков. В итоге сетевые партнеры могут осуществлять любые рискованные проекты, быстро выстраивать новые технологические решения и коллективно создавать разнообразные новые продукты, непрерывно обновляя свои конкурентные возможности [28].

Таким образом, не только сама модель развития экономических систем, но и модель взаимодействий между их элементами чрезвычайно усложняются по сравнению с индустриальной эпохой. Динамизм сетевых связей должен придать системам способность к постоянной структурной трансформации, т. е. сделать их адаптивными к непрерывному обновлению технологий и рынков. Очевидно также, что развитая кластерно-сетевая организация экономики может генерировать в ней мощные эффекты инновационной синергии, обеспечивая странам и территориям выход на режим самоподдерживающегося роста (*self-sustained growth*) за счет внутренних структурных источников.

По оценке ОЭСР, в ближайшие десятилетия мировая экономика будет наращивать свою внутреннюю взаимосвязанность и сложность [22]. Литература, описывающая мир XXI в., утверждает, что большинство перемен на глобальном уровне будут возникать эндогенно, а национальные экономики будут оперировать в постоянно изменчивой и мульти-равновесной среде [27].

Вызовы сетевой среды для разработчиков экономических стратегий

Нелинейная сложность систем подвергает мир непрерывной реконструкции одновременно на всех уровнях, а глобальная среда сетевых коммуникаций придает ему особую горизонтальную связность и холистическую целостность [17]. Оба фактора взаимно усиливают друг друга, направляя развитие систем в русло новой парадигмы, где инновационный, а вслед за ним и производственный процессы становятся децентрализованными, интерактивными и распределенными. Как отмечается в литературе, XXI в. открывает новую историческую фазу в развитии производства, капитализма и даже эпохи модерна [26].

Смена парадигмы становится настоящим вызовом для разработчиков национальных экономических стратегий. В экспертных кругах растет признание того факта, что современный мир требует от ученых и практиков существенного обновления традиционного эконо-

мического мышления. Так, недавние документы ОЭСР призывают политиков и управленцев к менее механистичному взгляду на мироустройство, к восприятию глобальной экономики и ее национальных компонентов как сложных адаптивных систем, которые не поддаются прежним методам контроля и формируют новые стандарты экономического поведения [22].

Во-первых, традиционные иерархии все больше вытесняются распределенными механизмами координации связей во всех сферах (производство, кредитно-финансовое дело и др.) и на всех уровнях (трансформация корпораций в сетевые компании, образование кластеров, транснациональных макрорегионов, глобальных производственных сетей). Централизованное управление уступает место коллаборативному управлению (*collaborative governance*), т. е. модели интерактивного согласования интересов сетевых партнеров, где базисом достижения консенсуса служит взаимная выгода, аккумулируемая агентами за счет участия в коллаборации [11], [24]. Такая модель уже утвердилась в мире на уровне инновационных кластеров и постепенно продвигается на уровень регионов, государств, межнациональных объединений [5]. Это делает экономическое развитие стран и территорий результатом процесса коллаборации, в который вовлекается все более широкий круг субъектов.

Во-вторых, процесс производства конечных продуктов окончательно вышел за пределы национальных границ и стал распределенным по звеньям глобальных стоимостных цепочек – географически и функционально [12]. Каждая цепочка выстраивается как сетевой проект, где компании разных стран (обычно принадлежащие какому-то региональному кластеру) интерактивно координируют связи и комбинируют ресурсы для совместного создания новых продуктов [8]. Глобальные цепочки горизонтально пронизывают мировую экономику, а их звенья размещаются по различным высокоспециализированным кластерам мира. Вовлеченность в такие цепочки становится базовым способом участия стран в международном разделении труда и выхода на глобальные экспортные рынки.

В-третьих, видоизменяются функции государства как агента национального развития. Саморазвитие сетевых систем не ведет к формированию самодостаточного рыночного порядка, делающего избыточным государственное вмешательство (как полагали Ф. Хайек и другие либеральные экономисты). Напротив, государство усиливает свою активность, но уже не в роли верховного управляющего, определяющего приоритеты, а в исторически новой для себя роли сетевого посредника и координатора. В условиях распределенного производства перспективные сектора и компании в национальной экономике выявляются силами глобализированных рынков и глобальной конкуренции [20]. А государство призвано непрерывно развивать сетевые процессы, веду-

щие к усилению интерактивных взаимодействий (обратных связей) в экономике, т. е. устранять системные провалы среды, препятствующие поддержанию непрерывной инновационной активности. Соответственно, главным объектом государственной поддержки теперь выступают не отдельные виды компаний, отраслей или технологий, а коллаборация участников сетей, формирующих инновационную экосистему.

Как утверждается в исследовании ОЭСР «Новые подходы к экономическим вызовам», фундаментальная задача, встающая сегодня перед всеми типами государств, заключается в том, чтобы придать экономике организационную гибкость (*resilience*) и динамическую устойчивость (*robustness*) в ситуации высокой неопределенности [22]. Эта задача ориентирует нации на комплементарные технологические и институциональные преобразования, ведущие к системному улучшению социально-экономической среды. Важно не только устранить излишнюю фрагментированность среды, унаследованную от иерархичных режимов прошлого (через децентрализацию, дерегулирование, регионализацию, как это делают с 2000-х годов страны ЮВА), но и обеспечить дальнейший рост горизонтальной связности экономики, позволяя ей развиваться в алгоритме непрерывного усложнения.

Имея дело с провалами среды, национальные экономические стратегии вооружаются системным подходом, т. е. охватывают одновременно сферу производственных и социальных отношений. Это отвечает холистической природе сетевых систем. С учетом нелинейности среды, они нуждаются в непрерывной корректировке в режиме интерактивного согласования интересов различных игроков, причем без потери ориентации на системные преобразования [21].

Так, современная модель промышленной политики считается системной. Принятая на уровне ЕС, многих развитых (включая США) и ряда развивающихся стран, она реализует следующие новые подходы [5]:

- для выхода на более устойчивый рост важно улучшать не столько сами технологии (которые стремительно обновляются), сколько среду коммуникаций, где они создаются и применяются;
- для развития индустрий нового поколения (*advanced manufacturing*) необходима экосистемная перестройка производственного ландшафта, т. е. среды, где непрерывно образуются инновационные кластеры и иные экосистемы;
- для успешной реализации решений нужен механизм горизонтального диалога и роста доверия между государственными и всеми негосударственными игроками (через создание интернет-платформ на локальных и национальном уровнях).

Современная модель инновационной политики сосредоточена не столько на госпрограммах поддержки НИОКР (как в 1960-80-е годы) и даже не столько на создании национальных инновационных систем

(как в 1980-90-е и нулевые годы), сколько на *системных инновациях*, нацеленных на непрерывное обновление социально-технологической структуры экономики, т. е. на ее адаптивность [23].

Сетевой порядок превращает мир в динамичную безбарьерную среду, где непрерывно зарождаются и циркулируют потоки знаний и инноваций. Но вызревание этого порядка – сложный и длительный процесс. По оценке директора МВФ К. Лагард, окончательная «перегрузка» мировой экономики и, соответственно, ее самоподдерживающийся рост на базе инноваций станут возможными не скоро и лишь после проведения масштабных структурных реформ во всех уголках света². В выигрышном положении сегодня оказываются те страны, которые сочетают массовую информатизацию (диджитализацию) экономики с необходимыми институциональными улучшениями. Напротив, неготовность отказаться от излишней централизации власти, протекционизма и иерархичных управленческих конструкций несет стране риски растущего отставания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баджо Р., Шерешева М.Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 2. С. 3–21.
2. Иванова И.А., Якубовский Ю.В., Карастелев Б.Я. Модель тройной спирали и фрактальная структура инновационной системы в приложении к реализации конкретного инновационного проекта // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2011. № 1. С. 15–23.
3. Катников Д.Д. Кластерная инициатива как особый экономический проект: европейская и российская практика // Инновации. 2014. Т. 189. № 7. С. 47–52.
4. Катников Д.Д. Сетевые взаимодействия в инновационной экономике: модель тройной спирали // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 112–121.
5. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: Институт экономики РАН, 2015.
6. Смородинская Н.В. Инновационная экономика: от иерархий к сетевому укладу // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 87–111.
7. Смородинская Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. Т. 189. № 7. С. 27–33.

² Davos Ends on a Note of Cautious Optimism // Financial Times, 25.01.2014. www.ft.com/content/aa985ab8-85ee-11e3-b30d-00144feab7de.

8. Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катуков Д.Д. Глобальные стоимостные цепочки: сетевое устройство и специфика участия национальных экономик // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 55–68.
9. Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катуков Д.Д. Как укрепить конкурентоспособность в условиях глобальных вызовов: кластерный подход. М.: Институт экономики РАН, 2015.
10. Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики / Под. ред. К. Кроуфорд, С.И. Невского, Е.В. Романовой. М.: Изд. «Весь Мир», 2017.
11. Ansell C.K., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2007. Vol. 18. № 4. P. 543–571.
12. Baldwin R. Integration of the North American Economy and New-Paradigm Globalization // *CEPR Discussion Papers*. 2009. № 7523.
13. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. Concept of Collaboration // *Encyclopedia of Networked and Virtual Organizations* / G.D. Putnik, M.M. Cruz-Cunha (eds.). Hershey, PA: IGI Global, 2008. P. 311–315.
14. Chan S. Complex Adaptive Systems. ESD.83 Research Seminar in Engineering Systems. 31 October / 6 November. 2001.
15. Hidalgo C.A. Why Information Grows: The Evolution of Order, From Atoms to Economies. New York, NY: Basic Books, 2015.
16. Ketels C.H. Clusters and Competitiveness: Porter's Contribution // *Competition, Competitive Advantage, and Clusters: The Ideas of Michael Porter* / R. Huggins, H. Izushi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 173–191.
17. Kidd P.T. Agile Holonic Network Organizations // *Encyclopedia of Networked and Virtual Organizations* / G.D. Putnik, M.M. Cruz-Cunha (eds.). Hershey, PA: IGI Global, 2008. P. 35–42.
18. Mercan B., Gökaş D. Components of Innovation Ecosystems: A Cross-Country Study // *International Research Journal of Finance and Economics*. 2011. № 76. P. 102–112.
19. Nallari R., Griffith B. Clusters of Competitiveness. Washington, DC: The World Bank, 2013.
20. OECD, World Bank. Making Innovation Policy Work: Learning from Experimentation. Paris: OECD Publishing, 2014.
21. OECD. Applications of Complexity Science for Public Policy: New Tools for Finding Unanticipated Consequences and Unrealized Opportunities. Paris: OECD Publishing, 2009.
22. OECD. Final NAEC Synthesis: New Approaches to Economic Challenges. Paris: OECD Publishing, 2015.
23. OECD. System Innovation: Synthesis Report. Paris: OECD Publishing, 2015.

24. Porter M.E. [et al.]. Moving to a New Global Competitiveness Index // The Global Competitiveness Report 2008–2009 / K. Schwab, M.E. Porter (eds.). Geneva: World Economic Forum, 2008. P. 43–63.
25. Rullani E. The Industrial Cluster as a Complex Adaptive System // Complexity and Industrial Clusters: Dynamics and Models in Theory and Practice / A. Quadrio Curzio, M. Fortis (eds.). Heidelberg: Physica-Verlag, 2002. P. 35–61.
26. Schot J., Steinmueller W.E. Framing Innovation Policy for Transformative Change: Innovation Policy 3.0. Science Policy Research Unit Working Paper, October 18. 2016.
27. Silim A. What Is New Economic Thinking // Complex New World: Translating New Economic Thinking Into Public Policy / T. Dolphin, D. Nash (eds.). London: IPPR, 2012. P. 18–27.
28. Sölvell Ö. Clusters – Balancing Evolutionary and Constructive Forces. Stockholm: Ivory Tower, 2009.
29. Top of Digital Europe. A Digital Single Market: Growing the Baltic Sea Region. Copenhagen: Top of Digital Europe, 2015.
30. Williamson O.E. Networks – Organizational Solutions to Future Challenges // Economics of Interfirm Networks / T. Theurl (ed.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. P. 3–27.
31. Ye F.Y., Yu S.S., Leydesdorff L. The Triple Helix of University-Industry-Government Relations at the Country Level and Its Dynamic Evolution under the Pressures of Globalization // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2013. Vol. 64. № 11. P. 2317–2325.

N.V. SMORODINSKAYA

PhD in economics, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

COMPLICATION OF THE ORGANIZATION OF ECONOMIC SYSTEMS IN THE CONDITIONS OF NONLINEAR DEVELOPMENT

The paper analyzes the movement of economic systems to the flexible network organization as a way of their adaptation to conditions of nonlinear, nonequilibrium development, to the increased uncertainty and other consequences of global digital revolution. Patrimonial lines of network economy and the nature of its spontaneous self-organization and also complex network structures as innovative ecosystems are considered. The model of collaboration and synergetic effects of self-development of economy on the basis of continuous innovations is described. Challenges of the nonlinear network environment with the decentralized, distributed and interactive economic processes reveal. Importance of system approach in national development strategies, a new role of the state as the network coordinator is emphasized.

Keywords: *collaboration, complex adaptive systems, modern economic policy, network order, nonlinear development, systemic innovation.*

JEL: B52, D80, D85, L14, O38.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.П. ГЛИНКИНА

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН, зав. кафедрой Общей экономической теории МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова

А.А. ЯКОВЛЕВ

аспирант МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН

ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ КИТАЕ-ЦЕНТРИЧНОСТИ И ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена анализу торгового взаимодействия стран БРИКС в условиях роста торговой зависимости стран-участниц от Китайской Народной Республики и реализации Россией стратегии импортозамещения. Показана опасность для дальнейшего развития российской экономики чрезмерной зависимости производства и потребления от импорта, названы внешние вызовы, с которыми столкнулась Россия в 2014 г. Это, в частности, экономический кризис, вызванный резким падением цен на основные товары российского экспорта, а также антироссийскими санкциями, введенными странами Запада против РФ.

Ключевые слова: БРИКС, Китае-центричность, торговое сотрудничество, импортозамещение.

JEL: F10, F13, F15, F17.

Изначально акроним БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) обозначал наиболее благоприятные для инвестирования развивающиеся рынки. Основой для глобального «возвышения» Сообщества стала растущая экономическая мощь государств-участников, помноженная на их богатый природно-ресурсный и человеческий потенциал. Сегодня БРИКС (четыре выше упомянутые страны плюс присоединившаяся к ним Южно-Африканская Республика) – это более 20% мирового ВВП по текущему валютному курсу и почти треть (в 2015 г. 30,7%)

по паритету покупательной способности [1]. Вклад стран БРИКС в прирост мирового ВВП по ППС с 2006 г. составил более 50%¹.

За годы существования БРИКС значительно вырос вклад стран-участниц Сообщества в мировую торговлю: их доля увеличилась с 11,9% в 2006 г. до 17,2% в 2015 г.² Возросла открытость экономик стран БРИКС, рассчитываемая как отношение объема внешней торговли страны к ее ВВП. Сегодня в России этот показатель составляет 33,1%, в Индии – 30,9%, в Китае – 44,4%, в ЮАР – 44,6% и лишь в Бразилии остается существенно менее значимым – 15,9%³.

Эволюция БРИКС в направлении создания межгосударственного объединения во многом стала ответом пяти крупнейших стран мира на разбалансированность глобальной экономики, политический хаос в постбиполярном мире. Сама действительность подтолкнула их к тому, чтобы создать механизм, позволяющий продвигать свои интересы и участвовать в принятии важных геополитических решений. Страны оказали существенное влияние на реформу Мирового валютного фонда и на распределение системы квот в его рамках. Появился Банк развития БРИКС, призванный дополнить существующие международные институты развития и облегчить доступ развивающихся стран к финансовым ресурсам.

Сохранение твердого политического курса государств – участников БРИКС на углубление взаимодействия может привести к превращению этого объединения в один из центральных элементов новой системы глобального регулирования в политико-правовой и в финансово-экономической сферах. БРИКС имеет шанс стать одним из центров силы в новой модели глобальных отношений, преодолевающей старые разделительные линии Восток-Запад / Север-Юг.

Одна из проблем Сообщества сегодня – существенные различия в понимании сущности объединения и его миссии. Для одних участников (Бразилия, Индия) – это долгосрочный проект укрепления экономического сотрудничества в рамках пяти крупнейших (по территории, населению, ресурсному потенциалу) стран мира. Для других государств (Южно-Африканская республика) – это «международная гарантия» завоевания особых позиций в регионе. Для Китая, очевидного экономического лидера БРИКС, существование этой международной платформы, с одной стороны, – инструмент борьбы за перестройку системы глобального управления, с другой – своего рода

¹ Расчеты авторов на основе данных Мирового банка: www.worldbank.org.

² Данные Мирового банка. www.worldbank.org.

³ Отчет об устойчивом экономическом развитии стран БРИКС 2017. Пекин, Центр финансовых исследований и разработок при Банке развития Китая, Китайский Совет по БРИКС, июнь 2017, с. 3.

завеса китайской экономической экспансии в различных регионах мира (Центральная Азия, Африканский континент). Россия, по словам министра иностранных дел С. Лаврова, ставит задачу трансформирования БРИКС в один из наиболее важных элементов системы глобального управления.

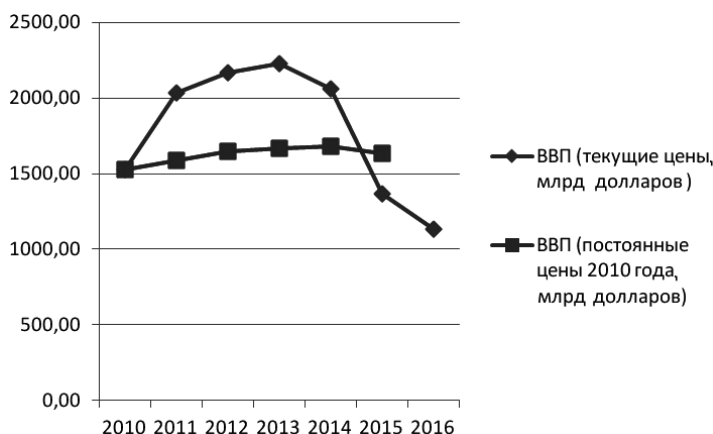
Дискуссии вокруг феномена БРИКС ведутся и в рамках научного сообщества. Один из дискуссионных вопросов – перспективы укрепления экономической связанности стран БРИКС в результате функционирования Сообщества. Ученые Индии и Бразилии подчеркивают важность экономической составляющей в деятельности этого неформального клуба. Ведущие же российские аналитики, в частности, исполнительный директор НКИ БРИКС Г. Толорая, считают, что БРИКС – это не экономическое объединение. Его целью является не экономическая интеграция и развитие сотрудничества внутри БРИКС, а изменение структуры глобального управления для того, чтобы восходящие экономики заняли в нем достойное место, чтобы структуры международной финансовой архитектуры, финансового управления не были под доминированием только западных стран [2]. Таким образом, БРИКС для одних стран – это возможность укрепления экономического взаимодействия, для других – площадка/инструмент геополитической борьбы [3].

Если обратиться к анализу документов, в частности, деклараций по итогам ежегодных саммитов БРИКС, то в них можно найти все. Например, речь идет о том, что широта охвата сфер сотрудничества чрезмерна и возникает вопрос: «Можно ли одновременно эффективно решать все ставящиеся задачи?». Обратимся к анализу одной из сфер сотрудничества – взаимной торговле (возможно наиболее приземленной). Как нам представляется, по мере роста политического влияния Сообщества важно наращивать не только взаимное доверие, но и внутреннюю экономическую связанность государств – участников БРИКС. На саммите БРИКС 2016 г. на Гоа (Индия) этой проблеме было уделено особое внимание. В частности, поставлена задача удвоения к 2020 г. взаимного товарооборота стран и достижения отметки в 500 млрд долл. Однако достичь этой цели, видимо, будет непросто в условиях нарастания в мире так называемого «экономического патриотизма», который в России известен как стратегия импортозамещения.

Стратегия импортозамещения в России и торговое сотрудничество стран БРИКС

В течение последних 5 лет российская экономика сталкивается с серьезными кризисными явлениями. Падение темпов экономического роста наблюдается с конца 2012 г. Уже в 2013 г. рост ВВП составил по

валютному курсу лишь 1,3%, инфляция выросла до 6,5%, отток капитала достиг 61 млрд долл.⁴ В сопоставимых ценах картина выглядит не так драматично, но и при такой методике расчетов падение ВВП фиксируется начиная с 2014 г. (см. рис. 1).

Источник: составлено авторами по данным: www.worldbank.org.

Рис. 1. ВВП России в 2010–2016 гг., в млрд долл. США (в текущих и постоянных ценах).

Можно выделить следующие важнейшие причины разразившегося в экономике страны кризиса:

- снижение мировых цен на основные позиции российского, преимущественно топливно-сырьевого экспорта;
- деиндустриализация и примитивизация экономики, в результате которой по ряду традиционных экспортных изделий обрабатывающей промышленности утрачена конкурентоспособность;
- системные проблемы в экономике как результат неадекватной российским реалиям либеральной модели трансформации;
- мировая экономическая рецессия;
- введение Западом санкций против России.

Существуют различные оценки потерь российской экономики в результате введенных Западом санкций. По расчетам ООН, экономика России за 3 года потеряла 52–55 млрд долл.⁵ В конце 2014 г. министр финансов Антон Силуанов называл цифру в 40 млрд долл. в год⁶, а в

⁴ Росстат 2017. www.gks.ru.

⁵ Спецдоклад ООН оценил ущерб от санкций против России. INTERFAX.RU, 28 апреля 2017.

⁶ Минфин назвал потери России от санкций и снижения цены на нефть. INTERFAX.RU, 24 ноября 2014 г.

январе 2016 г. замминистра экономического развития Алексей Лихачев оценивал потери российской стороны только в 2015 г. в 25 млрд евро⁷.

Кризис 2014 г. сопровождался крупномасштабным обесценением национальной валюты (за год рубль потерял 58% своей стоимости по отношению к доллару США и был признан худшей валютой, по оценке агентства Bloomberg⁸), ростом инфляции и снижением реальных располагаемых доходов населения, а на этой базе – потребительского спроса. Меры по ужесточению денежно-кредитной политики Центробанка РФ привели к повышению стоимости кредитования, что послужило причиной снижения внутреннего спроса⁹.

Существенно сократился приток в страну прямых иностранных инвестиций (ППИ). В 2014 г. он уменьшился почти в 3 раза в сравнении с 2013 г., а в 2015 г. – еще в 4,5 раза, составив лишь 4,8 млрд долл. Активизировался отток капитала из страны. В 2014 г. он составил 153 млрд долл., что соответствовало 13% ВВП, или 65,5% расходов годового федерального бюджета. В 2015 г. отток капитала замедлился, но все еще был значительным (56,9 млрд долл., или 5,1% ВВП страны).

Все перечисленные выше факторы (в наибольшей мере девальвация рубля, санкции, снижение внутреннего спроса) оказали негативное влияние на динамику внешней торговли России.

В 2016 г. экспорт РФ по стоимости сократился на 43,4% в сравнении с 2014 г., а импорт – на 43%. При этом если стоимостные показатели динамики экспорта падали на фоне роста его физических объемов, падение импорта происходило как в стоимостном, так и в физическом измерении.

Россия оказалась перед перспективой экономического коллапса, и встал вопрос о необходимости мобилизации имеющихся внутренних возможностей для его предотвращения. Руководством страны была озвучена задача широкомасштабного импортозамещения, что было положительно воспринято обществом. Как известно, ориентация на сырьевую экономику в течение всех лет трансформации привела к заметной импортозависимости страны. Особенно это коснулось тяжелого машиностроения, медицинской промышленности и фармацевтики, легкой промышленности и сельского хозяйства [4]. В результате доля импорта в отдельных отраслях промышленности существенно превысила порог экономической безопасности. По офи-

⁷ В ООН оценили потери России и «противников» от санкций в три ВВП Эфиопии // РБК, 28.04.2017. www.rbc.ru/economics/28/04/2017/590332b69a7947ae385244b0.

⁸ Bloomberg назвал рубль и нефть худшими инвестициями года. INTERFAX.RU, 24 декабря 2014 г.

⁹ Валютный кризис 2014–2015 гг. // Ведомости, 12.01.2015 г. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/12/valyutnyj-krizis-20142015-gg.

циальным оценкам, доля импорта в производстве станкостроительной продукции на начало 2014 г. приближалась к 90%, в тяжелом машиностроении – к 70%, в нефтегазовом оборудовании – к 60%, в энергетическом оборудовании – около 50%, в сельхозмашиностроении (в зависимости от категории продукции) – от 50 до 90%, в гражданском самолетостроении – более 80%¹⁰.

В 2014 г. Президентом РФ была поставлена задача увеличить долю отечественных товаров на внутреннем рынке за счет требуемого качества продукции и приемлемых для покупателя цен. В первых официальных документах¹¹ планировалось, что «срок реализации программы импортозамещения составит два, максимум три года. При этом импортозамещению подлежит примерно треть всего российского импорта, что составляет около 100 млрд долл. США и потребует прироста производственных мощностей на 15–16%¹²». Как видно из данных табл. 1, импорт в страну в течение последних 4 лет действительно резко сократился. По планам же правительства к 2020 г. импортная составляющая в производстве должна сократиться в 1,5–2 раза.

Таблица 1

**Экспорт и импорт РФ по методологии платежного баланса
(млн долл. США, 2014–2016 гг.)**

Годы	Экспорт товаров (ФОБ), в % к предыдущему году	Импорт товаров (ФОБ), в % к предыдущему году
2013	99,2	101,7
2014	95,1	90,2
2015	68,4	63,0
2016	83,0	99,7

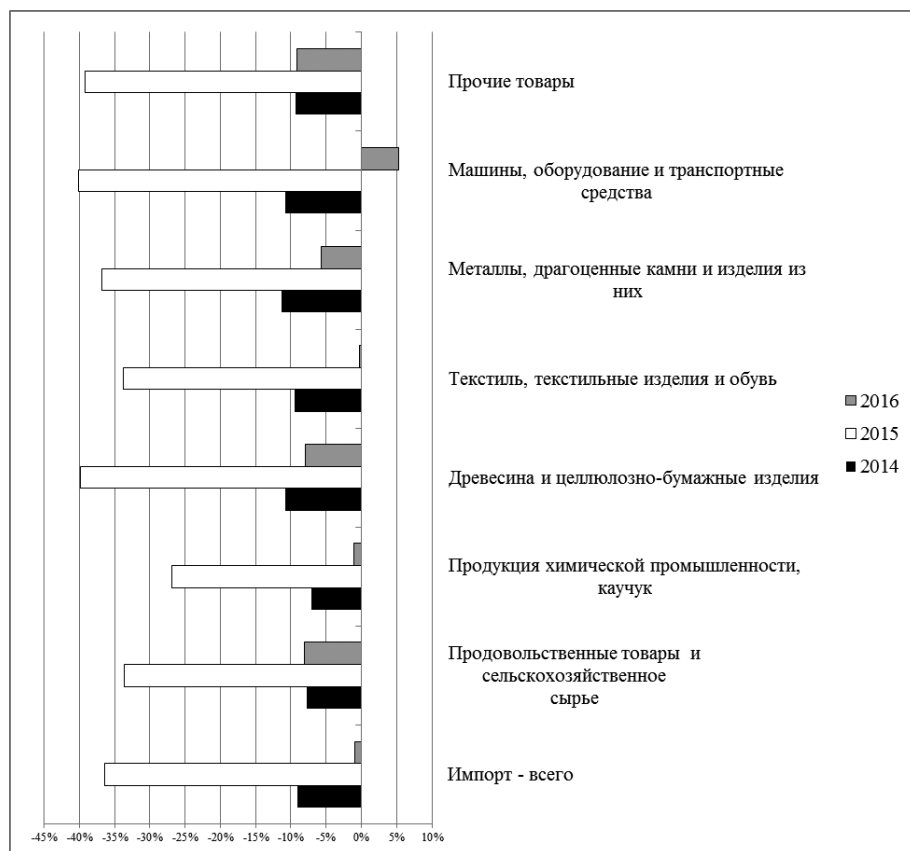
Источник: Росстат 2017. www.gks.ru.

Наиболее точно о результатах политики импортозамещения можно судить, соотнеся показатели сокращения импорта и показатели роста производства по отдельным группам товаров (см. рис. 2, 3). При этом необходимо принять за аксиому, что потребности государства и его населения в тех или иных товарах и продуктах остались неизменными.

¹⁰ Официальный сайт импортозамещения в России. zimport.ru/cel-proekta.

¹¹ Заседание Государственного совета РФ. Развитие отечественного бизнеса и повышение его конкурентоспособности на мировом рынке в условиях членства России в ВТО. 18 сентября 2014 г. www.kremlin.ru/transcripts/46636.

¹² Официальный сайт импортозамещения в России. zimport.ru/cel-proekta.

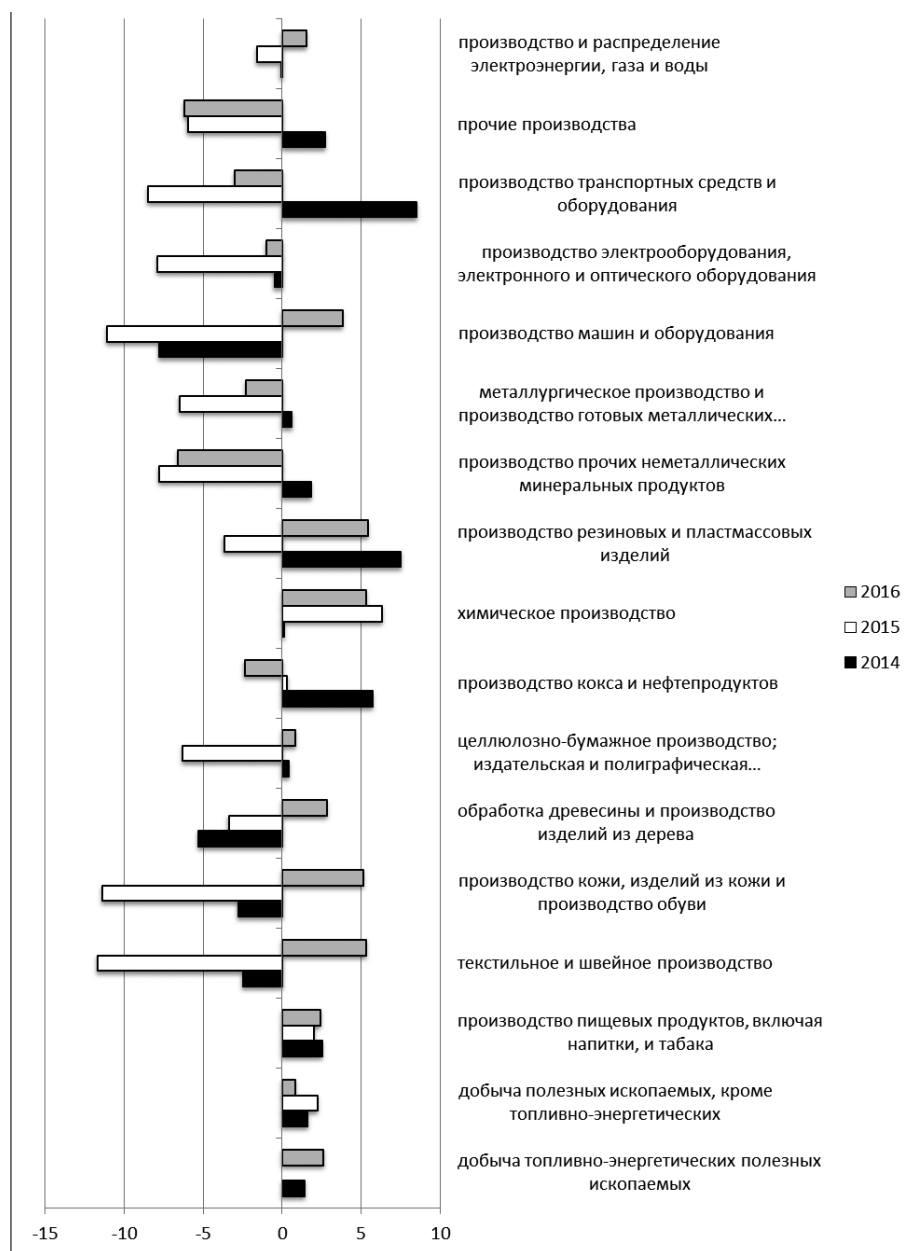
Источник: составлено авторами на основе данных Росстат. www.gks.ru.

Рис. 2. Индексы стоимостных объемов импорта РФ по отдельным отраслям, 2014–2016 гг. (в % к предыдущему году).

Как видно из данных диаграммы, импорт сократился во всех важнейших отраслях производства, особенно значительным падение его стоимостных и физических объемов было в 2015 г. Незначительный рост после резкого сокращения наблюдался в импорте машин, оборудования и транспортных средств в 2016 г.

Как показывает анализ, наиболее впечатляющими на сегодняшний день оказались результаты импортозамещения в сельском хозяйстве. По данным Росстата, объем импорта сельскохозяйственной продукции, составлявший в 2014 г. 39,9 млрд долл. США, в 2015 г. сократился до 26,5 млрд. За год на 30% снизился импорт свежего и мороженого мяса, на 44% – свежей и мороженой рыбы, на 36,5% – сыров и творога. Также упал импорт подсолнечного масла, соли, картофеля, помидоров, огурцов, других овощей и фруктов¹³.

¹³ www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect.

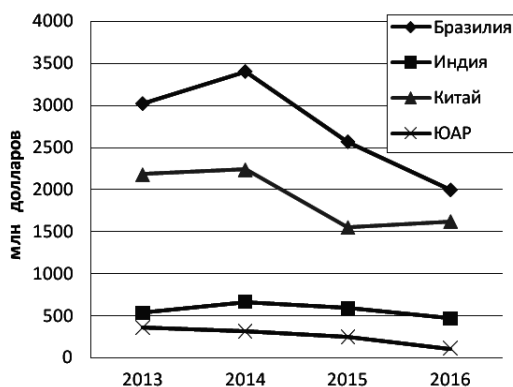

Источник: составлено авторами по данным Росстата: www.gks.ru.

Рис. 3. Индексы производства по видам экономической деятельности Российской Федерации (изменение в % от предыдущего года).

Объемы вынужденного снижения импорта могли быть покрыты за счет собственного производства или поставок стран, не подпадающих под продуктовое эмбарго. Страны БРИКС не вошли в число

государств, поставки сельскохозяйственной продукции и продовольствия из которых компенсировали бы России потери от продовольственного эмбарго. По рыбе и морепродуктам Россия сотрудничала с Ираном, Малайзией, Оманом, Тунисом и Марокко. Кооперантами по поставкам мяса и птицы, молочных продуктов, включая сыры, стали Македония, Иран, Чили, Уругвай и Аргентина. Таиланд и некоторые страны Африки осуществили поставки овощей и фруктов на российский рынок. А Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика существенно сократили объемы поставок сельскохозяйственной продукции в РФ (см. рис. 4).

Источник: Федеральная таможенная служба России. www.customs.ru.

Рис. 4. Динамика российского сельскохозяйственного импорта из стран БРИКС.

Китай явно воспользовался новыми возможностями, открывшимися в связи с ограничением Россией импорта из Турции, Египта, стран ЕС (см. табл. 2). Он активно наращивал поставки на российский рынок овощей и фруктов, на которые приходилось около 80% стоимостного, или 60% физического экспорта сельскохозяйственной продукции в РФ¹⁴.

Российским аграриям удалось заметно нарастить объемы собственного производства сельхозпродукции. Только за 2015 г. производство мяса выросло на 477,4 тыс. т, производство мяса птицы – на 653,5 тыс. т, сыра и творога – на 281,6 тыс. т¹⁵. Такого роста удалось достичь за счет масштабного государственного субсидирования сельского хозяйства.

Как отметил Президент РФ В.В. Путин, «еще десять лет назад практически половину продуктов питания мы завозили из-за рубежа, критически зависели от импорта, теперь Россия – среди экспортеров. В про-

¹⁴ Маркетинговое исследование «Продукты питания – перспективы торговли России с Китаем»: www.exportvl.ru.

¹⁵ politrussia.com/ekonomika/realnye-itogi-importozameshchaniya-708.

Таблица 2

Натуральные и стоимостные объемы поставок сельскохозяйственной продукции из Китая в Россию, 2011–2015 гг.

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Натуральные объемы, в т	1 488 018,9	1 277 086,7	1 282 488,2	1 437 546,2	1 249 987,6
В % к предыдущему году	–	–14,1	0,4	12,1	–13,0
Стоимостные объемы, тыс. долл. США	1 529 491,0	1 439 846,8	1 535 000,3	1 738 211,2	1 555 423,7
В % к предыдущему году	–	–5,9	6,6	13,2	–10,8

Источник: Маркетинговое исследование «Продукты питания – перспективы торговли России с Китаем»: www.exportvl.ru.

шлом году (2014 г., С.Г.) российский экспорт сельхозпродукции составил почти 20 млрд долл. Это на четверть больше, чем выручка от продажи вооружений, или около трети доходов от экспорта газа. И такой рывок наше сельское хозяйство совершило за короткий, но плодотворный период. К 2020 г. нужно полностью обеспечить внутренний рынок отечественным продовольствием. Мы не только можем сами себя накормить с учетом своих земельных, водных, что особенно важно, ресурсов. Россия способна стать крупнейшим мировым поставщиком здоровых, экологически чистых, качественных продуктов питания, которые давно уже пропали у некоторых западных производителей, тем более что спрос на глобальном рынке на такую продукцию устойчиво растет¹⁶».

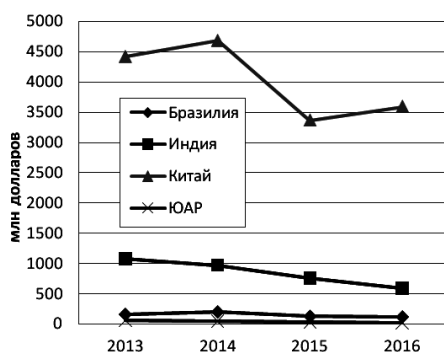
Рекорды в сельском хозяйстве позволили России нарастить экспорт зерновых, картофеля, мяса и других видов продукции. При этом помимо традиционных покупателей увеличились поставки в страны Ближнего востока, Азии, в частности, в Китай, и даже в страны Латинской Америки. Рационально и эффективно используя уникальные ресурсы сельхозугодий в различных климатических зонах, пресной воды, химических удобрений, кормового зерна, Россия способна внести большой вклад в обеспечение продовольственной безопасности планеты, в удовлетворение спроса на продукты питания, растущего вместе с населением планеты и повышением благосостояния Китая, Индии и других стран. В 2016 г. экспортные поставки российского продовольствия увеличились в стоимостном выражении на 7,7%, а в физическом – на 12,8%.

Среди лидеров импортзамещения – химическая промышленность России. На момент введения санкций объем российского импорта

¹⁶ kremlin.ru, 3 декабря 2015 г.

химической промышленности в полтора раза превышал объем экспорта [5]. Главными продуктами импорта были лекарственные средства, полимерные материалы, пластмассы и изделия из них, а также резиновые шины, парфюмерия, косметические средства. За последние три года в химической промышленности удалось добиться реальных успехов практически по всем группам товаров (см. рис. 5), что объясняется выходом на проектную мощность запущенных ранее предприятий. В результате наблюдаются заметные темпы прироста производства полипропилена, полиэтилена и поливинилхлорида. По оценкам специалистов, существующей в стране производственной базы достаточно, чтобы за 2-3 года наладить производство ключевых катализаторов, зависимость от импорта по которым сегодня достигает 90%¹⁷.

Как наглядно видно на рис. 5, сокращение поставок химической продукции из Индии и их стагнация по Бразилии и ЮАР продолжается третий год подряд. Лишь Китай после резкого падения экспорта на российский рынок в 2015 г. вновь демонстрирует рост поставок, оставаясь важным поставщиком продукции «малой химии» для российских потребителей [6].

Источник: Федеральная таможенная служба России. www.customs.ru.

Рис. 5. Динамика импорта Россией продукции химической промышленности из стран БРИКС.

Замещение импортных лекарственных средств отечественными возможно только по отдельным немногочисленным препаратам. Отказ от использования импорта этих видов отрицательно сказался бы на здоровье населения. Китай и Индия могли бы более активно участвовать в решении задачи обеспечения российского населения медицинскими препаратами.

¹⁷ Импортзамещение: от слов к делу. Химическая промышленность стала одним из драйверов роста в российской экономике. www.ect-center.com.

Не удается полностью приспособиться к новым экономическим реалиям российскому машиностроению. Падение производства наблюдалось практически по всем группам товаров – автомобили, автобусы, грузовики. Умеренный оптимизм внушают результаты развития отрасли в 2016 г., когда стоимостные объемы выпуска впервые с 2012 г. продемонстрировали небольшой рост.

В импорте из Китая доля машин и оборудования в 2013–2016 гг. увеличилась с 52,0% до 58,65%. После роста на 3 п.п. в 2013–2015 гг. сократились поставки машин и оборудования из ЮАР: в структуре южноафриканского экспорта в Россию их доля в 2016 г. составила 13,69%. Незначительна (3,4–3,7%) доля машин и оборудования в совокупном экспорте Бразилии в Россию. Учитывая серьезное сокращение поставок машинотехнической продукции стран Запада в Россию, а также положение дел с российским отечественным производством этой продукции, страны БРИКС могли бы серьезно наращивать свои поставки на российский рынок. Еще более перспективным могло бы быть развертывание странами своих производств на территории России с установлением широких кооперационных связей с отечественными предприятиями.

Таким образом, анализ показывает, что Бразилия, Индия и Южно-Африканская Республика слабо использовали возможности укрепления своих позиций на рынке РФ в период 2014–2017 гг., о чем свидетельствуют данные табл. 3 и 4.

Прочные позиции в качестве основного партнера по импорту и ведущего – по экспорту занял Китай. В рамках региональной группировки с очевидностью формируется Китае-центричный тип сотрудничества. КНР является практически для всех стран Сообщества, если не первым, то по крайней мере ведущим торговым партнером, о чем свидетельствуют данные табл. 3 и 4. Заметное влияние на торговое сотрудничество стран оказывает замедление в последние годы темпов экономического роста в Китае (см. рис. 5).

Китай, демонстрировавший в течение трех десятилетий в среднем 10%-ые темпы роста, к 2016 г. снизил этот показатель до 6,9%. Очевидно, что чем крупнее становится экономика, тем труднее ей сохранять высокие темпы экономического роста. Все факторы, обеспечивавшие высокую динамику экономического развития Китая (труд, капитал, производительность труда), постепенно истощаются. Доля трудоспособного населения в общей численности граждан страны достигла своего пика в 2012 г. Дальнейшее наращивание инвестиций (2015 г. 49% от ВВП) неэффективно, да и маловероятно. Ввиду уже сократившегося технологического разрыва между Китаем и наиболее богатыми странами мира рост производительности труда будет замедляться.

Снижение экономической динамики в Китае – основная причина сокращения спроса на мировом рынке в течение последних 3–4 лет.

Таблица 3

**Место стран БРИКС в структуре экспорта стран –
участниц Сообщества (2016 г.)**

Партнер Страна	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Бразилия	–	20	11	1	35
Россия	37	–	16	2	82
Индия	31	34	–	4	23
Китай	20	15	9	–	29
ЮАР	34	41	8	1	–

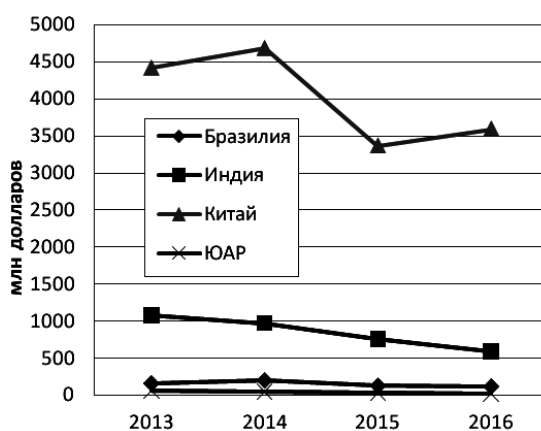
Источник: Составлено авторами по данным: comtrade.un.org/data.

Таблица 4

Место стран БРИКС в структуре импорта стран Сообщества (2016 г.)

Партнер Страна	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Бразилия	–	14	12	2	50
Россия	15	–	19	1	48
Индия	27	22	–	1	20
Китай	8	11	26	–	12
ЮАР	12	47	4	1	–

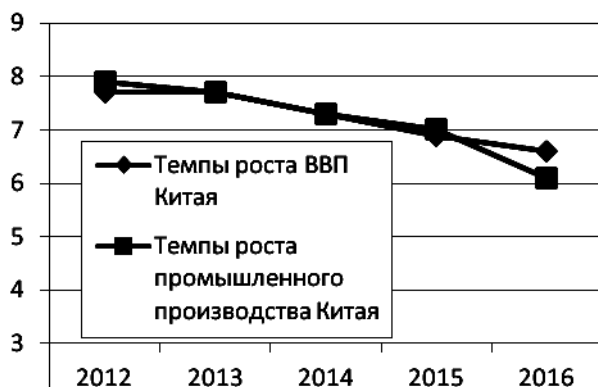
Источник: составлено авторами по данным: comtrade.un.org/data.

Источник: составлено авторами по данным: CIA World Factbook.

Рис. 5. Динамика темпов роста ВВП и промышленного производства КНР (2012–2016 гг., %).

И это понятно, учитывая позицию Китая в мировой торговле товарами [7]. В 2000 г. его доля составляла лишь 3%, в 2013 г. Китай превратился в мирового лидера по экспорту продукции, а к 2016 г. его доля превысила 12% мирового экспорта. Являясь первой по размеру ВВП по ППС державой, Китай постепенно снижает объемы своего импорта (см. рис. 6).

Источник: составлено авторами по данным: comtrade.un.org/data.

Рис. 6. Динамика импорта КНР (в % к предыдущему году).

Снижение потребления Китаем стали на 1% оборачивается сокращением экспорта сталелитейной продукции Бразилии на 0,4%. Большие проблемы возникают в России, обеспечивающей 15% китайского импорта сырой нефти. В момент введения Западом санкций против России руководство страны надеялось на существование неиссякаемых потребностей в энергоресурсах у Китая. Действительность не оправдала российских надежд. Замедление темпов экономического роста в Китае сопровождается снижением поставок в страну алмазов, золота и платины из Южно-Африканской Республики, что оборачивается большими потерями для ЮАР. Под влиянием снижения спроса, а также вследствие девальвации китайского юаня в 2014–2015 гг. на 20% сократились товарные поставки из Индии в КНР, в 2016 г. падение индийского экспорта составило 7%.

Одна из проблем торгового сотрудничества в рамках БРИКС заключается в низкой заинтересованности его лидера, Китая, в рынках стран-членов Сообщества. В 2016 г. Китай направлял в страны БРИКС лишь 6,5% своего экспорта. Невысок показатель экономической связанности и у других участников Сообщества. Он крайне низок в Индии и ЮАР, в России составляет 12,2 % (рост на 3,7 п.п. по сравнению с 2013 г.). Наибольшим этот показатель является в Бразилии – 22% при сокращении за последние три года вдвое. Таким образом, основными для стран Сообщества рынками по-прежнему остаются рынки развитых западных государств (см. табл. 5).

Таблица 5

Внутрирегиональный экспорт стран БРИКС, млрд долл.

Экспорт России	Бразилия	Китай	Индия	ЮАР	Мир
2000	0,6	5,2	1,1	0,0	103
2013	2,0	35,6	7,0	0,3	527
2016	2,0	28,0	4,7	0,2	285,7
Экспорт Индии	Бразилия	Китай	Россия	ЮАР	Мир
2000	0,3	0,8	0,9	0,3	42,3
2013	5,4	14,5	2,2	5,3	336,6
2016	2,3	8,9	1,8	3,2	260,3
Экспорт Китая	Бразилия	Индия	Россия	ЮАР	Мир
2000	1,2	1,6	2,2	1,0	249
2013	36,2	48,4	49,6	16,8	2209
2016	23,3	60,4	38,0	13,5	2097
Экспорт Бразилии	Китай	Индия	Россия	ЮАР	Мир
2000	1,1	0,4	0,4	0,3	55,1
2013	46,0	3,1	3,0	1,8	242,2
2016	35,13	3,16	2,29	1,39	185,2
Экспорт ЮАР	Китай	Индия	Россия	Бразилия	Мир
2000	0,3	0,4	0,0	0,2	26,2
2013	11,8	3,0	0,4	0,7	95,1
2016	6,8	3,1	0,2	0,3	74,1

Источник: составлено авторами по данным: COMTRADE.

Как видим, анализ не позволяет нам быть оптимистами в отношении перспектив достижения поставленной странами на Саммите БРИКС на Гоа задачи удвоения взаимного товарооборота к 2020 г. Целый ряд факторов затрудняет достижение этой цели. Среди них, как было отмечено выше, риски нарастающей «Китае-центричности» развития экономических отношений в условиях снижения темпов экономического роста у экономического лидера Сообщества. Достижению этой задачи в ближайшие 3–5 лет едва ли будет содействовать реализация политики импортозамещения в России. Ведь ее воплощение в жизнь предусматривает на первом этапе возвращение отечественной продукции на национальный рынок. Политика импортозамещения должна стать импульсом для запуска роста ряда отраслей, их реформирования и модернизации. Девальвация национальной валюты, ограничивая импорт и содействуя экспорту, способствует реализации такой внешнеэкономической стратегии. Негативное воздействие на торговое сотрудничество в рамках БРИКС названных факторов могло бы быть несколько смягчено за счет расширения торговли с расчетами в национальной валюте, а также развития инвести-

ционного сотрудничества, направленного на создание цепочек добавленной стоимости внутри БРИКС, на развитие совместных производств продукции, востребованной на рынке Сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Отв. ред. С.П. Глинкина; колл. авторов. М.: Институт экономики РАН, 2014.
2. Толорая Г.Д. Зачем России БРИКС? // Россия в глобальной политике. 2015. № 1.
3. Хейфец Б.А. Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014.
4. Фальцман В. Импортозамещение в ТЭК и ОПК // Вопросы экономики. 2015. № 1.
5. Фальцман В.К. Импортозамещение в отраслях экономики России / ecfor.ru/wp-content/uploads/2015/fp/5/05.pdf.
6. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза. М.: Институт экономики РАН, 2016.
7. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде / Отв. ред. Г.Д. Толорая. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016.

S.P. GLINKINA

doctor habilitatus in economics, professor, head of the scientific direction "International economic and political researches" of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, department chair of the General economic theory of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

A.A. YAKOVLEV

the graduate student of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, junior research fellow of the Center of the Russian strategy in Asia of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
Yakovlev.a.a@campus.mse-msu.ru

TRADE COOPERATION OF THE BRICS COUNTRIES IN CONDITIONS OF SINO-CENTRICITY AND OF RUSSIA'S IMPORT SUBSTITUTION POLICY

The paper analyzes trade cooperation between BRICS countries against the background of both member countries increasing trade dependence on the People's Republic of China and of Russia's import substitution strategy implementation. The latter development results from the awareness of the Russian leadership that further economic development of the country is endangered by production and consumption excessively dependent on imports. The implementation of the above strategy was accelerated by external challenges faced by Russia in 2014, in particular by the economic crisis caused by a sharp drop of prices for main Russian export goods, as well as by anti-Russian sanctions imposed by Western countries against the Russian Federation in response to events around the Ukraine.

Keywords: BRICS, Sino-centricity, trade cooperation, import substitution.

JEL: F10, F13, F15, F17.

О.Е. ТРОФИМОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра европейских исследований ИМЭМО РАН

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОСОЮЗЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ¹

Рост миграции населения в странах ЕС способствует решению демографических проблем и влияет на формирование трудовых ресурсов. С другой стороны, неконтролируемая миграция ведет к возрастанию социальных рисков, к эрозии принципа солидарности в Евросоюзе и трансформации интеграционного процесса под влиянием глобализации. Изменение структуры миграционных потоков, негативная роль исламского фактора, рост численности мусульман-мигрантов, сложности их интеграции и ассимиляции становятся одним из главных вызовов для стран ЕС. Отсутствие общей миграционной политики, преобладание национальных интересов, рост разногласий между старыми и новыми странами-членами может усилить центробежные тенденции внутри Евросоюза, что показали результаты референдума в Великобритании.

Ключевые слова: трансформация интеграционных процессов, миграционный кризис в Европе, структура миграционных потоков, рынок труда, мусульмане-мигранты, семейная миграция, беженцы, социальные риски, уровень образования мигрантов, политика интеграции.

JEL: F15, J10, J61, J62.

В настоящее время миграция превратилась в важнейший фактор, влияющий на экономику стран ЕС. Миграционные процессы можно рассматривать исходя из нескольких подходов и связанных с ними теорий (демографической, экономической, социокультурной, исторической, психологической, правовой и др.). Наиболее универсальным является экономический подход, но целесообразней использовать междисциплинарный подход для комплексного изучения проблем миграции, которые влияют на многие процессы в странах ЕС, в том числе на дальнейшее развитие интеграции в рамках Евросоюза.

Миграция в ЕС и трансформация интеграционных процессов. Из-за разницы в уровнях экономического, социального и политиче-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Структурная трансформация интеграционного процесса в ЕС под влиянием глобализирующихся миграционных потоков» (проект № 17-07-00040) в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

ского развития новых стран – членов ЕС и государств «старого ядра», интеграционные процессы в них развиваются по-разному, с разной скоростью и достаточно противоречиво. Наиболее удачной в европейском проекте является экономическая интеграция, в то время как по ряду направлений развития интеграционных процессов периодически возникают и даже нарастают серьезные разногласия, особенно в тех сферах, где отсутствует согласованный подход, как, например, к миграционной политике. Настоящего единства страны – члены ЕС пока не достигли, а экономический, финансовый, а затем и миграционный кризисы усилили разногласия. Это показали результаты референдума в Великобритании. Сам процесс интеграции стран ЕС уже вступил в новый этап развития и оказался не самым успешным, о чем свидетельствуют постоянные споры стран-членов при решении общих проблем. При этом все чаще стала наблюдаться тенденция к определенному сепаратизму и предпочтению национальных интересов общеевропейским ценностям и принципам, таким как принцип солидарности.

Нынешний этап в развитии ЕС начался в 2008 г., когда эта группировка стран «набрала критическую массу» и объединительные тенденции стали сосуществовать одновременно с центробежными. Одним из факторов, оказывающих влияние на трансформацию консолидированной Европы, стал рост притока мигрантов. Именно этот фактор усилил националистические идеи в отдельных европейских странах, привел к определенной регионализации внутри ЕС, выразившейся в выделении отдельных блоков, выступающих со своим видением решения проблем с мигрантами, таких как Вишеградская группа. Вступившие в ЕС в 2004–2007 гг. страны не имели колоний и опыта миграционной политики, особенно в отношении мусульман, в отличие от стран ЕС, имевших колонии и особые связи с ними, в том числе опыт использования рабочей силы из бывших колоний.

Исторически сложившаяся схема – «старое ядро» и новые страны-члены, когда одни являются локомотивами интеграции, как Германия и Франция, а других можно отнести к аутсайдерам, из-за сложного экономического положения, – все еще продолжает действовать, отражая однонаправленный подход к развитию интеграции. Причем в группу аутсайдеров попадают и «старые» страны-члены, как, например, Греция, столкнувшаяся «с системным кризисом, усилившимся после присоединения этой страны к еврозоне» [1, р. 4]. Банковский и долговой кризис в ЕС и последовавшая за ним реструктуризация долгов показали негативный настрой стран-кредиторов к странам-должникам, а отнюдь не единство Евросоюза в борьбе с кризисными явлениями.

Экономические, политические и социальные причины трансформации интеграционных процессов еще недостаточно изучены, нет

общей теории, рассматривающей наметившиеся тенденции трансформации и даже некоторой дезинтеграции ЕС. По сути, интеграция и дезинтеграция являются двумя составляющими одного диалектического процесса. Эти тенденции связаны в первую очередь с консервацией сложившегося подхода к европейской интеграции, с отсутствием адаптации некоторых ее направлений, учитывающей новые реалии и вызовы глобализирующегося мира. Но уже сейчас очевидно, что нынешние процессы развития общего рынка в условиях кризиса влияют на социальное неравенство в странах-членах, находящихся на разных уровнях интеграции. С другой стороны, эти различия влияют на политические позиции стран Евросоюза и их действия на общем наднациональном уровне. Появившиеся отдельные группы стран, такие как Вишеградская группа, пытаются действовать сообща, как показал миграционный кризис 2015 г., а также влияют на возможности Евросоюза действовать как единое целое.

Трансформация интеграционного процесса на нынешнем этапе не означает, что наступил кризис в рамках ЕС. Она лишь указывает на необходимость систематически отслеживать новые тенденции, учитывать их и вносить коррективы в принципы и нормативные акты при проведении политики Евросоюза по всем ее направлениям. Отсутствие поддержки наднациональных институтов, определенная их слабость при решении общих проблем, недостаточная эффективность принимаемых ими решений сводят на нет видение будущих выгод европейской интеграции. А нарастающие трения при разделе общих расходов привели к падению доверия к ним. Фактическое смещение центра принятия решений из Брюсселя в Берлин, который взял на себя ведущую роль в Евросоюзе, свидетельствует о размывании роли этих институтов и наметившемся неравноправии в рамках ЕС с выделением главных и второстепенных членов. Отход от идеи совместных действий во многих странах ЕС «усилит эрозию принципа солидарности внутри Европейского союза и наблюдающийся в настоящее время феномен дезинтеграции» [2, с. 151].

В отличие от интеграционных процессов, имеющих тенденцию к углублению и вовлечению новых стран в европейский проект, миграционные процессы в странах ЕС в последние годы развиваются по нарастающей, характеризуются неравномерностью распределения по странам и значительными изменениями структуры потока, который становится все более этнически разнородным. Изменились также движущие факторы миграционных потоков на фоне растущей социальной, политической и экономической взаимозависимости между отдельными государствами [3, с. 15]. Миграционный кризис 2015–2016 гг. показал, что отсутствие общеевропейской миграционной политики привело к росту разногласий среди стран – членов ЕС.

Попытки минимизировать свои обязательства и расходы, перенести их на другие страны-члены, не соблюдать Дублинские соглашения и правила ЕС по приему беженцев ведут к расшатыванию самих устоев Евросоюза.

Отправной точкой становления общей миграционной политики стало подписание в 1992 г. Маастрихтского договора, который положил начало межправительственному сотрудничеству в этой сфере. Но фактически эта политика стала формироваться после подписания Амстердамского договора (1997 г.), когда прием мигрантов, предоставление им убежища, охрана границ, визовый режим были переданы в компетенцию Сообществ, или в так называемую «первую опору» ЕС. Затем последовало принятие «плана Тампере» (1999 г.), который способствовал сближению миграционных законодательств, кроме управления легальной миграцией.

Следующий этап продолжался до 2004 г. и был направлен на принятие различных актов и гармонизацию национальных законодательств перед вступлением новых членов, с которыми приходилось согласовывать общие принципы политики интеграции мигрантов. С 2007 г. после подписания Лиссабонского договора акцент переместился на формирование наднациональных институтов, отвечающих за общую политику в сфере миграции. Был учрежден специальный фонд для финансирования национальных программ адаптации мигрантов и принят ряд документов, считающихся основой общей миграционной политики ЕС². Изменение миграционного пространства после расширения Евросоюза и рост мобильности населения требовали совершенствования законодательства и регулирования общей миграционной политики Евросоюза, являющейся основой обеспечения его безопасности. Были созданы новые структуры – ФРОНТЕКС (Агентство ЕС по безопасности внешних границ, 2004 г.) и ЕВРОСУР (Европейская система наблюдения за внешними границами, 2008 г.) для контроля над внешними пограничными зонами государств – членов ЕС.

Основные европейские институты должны были отвечать за реализацию общей миграционной политики, но никогда этим не занимались, кроме принятия отдельных директив и актов. Проблемы миграции так и не вышли на наднациональный уровень и остаются прерогативой национальных правительств. При этом более развитые страны-члены оказывают давление на новых членов, навязывают им свои решения и грозят им сокращением финансирования в случае

² Программный документ «Общая иммиграционная политика для Европы: принципы, действия и инструменты» (2008 г.), Европейский пакт по иммиграции и убежищу (2008 г.), Стратегия внутренней безопасности ЕС (2010 г.), Стокгольмская программа (2010–2014 гг.) и ряд других.

отказа принимать беженцев. Такая ситуация сложилась после предложения Совета Европы ввести квоты по приему беженцев в странах ЕС (в мае 2016 г. 120 тыс. человек и в сентябре еще 40 тыс. человек) и выделить средства для борьбы с миграционным кризисом. 13 июня 2017 г. Еврокомиссия запустила процесс введения мер против трех стран Вишеградской группы (Венгрии, Польши, Чехии) из-за невыполнения ими обязательств по приему беженцев.

Существующие социально-экономические различия между отдельными странами ЕС, щедрая система соцобеспечения, особенности национального миграционного законодательства делают одни страны более, а другие менее привлекательными, особенно те, которые однородны в национальном, конфессиональном и культурном отношениях и проводят рестриктивную миграционную политику, как страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), считающие, что миграционный кризис был в первую очередь спровоцирован политикой «старого ядра» ЕС. Но их протестные голоса при голосовании по квотам в Совете Европы не смогли заблокировать решение по распределению квот.

Новые вызовы и риски. Миграция все чаще рассматривается как основное средство для решения ряда демографических и экономических проблем в странах ЕС. Но в последние годы изменился баланс между притягивающими и выталкивающими факторами. Миграционные потоки изменились количественно и качественно и носят не экономический характер, а представляют собой вынужденную и гуманитарную миграцию из-за вооруженных и межнациональных конфликтов, что придает выталкивающим факторам иной смысл [4, р. 47–57].

Первая волна трудовых мигрантов была связана с восстановлением европейской экономики после Второй мировой войны и продолжалась до начала 1970-х годов. Трудовые ресурсы перемещались из стран Южной Европы и Турции, с которой Германия в 1961 г. подписала соглашение о найме рабочей силы, а также из бывших колоний в бывшие метрополии, т. е. поток шел с юга на север. Вторая волна мигрантов продолжалась до конца 1990-х годов и была этнически разнородной, но наметилась тенденция к преобладанию мусульман и образованию мусульманских диаспор в странах ЕС.

Первому поколению мигрантов не удалось ассимилироваться, но все же, в определенной степени, оно интегрировалось в европейское общество, сохраняя свои традиции и обычаи. Рост мусульманского присутствия после воссоединения семей привел к тому, что компактно проживающие мусульманские общины, как правило, не интегрировались в европейское социально-культурное пространство и постепенно стали представлять собой в странах ЕС «государство в государстве», где

живут по нормам шариата, где растет число мечетей и школ по изучению ислама (около 9 000 мечетей в 15 «старых» странах – членах ЕС) [5, р. 24]. Особенно это относится к последним поколениям мусульман-мигрантов, которые говорят на европейских языках, получили светское образование, но не стремятся приобщаться к европейским ценностям. При этом только 8–15% европейских мусульман регулярно посещают мечети [6].

После распада социалистической системы наметилась миграция с востока на запад за счет потока трудовых ресурсов и беженцев из стран ЦВЕ. Внутренняя миграция в ЕС после подписания в 1985 г. Шенгенского соглашения, несмотря на либерализацию иммиграционного законодательства, оставалась незначительной. Падение рождаемости и связанная с этим нехватка рабочей силы вынудила разработать интеграционные программы для включения трудовых мигрантов из третьих стран, ставших важным элементом рынка труда, в экономическую жизнь стран ЕС и его социальное пространство. Новые тенденции в 2000-е годы были связаны с расширением Евросоюза, некоторой активизацией притока внутренних мигрантов из новых стран-членов, связанной с потребностью в квалифицированной рабочей силе для построения инновационной экономики.

Крах политики мультикультурализма, сложности адаптации в принимающем обществе, проблемы толерантности в отношениях между местными и приезжими, растущая активность мусульман-мигрантов, усиление роли ислама становятся теперь главными вызовами и социальными рисками. Постепенно формируются новые контуры их интеграции под влиянием самоизоляции и замыкания в рамках своих общин. Уровень жизни большинства мигрантов значительно ниже, чем у коренных европейцев, а риск оказаться за чертой бедности более чем в два раза выше [7, р. 61].

Существует ряд особенностей, характерных для мигрантов из третьих стран. Во-первых, их доля в общем населении ЕС постоянно растет. Во-вторых, они являются не замещающим, а дополняющим элементом на рынке труда, хуже трудоустроены, чем коренные жители, кроме малоквалифицированной рабочей силы. В-третьих, они в большинстве своем не имеют базовой подготовки, а полученное ими образование в странах происхождения отличается от европейского. В-четвертых, качество и условия жизни иностранных мигрантов хуже, чем у коренных жителей. В-пятых, они подвергаются большей дискриминации, чем выходцы из других стран ЕС, даже если родились в европейской стране.

На фоне стабилизации потока граждан новых стран – членов ЕС и мигрантов из приграничных с ЕС европейских стран в период кризиса 2008–2009 гг. приток мигрантов из третьих стран продолжал расти, и в 2013 г. число лиц иностранного происхождения достигло 20 млн

человек [8, р. 300]. Изменение структуры потока мигрантов в сторону возрастания доли беженцев, в том числе и молодежи без образования и несовершеннолетних, прибывающих из зон конфликтов, а также семейной миграции, на фоне снижения трудовой миграции, привели к росту нагрузки на систему соцобеспечения и социальную инфраструктуру стран ЕС. По некоторым прогнозам, в 2030 г. доля мусульман-мигрантов в населении стран ЕС превысит 8%, а в 2050 г. – 10,2%, но не станет преобладающей в их населении [9]. Доля иностранного населения в разных странах ЕС вырастет с 8%–18% в 2000 г. до 20%–30% к 2050 г. [10]. Складывающаяся ситуация с мигрантами может привести к нарушению сложившегося баланса между коренным и иностранным населением, а возрастание доли мусульман становится опасным для сохранения национальной идентичности и ведет к росту социальных рисков и конфликтов в европейском обществе.

Можно выделить следующие факторы, которые влияют на усиление социальных вызовов и рисков и различаются по странам ЕС: 1) качественные и количественные параметры мигрантов; 2) уровень занятости мигрантов; 3) степень реальной интеграции мигрантов в принимающем обществе; 4) предельный объем приема мигрантов и беженцев для сохранения национальной идентичности; 5) возможности социальной системы обеспечить пособиями мигрантов и беженцев; 6) количество мусульман среди мигрантов и усиление исламского фактора в общественной жизни. Последний фактор становится очень важным, так как мусульманские общины в Европе все больше представляют собой параллельные общества, сохраняющие свои социально-культурные обычаи.

По расчетам Евростата, в 2010 г. примерно 10,5 млн мигрантов из третьих стран (26%) и только 2,2 млн граждан стран – членов ЕС (19%) находились в группе риска по уровню жизни, а для местного населения эта цифра составляла 17% [11, р. 14]. В отличие от трудовых мигрантов с их в целом позитивным влиянием на конкурентоспособность экономики, рост числа беженцев в странах ЕС оказывает деструктивное воздействие на их социально-экономическое развитие и сложившуюся там общественную систему.

Мигранты на рынке труда. Существует связь между политикой интеграции, занятостью и миграционной политикой, так как успешная интеграция в принимающее общество способствует получению максимальной экономической выгоды от притока мигрантов в страны ЕС. Особую роль играет занятость мигрантов, которая зависит от возможностей рынка труда в странах ЕС и уровня зарплаты, являющимися основными притягивающими факторами. Граждане стран ЕС и мигранты из третьих стран занимают в странах Евросоюза разные экономические ниши: в Ирландии и Великобритании преобладает

тенденция к приему высококвалифицированных кадров, во Франции, Испании, Италии идет наплыв малоквалифицированных, в Германии наблюдается приток как тех, так и других.

Внутренняя миграция в странах ЕС недостаточно активна для сбалансирования потребности в рабочей силе в отдельных отраслях, что компенсируется притоком мигрантов из третьих стран. В 2014–2015 гг., по данным Евробарометра, только 4% населения ЕС работало и проживало в других странах-членах. До сих пор в европейских странах сохраняются барьеры, препятствующие мобильности трудовых ресурсов внутри ЕС, такие как языковые барьеры, выдача профессиональных лицензий, ограничение дополнительных пенсионных выплат, разница в системах социального обеспечения отдельных стран и т. д.

В период экономического роста трудовая миграция сглаживает диспропорции в распределении трудовых ресурсов между отраслями производства, затронутыми процессами реструктуризации. Устойчивый приток иностранной рабочей силы, соответствующий нуждам рынка труда, позволяет извлечь выгоду и усилить конкурентоспособность европейской экономики. Но в период спада трудовые мигранты становятся нежелательными на европейских рынках, независимо от их квалификации и опыта. Так, в 2008 г. приток мигрантов в страны ЕС снизился на 6% [12, р. 1]. Мобильность и занятость мигрантов также зависят от макроэкономической ситуации, в том числе от ВВП на душу населения в принимающих странах и странах происхождения мигрантов.

В 2015 г. занятость мигрантов из третьих стран составляла в ЕС 56,7%, для всех иностранных граждан 63,7%, а для местного населения этот показатель был 70,6% (см. табл.). В 2012–2013 гг. средний уровень занятости выходцев из третьих стран составлял 54%, для всех иностранных граждан – 62%, для коренного населения – 68% [8, р. 306–307]. В разных странах ЕС уровень занятости для граждан Евросоюза, иностранной рабочей силы и местного населения различен. Так, уровень занятости иностранных граждан выше, чем у коренных жителей, например, в Чехии, Польше и Италии, а во Франции, Нидерландах и Дании он был ниже, чем у местного населения (см. табл.). Эти вариации отражают различия между странами по таким факторам, как гибкость рынка труда, требования к знанию языка, уровень образования мигрантов и др. Основными нишами для мигрантов на европейских рынках труда являются строительство, торговля, сфера услуг, сельское хозяйство [13, с. 143].

Уровень образования мигрантов играет важную роль при их трудоустройстве в странах ЕС, но не гарантирует соответствия их образования имеющимся вакансиям. Это связано с феноменом формальной недооценки образования мигрантов или избыточным образованием

Таблица

Уровень занятости населения стран ЕС в 2013–2015 гг. (в %)*

Страны ЕС	Коренные жители 2013 г. 2015 г.	Все иностран- ные граждане 2013 г. 2015 г.	Граждане стран ЕС 2013 г. 2015 г.	Граждане третьих стран 2013 г. 2015 г.
ЕС 28	68,9 70,6	61,9 63,7	70,9 73,4	56,1 56,7
Бельгия	68,7 68,5	55,3 59,3	63,6 65,5	39,9 45,2
Чехия	72,4 74,8	78,5 77,3	77,4 79,0	79,5 76,0
Германия	78,7 79,6	65,0 65,8	75,2 76,7	58,5 57,0
Дания	76,7 77,8	64,6 65,1	74,1 77,3	58,0 56,4
Франция	70,6 70,8	55,9 53,3	70,1 67,9	48,6 46,6
Италия	59,5 60,3	61,9 62,4	65,8 66,3	60,1 60,7
Испания	59,5 62,5	52,8 57,6	58,2 62,2	50,0 55,0
Греция	53,4 54,9	50,3 55,4	52,4 56,8	49,7 55,1
Нидерланды	77,3 77,2	61,6 61,4	74,6 74,0	50,5 49,7
Австрия	76,8 75,8	67,2 65,8	75,5 75,2	60,7 55,9
Швеция	81,3 82,1	61,0 61,7	75,5 78,8	50,2 50,7
Польша	64,9 67,8	67,0 66,7	79,0 79,8	62,0 62,3
Великобритания	75,4 77,2	70,4 73,8	79,2 82,0	61,9 63,3

* В возрасте от 20 до 64 лет.

Источник: составлено по данным Eurostat. Employment rates of population aged 20-64, by groups of country of citizenship 2013.png, 2015. png. http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_%E2%80%93_labour_market_indicators.

для такой ниши, как трудоемкая работа, традиционно занимаемая ими. Затянутая процедура признания дипломов об образовании и профессиональной квалификации вынуждает мигрантов соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. В более благоприятных условиях находятся выходцы из других стран–членов ЕС [14,

р. 13–14]. Так, в Германии в 2009–2014 гг. около 5% местного населения с законченным средним образованием и 5% граждан стран ЕС 15 занимались физическим трудом, для иностранных мигрантов эта цифра была 13%, для граждан ЕС 10 – 18%. Для Франции эти цифры составляли соответственно 6% для коренных жителей, 7% для граждан ЕС 15, 17% для мигрантов из третьих стран, 22% для граждан ЕС 10. В Италии соответственно 4%, 2,5%, 37%, и 30% [15, р. 184].

Уровень безработицы иностранных мигрантов в странах ЕС выше, чем у местного населения, но он постепенно снизился с 10% в 2012–2014 гг. до 9,2% в 2015 г. для граждан ЕС, и с 22% в 2012–2013 гг. до 18,9% в 2015 г. для мигрантов из третьих стран [6, р. 310]. В 2015 г. самый высокий уровень безработицы для иностранных мигрантов был в Испании (32,9%), Греции (31,7%), Швеции (29,3%) и Франции (25,4%). Среди молодых мигрантов (15–29 лет) он вырос с 16,6% в 2008 г. до 26,9% в 2015 г. и достиг рекордного уровня в 42% в Испании и 38,7% в Греции [16].

Несмотря на принятие общих директив, страны ЕС не смогли увеличить свободное передвижение рабочей силы между странами-членами. На рынках труда иностранные мигранты часто более востребованы и наблюдается переизбыток трудовых ресурсов в некоторых неконкурентоспособных отраслях тяжелой промышленности. Тенденция к использованию образованных кадров в трудоемких отраслях, не требующих особой квалификации, связана с низкими темпами роста и высоким уровнем безработицы, особенно после миграционного кризиса 2015 г.

Семейная миграция и проблема беженцев. Семейная миграция в рамках политики воссоединения семей в настоящее время представляет собой наиболее многочисленный компонент и основной канал миграционных потоков в странах ЕС. Более 2/5 всех мигрантов в 2007–2011 гг. приходилось на семейную миграцию, особенно в Великобритании и Дании. 36% всех детей мигрантов в этот период были младше 4-х лет, а 2/3 семейной миграции приходится на женщин, что постепенно превратило политику воссоединения семей из миграционной проблемы в социальную [17, р. 16].

В октябре 2008 г. на саммите стран ЕС был принят Пакт об иммиграции и предоставлении убежища, где были одобрены потоки легальной трудовой миграции и ограничены другие виды миграции, в том числе семейная. Страны ЕС должны были учитывать свои возможности по приему и интеграции иностранных мигрантов, уровню их дохода, их жилищные условия. Уровень рождаемости в мусульманских семьях выше, чем у европейцев (1,6% у европейского населения и около 2% среди мусульман) [6]. А возможности трудоустройства членов семей мигрантов достаточно ограничены, так как наличие разрешений на работу и трудовые контракты не распространяются на

членов их семей. Это предполагает получение социальных пособий и увеличивает нагрузку на систему соцобеспечения европейских стран без соответствующей отдачи в виде налогов и других отчислений.

В 2013 г., еще до миграционного кризиса, 23% мигрантов приезжали в страны ЕС на работу (в 2001 г. – 40%), 32% – по линии воссоединения семей (30% в 2001 г.), а число беженцев превысило 22% (в 2001 г. 10%) [18]. По данным Евростата, приток беженцев вырос с 562 тыс. человек в 2014 г. до 1,255 млн человек в 2015 г. и составил около 1,2 млн в 2016 г. [19]. В результате в таких странах, как Австрия и Швеция, доля иностранного населения, составлявшая до миграционного кризиса 15%, выросла в 2016 г. до 18,5% в Австрии и до 16,8% в Швеции. В Венгрии в 2015–2016 гг. доля лиц, родившихся в других странах, увеличилась с 4,6% до 5,8%, а в Германии – самой многонаселенной стране Евросоюза, куда шел основной поток беженцев, с 14,9% до 15,6%. Во Франции и Великобритании приток мигрантов был меньше, и доля иностранного населения выросла всего на 0,2 % – до 13,4% в Великобритании и до 12,3% во Франции [20].

Основной поток беженцев шел из трех стран – Сирии (28%), Афганистана (15%), Ирака (10%). Примерно по 3–4% составляли беженцы из Албании, Пакистана, Нигерии и Косово. Наиболее востребованными странами были Германия (45% беженцев), Венгрия и Италия (по 8%), Швеция (7%). А транзитными странами стали Греция, балканские страны, как входящие, так и не входящие в ЕС [19]. Условия для миграционного кризиса формировались в течение последних 6 лет. Первая волна беженцев и мигрантов в страны Евросоюза была связана с событиями «арабской весны». Но ЕС не придал значение происходящим в этих странах процессам, хотя создал целую систему взаимосвязей с ними (Барселонский процесс, политика соседства, Союз для Средиземноморья), и все ограничилось усилением охраны границ ЕС. В 2014 г. были приняты общеевропейские программы по спасению мигрантов – «Тритон» и «Посейдон». В апреле 2015 г. Еврокомиссия предложила «Европейскую повестку по миграции», содержащую необходимые действия, основанные на более гибкой солидарности и конструктивной гибкости [21, с. 16]. Евросоюз также обратил внимание на внешние факторы миграционной политики, «полагая, что эффективность регулирования миграционных потоков во многом зависит от отношений ЕС с окружающим миром» [22, с. 12].

Вторая волна, более массовая, была связана с военным конфликтом в Сирии и активизацией деятельности террористической организации ИГИЛ в Ираке и Сирии, что представляло собой реальную угрозу для безопасности стран ЕС. Но Европа продолжала смотреть на юг и не была готова к притоку мигрантов с Ближнего Востока [21, с. 6]. Основной поток беженцев шел в Турцию, Ливан, Иорданию, а

затем в страны ЕС через «балканский маршрут» и страны Восточного Средиземноморья. Одновременно в Италию продолжали прибывать беженцы из Эритреи, Нигерии и других стран Африки. Венгрия, Греция и Италия в 2015–2016 гг. стали основными перевалочными базами для мигрантов, направляющихся в более благополучные европейские страны, включая Швейцарию и Норвегию. В этот период реакция стран ЕС была более резкой, но разнонаправленной. Усилились разногласия в рамках Евросоюза, а национальные интересы отдельных стран вышли на первое место. Еще одной проблемой приема беженцев стали растущие расходы на их размещение. В основном страны-члены используют свои правила по приему беженцев. Они различаются по характеру и размерам поддержки просителей убежища и по получению доступа на рынок труда. По оценкам МВФ, доля бюджетных расходов в ВВП стран ЕС из-за приема беженцев увеличилась на 0,05% в 2015 г. и на 0,1% в 2016 г. В основном они выросли в Австрии (0,08% и 0,23% соответственно), Швеции (0,2% и 0,7%), Германии (0,12% и 0,27%) [23, р. 12].

* * *

Несмотря на возросший приток мусульман в Европу, они вряд ли станут преобладающей группой в населении Европы в обозримом будущем. Однако неконтролируемый миграционный поток последних двух лет может привести к росту ненужных трудовых ресурсов в той или иной стране за счет беженцев, которые рассчитывают на социальные пособия и льготы, а не на трудоустройство. Это создаст проблемы и с легализацией статуса, и в конечном итоге – с возрастанием бедности и преступности среди безработных мигрантов. Около 20% беженцев составляют несовершеннолетние, что требует дополнительных расходов на их содержание и размещение. Решения стран ЕС в области миграционной политики показали неспособность остановить поток беженцев, а политика «открытых дверей» в большинстве стран-членов нарушает ряд положений общего миграционного законодательства, разрушает сплоченность и саму структуру европейской безопасности, создает угрозу на территории Евросоюза, о чем свидетельствуют теракты в Париже, Брюсселе, Лондоне и на территории Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная Греция в мировой экономике и политике / Отв. редактор Ю. Квашнин М.: ИМЭМО РАН. 2013.
2. Год Планеты: Экономика. Политика. Безопасность. Ежегодник. Выпуск 2015 г. М.: Из-во Идея-Пресс, 2015.

3. *Dusan Drbohlav*. Migration Theories, Realities and Myths. Prague Charles University, 01 December 2014.
4. *Lee E. S.* A Theory of Migration // *Demography*, 1966. №. 3. P. 47–57.
5. *Allievi S.* Conflicts over Mosques in Europe: Policy issues and trends. NEF Initiative on Religion and Democracy in Europe. Network of European Foundations. London, 2009.
6. Погибающая Европа. Available at: www.rosbalt.ru/main/2011/08/12/878826.html (accessed 21.02.2017).
7. Eurostat Statistical Books. Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. 2011 ed. Eurostat. Luxembourg.
8. Indicators of immigrant integration 2015: Settling in. OECD/European Union. OECD Publishing Paris, July 2015.
9. Projected Religious Population Changes in Europe/ Pew Research Center. Available at: www.pewforum.org/2015/04/02 (accessed 21.02.2017).
10. *Coleman D.* Migration and its consequences in 21st century in Europe. Vienna Yearbook of Population 2009. Vol. 7. Issue 1. Pp. 1–18. www.researchgate.net/publication/227639367 (accessed 21.02.2017).
11. *Lelkes O., Zolyomi E.* Poverty and Social Exclusion of migrants in the European Union. Policy Briefs March 2011. European Center for Social Welfare Policy and Research. Vienna, 2011.
12. Immigration to EU Member States down by 6% and emigration up by 13% in 2008 Eurostat. Statistics in Focus 1/2011. Luxembourg, 2011.
13. *Трофимова О.Е.* Роль иностранных мигрантов в формировании человеческого капитала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 6 С. 137–150.
14. *Jaakson K.* Labour Migration in the Enlarged European Union// Lund University. MEA, Spring 2005.
15. Employment and Social Developments in Europe 2015. European Commission. Luxembourg, 2016. Pp. 472.
16. Migrant integration statistics – labour market indicators. Statistics Explained. ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics-labour_market_indicators (accessed 21.02.2017).
17. *Chaloff J.* Global trends in family migration in the OECD. Adapting to changes in family migration: the experience of OECD countries. 18 November 2013. Washington DC. International Migration Division.
18. Immigration in the EU. epp.eurostat.ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/docs/infographics (accessed 21.02.2017).
19. European asylum applications remained near record levels in 2016| Pew Research Center. www.pewresearch.org/fact-tank/2017/03/15/European-asylum-applications-remained-near-record-levels-in-2016/ (accessed 21.02.2017).
20. Immigrant share of population jumps in some European countries| Pew Research Center. www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/15/

immigrant-share-of-population-jumps-in-some-european-countries (accessed 21.02.2017).

21. Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. Московский Фонд Карнеги, февраль 2017.
22. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. Доклады института Европы. № 315. М.: ИЕ РАН, 2015.
23. Refugee surge in Europe. Economic Challenges. IMFSTUFF Discussion note // International Monetary Fund, January 2016. IMF Wash., 2016.

O.E. TROFIMOVA

PhD in economics, senior research fellow of the Center of European studies of the Institute of world economy and international relations named after E.M. Primakov of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
olgatrofimova53@mail.ru

MIGRATION PROCESSES IN EUROPEAN UNION: NEW CHALLENGES AND RISKS

The growth of migration in EU countries has contributed to resolving of demographic problems and has an impact on formation of labor resources. On the other hand, uncontrolled migration leads to social risks, to erosion of the solidarity principle in the European Union and transformation of integration process under the influence of growing globalization. The changes in the structure of migration flows, increase in the numbers of Muslim migrants and rise of the role of Islamic factor, difficulties of their integration and assimilation became the main challenges. The absence of the common migration policy and predominance of national interests, growth of divergences between the old and new EU members may provoke and strengthen centrifugal tendencies in European Union like that the results of Brexit.

Keywords: *transformation of integration processes, Europe's migration crisis, structure of migration flows, labor market, Muslim migrants, family migration, refugees, social risks, migrant's education, integration policy.*

JEL: F15, J10, J61, J62.

Б.О. ТУРСУНОВ

старший научный сотрудник Ташкентского государственного
экономического университета

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В данной статье рассматривается состояние легкой промышленности Республики Узбекистан, процесс развития отрасли, а также ее роль в обеспечении экономического роста. Проанализированы перспективы дальнейшего развития легкой промышленности в Республике Узбекистан, а именно: повышение экспортного потенциала отрасли, оснащение предприятий отрасли современной техникой, применение новых технологий, дальнейшее увеличение объемов производства готовой, в т. ч. высококачественной потребительской продукции, повышение глубины переработки хлопковолокна, производство экологически чистого текстильного продукта.

Ключевые слова: легкая промышленность, текстильное производство, инвестиции, государственная поддержка, льготы, стратегия действий.

JEL: Q00, Q9, Y9.

Легкая промышленность, особенно одна из ее ведущих отраслей – текстильная промышленность, начиная со времен промышленной революции играет важную роль в экономическом развитии любой индустриальной страны и в расширении международных торговых связей. Поэтому изучению различных аспектов экономики данной отрасли уделяется большое внимание со стороны ученых разных стран. Особенно важны в современных условиях вопросы конкурентоспособности отрасли. Так например, интересен факторный подход к оценке конкурентоспособности предприятий текстильной промышленности в работе Гориной Я.М. [1], на основе анализа себестоимости в Республике Казахстан проведен анализ возможных направлений повышения конкурентоспособности текстильной промышленности [2]. Различные аспекты конкурентоспособности отрасли затронуты в той или иной мере во многих работах (см. например: [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10] [11], [12], [13]). Легкая промышленность является стратегической отраслью и для экономики Узбекистана, обеспечивая высокий уровень занятости населения и внося заметный вклад в социально-экономическое развитие страны и повышение ее международного авторитета.

Роль легкой промышленности в экономике Узбекистана

Узбекистан является одной из самых густонаселенных стран в Средней Азии, а также крупным производителем хлопкового волокна на постсоветском пространстве. Он занимает шестое место в мире по производству хлопка и третье – по его экспорту, являясь также активным участником мирового текстильного рынка. Ежегодно в республике производится более 1 млн 250 тыс. т хлопкового волокна, из них 60% перерабатывается внутри страны, а в среднесрочной перспективе намечено довести объем внутренней переработки хлопковолокна и производство текстильной продукции до 70%. В Узбекистане действуют свыше 8,2 тысяч предприятий легкой промышленности, более 500 из которых входят в состав Акционерного Общества «Узбекенгилсаноат». По итогам за январь–декабрь 2016 г., предприятиями АК «Узбекенгилсаноат» произведено товаров народного потребления на 1 680,2 млрд сум, темп роста к соответствующему периоду прошлого года составил 122,3%, а объем произведенной промышленной продукции – 3 714,5 млрд сум при темпе его роста 118,1%¹.

Предоставленные льготы и преференции для местных производителей позволили за короткий срок наладить в стране производство не только х/б пряжи, суровых тканей и трикотажного полотна, но и готовых трикотажных изделий, а также полуфабрикатов для швейно-трикотажной промышленности, которые отвечают мировым стандартам и являются достойными конкурентами зарубежных аналогов. За последующие годы в отрасль привлечено иностранных инвестиций на сумму более 2 млрд долл. США. Создано свыше 180 предприятий с участием иностранных инвесторов из Германии, Швейцарии, Южной Кореи, Японии, Сингапура, Турции, США, Индии и других стран. Реализовано более 150 проектов по производству готовой одежды (спортивная одежда, одежда для взрослых, детская одежда, нижнее белье и многое другое). В настоящее время продукция с торговой маркой «Made in Uzbekistan» экспортируется более чем в 50 стран², в т. ч. в страны ЕС, СНГ и Латинской Америки, а также Республику Корея, в Китай, Сингапур, Иран, Израиль, США и в другие, в частности, в СНГ, а также в ЕС действуют дилерские отделения, работа которых позволяет ориентироваться и активно работать на мировом рынке.

В целях повышения экспортного потенциала легкой промышленности, маркетинговой поддержки производителей текстильной и швейно-трикотажной отраслей, продвижения отечественной тек-

¹ Данные АК «Узбекенгилсаноат». legprom.uz/post/analiticheskaya-zapiska-o-rezultatakh-dyeyatelnosti-ao-uzbekengilsanoat-po-itogam-2016-goda.

² Там же.

стильной продукции на внешние рынки Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 13.08.2007г. № 171 при ГАК «Узбекенгилсаноат» создано Агентство по рекламе и маркетингу текстильной продукции. На сегодняшний день в Узбекистане более 250 предприятий-экспортеров, в том числе 38 новых. Предприятия компании активно ведут работу по расширению ассортимента готовых изделий, поставляемых на экспорт.

Доля товаров с высокой добавленной стоимостью в общем объеме экспорта растет и сейчас составляет более 33%. Предприятиями АК «Узбекенгилсаноат» создано более 40 торговых домов и 50 дилерских подразделений крупных предприятий-экспортеров в странах ЕС, СНГ и Азии. В 2016 г. доля товаров промышленности в ВВП страны составила 55,8%, а в 2015 г. – 53,8%. Анализ статистических данных Комитета государственной статистики страны позволяет сделать следующие выводы. Структура экспорта Республики Узбекистан меняется. Так, по итогам 2016 года доля несырьевых товаров в общем объеме составляет около 70%, тогда как в начале 90-х годов прошлого столетия этот показатель составлял менее 30%. При этом доля хлопкового волокна в экспорте страны составляет 25,5% (в 1990 г. эта цифра составляла 59,7%).

В начале 90-х годов в производстве было задействовано 973,3 тыс. веретен и перерабатывалось менее 10% хлопкового волокна, заготавливаемого в стране. Экспорт продукции не превышал 7,7 млн долл. США, а в целом регион рассматривался как сырьевая база, где выпуск готовой продукции не был развит [14]. С 1995 г. в отрасль было привлечено свыше 2,5 млрд долл. иностранных инвестиций. Изначально правильно выбранный путь позволяет сегодня получать высокие результаты: легкая промышленность стала одним из лидеров по объему экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Индустриальные мощности текстильных предприятий по переработке волокна возросли с 7% от общего объема производства хлопка в 1991 г. до 45% в 2015 г. В 2016 г. объем переработки хлопкового волокна в Узбекистане достиг 40% [15].

В последние годы налажен экспорт текстильной продукции в Бразилию, Чили, Хорватию, Нигерию и др. страны. Первые экспортные поставки предприятия отрасли осуществили в 1994 г. Тогда объем внешних поставок текстильной и швейно-трикотажной продукции составлял всего около 7 млн долл. По итогам прошлого года этот показатель превысил 1 млрд, а число предприятий-экспортеров – отметку в 260. Заметные изменения претерпел и ассортимент экспортируемой продукции. В 1994–1996 гг. на внешний рынок поставляли только суровые ткани и хлопчатобумажную пряжу, в 2003 г. номенклатуру дополнили махровые полотенца и трикотажное полотно, в 2010 г. – ковры и ковровые изделия, а также швейно-трикотажная продукция. На сегод-

няшний день этот перечень стал еще объемнее: бамбуковая, модальная и смесовая пряжи, жаккардовое полотно, модные модели верхней одежды с оригинальными дизайнерскими решениями³.

Государственная программа развития легкой промышленности в Узбекистане

Мощный импульс новому этапу развития отрасли придали принятые в разные годы руководством Узбекистана программные документы по развитию легкой промышленности. Реализация этих решений, а также весомая помощь, оказываемая правительством, позволили привлечь значительные иностранные инвестиции на осуществление проектов по модернизации и технологическому обновлению производственной базы, приобретению нового оборудования. При этом основной акцент был сделан на дальнейшем устойчивом и сбалансированном росте переработки волокна с постепенным увеличением доли продукции с высокой добавленной стоимостью и повышением ее конкурентоспособности. Постановление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева «О Программе мер по дальнейшему развитию текстильной и швейно-трикотажной промышленности на 2017–2019 годы» от 21 декабря 2016 г. открыло новые возможности для совершенствования отрасли.

Согласно документу, с 1 января 2017 г. отменяется обязательная продажа уполномоченным банкам части выручки в иностранной валюте, полученной от экспорта следующих видов продукции:

- готовой хлопчатобумажной ткани;
- готовых смесовых тканей;
- готовых шелковых тканей (кроме атласных);
- готовых швейных изделий, готовой одежды (швейные, трикотажные изделия);
- головных уборов (кроме национальных головных уборов);
- чулочно-носочных изделий;
- текстильной галантереи.

Программа предусматривает переход до 2020 г. к полной переработке заготовленного в нашей стране хлопкового волокна, увеличение производства промышленной продукции более чем в 2,7 раза, поставку продукции на внутренний и внешний рынки. А это позволит сделать товары отечественной легкой промышленности конкурентоспособными и уверенно выходить с ними на мировые торговые площадки. В рамках программы в период 2017–2020 гг. в отрасль будет привлечено более 2,2 млрд долл. инвестиций (почти

³ mfa.uz/ru/press/news/2016/07/7983.

половина – иностранные). Инвестиционные проекты позволят создать специальные текстильные комплексы, действующие на основе четырехэтапной системы, включающей все процессы – от первичной переработки хлопкового волокна до производства готовой продукции, а также создать более 27 тыс. новых рабочих мест. Также намечено организовать 120 новых и модернизировать более 10 действующих предприятий⁴.

Производители вышеперечисленной продукции, а также фурнитуры и аксессуаров, до 1 января 2020 г.:

- освобождаются от уплаты налога на прибыль и налога на имущество, единого налогового платежа для микрофирм и малых предприятий, уплаты обязательных отчислений в Республиканский дорожный фонд;
- освобождаются от уплаты таможенных платежей (кроме сборов за таможенное оформление) за импортируемое оборудование, комплектующие изделия;
- пользуются правом отсрочки по уплате таможенных платежей (кроме сборов за таможенное оформление) сроком до 60 дней со дня принятия таможенной декларации при импорте сырья, материалов и фурнитуры.

Кроме того, в структуре АК «Узбекенилсаноат» создана специализированная внешнеторговая организация ООО «Узтекстильэкспорт», которая будет создавать торговые дома за рубежом и продвигать продукцию легкой промышленности Узбекистана на выставках, а также содействовать текстильщикам в организации импорта необходимых комплектующих, оборудования, сырья и материалов⁵.

Еще одним важным шагом в развитии легкой промышленности Узбекистана стало создание Ассоциации «Узбекипаксаноат», которое будет заниматься кардинальным улучшением отрасли шелководства. Постановление о ее создании 29 марта 2017 г. подписал Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев. Существующие в стране тутовые плантации шелковицы используются недостаточно эффективно, а в зимний период урожайность тутовников существенно снижается. Из-за недостаточного производства коконного сырья производственные мощности шелкомотальных и шелкоткацких предприятий задействованы не полностью. Сегодня более 80 млн линейных насаждений и 51 тыс. га плантаций шелковицы обеспечивают выкормку гусениц тутового шелкопряда в объеме 450 тыс. коробок и производство около 26 тыс. т коконов тутового шелкопряда. Для покрытия дефицита еже-

⁴ uza.uz/ru/business/legkaya-promyshlennost-po-puti-rasshireniya-vypuska-gotovoy--31-01-2017.

⁵ Законодательная база Республики Узбекистан. www.norma.uz.

годно импортируется 230–250 тыс. коробок грены тутового шелкопряда – до 50% от потребности предприятий отрасли. Особое внимание в постановлении уделено производству грены и коконов, их заготовке и первичной переработке путем внедрения высокопродуктивных пород и гибридов тутового шелкопряда, модернизации действующих и создания новых мощностей по производству шелка-сырца, а также организации глубокой переработки коконов.

В 2017–2021 гг. планируется реализовать ряд мер по развитию шелковой отрасли, проведению единой научно-технической, технологической, инвестиционной и экспортной политики по оказанию всемерной поддержки и совершенствованию нормативно-правовой базы. Для этого создана специальная рабочая группа. Постановлением предусмотрено предоставление до 1 января 2023 г. льгот по уплате единого налогового платежа и единого социального платежа организациям, производящим коконы тутового шелкопряда, а также таможенные льготы на ввозимые материально-технические ресурсы. Отрасль также освобождается от уплаты налога на доходы физических лиц-надомников, занятых выращиванием живых коконов тутового шелкопряда. В трудовой стаж работников шелководства и надомников будет включаться период сезонных работ, засчитываемых за год работы для назначения пенсии.

Расширение кормовой базы, создание комплексов по выращиванию коконов в непосредственной близости от тутовых плантаций, ввоз высокоурожайных (холодоустойчивых) тутовых саженцев, дающих в два раза больше урожая, позволят увеличить объемы заготовки коконов на 35 тыс. т (35%), а также обеспечить выпуск продукции, включая шелковую пряжу и готовые изделия с высокой добавленной стоимостью. Ожидается, что к 2021 г. общая доля объемов переработки коконов тутового шелкопряда будет увеличена до 50% путем создания новых рабочих мест и увеличения поступлений валютных средств за счет экспорта продукции⁶.

Перспективы развития легкой промышленности в Узбекистане

Большого внимания заслуживает работа по привлечению зарубежных дизайнеров для проведения мастер-классов для отечественных специалистов и совместной разработки современных моделей одежды с последующей организацией их промышленного производства на отечественных предприятиях. Рост объема ткани дает возможность удовлетворять потребности населения в качественных тек-

⁶ protextile.uz/news/177-otrasl-shelkovodstva-budet-reformirovana.html.

стильных товарах. Так, в прошлом году рост объемов производства промышленной продукции предприятиями АК «Узбекенгилсаноат» составил 18,1% (3,7 трлн сумов), товаров народного потребления – 22,3% (1,7 трлн сумов), экспорта продукции – 32% (до \$1,146 млрд).

Показатели по развитию легкой промышленности в стране рассчитаны автором методом регрессионного анализа на основе статистических данных Комитета государственной статистики Республики Узбекистан и представлены в таблице. Ожидается, что в 2020 г. объем товаров легкой промышленности (непродовольственных товаров) увеличится на 23,1% по отношению к 2017 г., что составит 3 6847,5 млрд сум. По прогнозу, объем переработанного хлопкового волокна достигнет 1 632,3 тыс. т, а трикотажных изделий – 1 390,6 млн т.

Внедрение новых индустриальных технологий, использование высокопроизводительного современного оборудования в сочетании с эффективным управлением обеспечивают на предприятиях отрасли высокую производительность труда, рост объемов производства и повышение качества производимой продукции. Наблюдается ежегодный рост абсолютных показателей, а к традиционно выпускаемому ассортименту добавился 61 вид новых товаров.

Кроме того, была продолжена системная работа по реализации мероприятий, направленных на сокращение энергоемкости и внедрение энергосберегающих технологий. Так, в 2015 г. потребление электроэнергии на выпуск продукции стоимостью 1 млрд сумов сократилось на 6%, потребление природного газа – на 9,8%.

При этом легкая промышленность Узбекистана ставит не менее перспективные задачи и на этот год. Приоритетными направлениями «Узбекенгилсаноат» в этом году станут: осуществление постоянного технического и технологического обновления предприятий; опережающее развитие инфраструктуры; дальнейшее повышение экспортного потенциала, привлечение иностранных инвестиций и создание дополнительных рабочих мест. По технико-экономическим прогнозам АК «Узбекенгилсаноат» планируется к 2020 г. достичь увеличения производства хлопчатобумажной ткани в 2,5 раза, полотна в 2,8 раза, шелка в 2,7 раза, нетканого полотна в 1,5 раза и трикотажного полотна в 2,7 раза. Производство готового полотна в год планируется довести до 459,2 млн кв. м, что в 5,4 раза больше, чем было произведено в 2013 г.

Заключение

В годы независимости Узбекистан приступил к реорганизации промышленности. Началась реализация целенаправленной системной государственной экономической политики, ориентированной на диверсификацию и модернизацию экономики, повышение конкурен-

Таблица

Прогноз роста объемов производства продукции легкой промышленности Республики Узбекистан

Год	Легкая промышленность (непродовольственные товары) млрд сум	Хлопковое волокно (тыс. т)	Хлопчатобумажная ткань (тыс. т)	Хлопчатобумажная пряжа млн м ²	Трикотажное полотно млн штук
2017	29 938,6	1 326,3	370,6	212,4	1 097,3
2018	32 241,5	1 428,3	399,1	228,8	1 181,7
2019	34 544,5	1 530,3	427,7	245,1	1 266,2
2020	36 847,5	1 632,3	456,2	261,4	1 350,6

Источник: Расчеты автора по данным Комитета государственной статистики Республики Узбекистан.

тоспособности отечественной промышленности, на поддержку развития ее ведущих отраслей, в том числе за счет углубления переработки местного сырья и наращивания экспортного потенциала.

По нашему мнению, для дальнейшего развития легкой промышленности в стране необходимо провести следующие мероприятия, не изменяя механизм привлечения зарубежных инвестиций:

- принимать во внимание влияние внешних факторов при составлении прогноза развития отрасли;
- увеличить экспортный потенциал текстильной отрасли путем повышения производительности труда;
- повысить конкурентоспособность продукции отрасли путем внедрения новейших технологий;
- создавать в стране новые мощности для производства готовых видов текстильной продукции для внешнего и внутреннего рынков.

Кроме того, необходимо развивать производство дешевых материалов на основе искусственных, синтетических (вискоза, ацетат, полиэфир, полиэстер, полиамид, полиакринитрил) нитей и тканей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горина Я.М. Факторная оценка конкурентоспособности предприятий текстильной промышленности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2(41–3). С. 58–60.
2. Жакипбеков Д.С., Жакипбекова Д.С., Аблаева А.А. Повышение конкурентоспособности текстильной промышленности на основе анализа себестоимости в Республике Казахстан // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2013. № 6. С. 8–12.

3. Мамедов Ф.А. (2015). Инновационный подход к повышению конкурентоспособности предприятия текстильной промышленности. Современные технологии управления. № 2. С. 37–40.
4. Новосадов С. (2007). Повышение конкурентоспособности предприятий текстильной промышленности // Маркетинг. № 4. С. 102–11.
5. Таласов М.Ж., Тулеметова А.С. (2008). Пути достижения конкурентоспособности продукции текстильной промышленности // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». № 25. С. 235–238.
6. Baskaran V., Nachiappan S., Rahman S. (2012). Indian textile suppliers' sustainability evaluation using the grey approach // International Journal of Production Economics. № 135(2). Pp. 647–658. doi: 10.1016/j.ijpe.2011.06.012.
7. Hasanbeigi A., Hasanabadi A., Abdorrazaghi M. (2012). Comparison analysis of energy intensity for five major sub-sectors of the Textile Industry in Iran // Journal of Cleaner Production. № 23(1). Pp. 186–194. doi: 10.1016/j.jclepro.2011.10.037.
8. Loo B.P. (2002). The Textile and Clothing Industries Under the Fifth Kondratieff Wave: Some Insights from the Case of Hong Kong // World Development. № 30(5). P. 847–872. doi: 10.1016/S0305-750X(02)00005-0.
9. Mazumdar D. (1991). Import-substituting industrialization and protection of the small-scale: The Indian experience in the textile industry // World Development. № 19(9). P. 1197–1213. doi: 10.1016/0305-750X(91)90067-R.
10. McAdam R., McClelland J. (2002). Sources of new product ideas and creativity practices in the UK textile industry // Technovation. № 22(2) P. 113–121. doi: 10.1016/S0166-4972(01)00002-5.
11. Søndergård B., Hansen O.E., Holm J. (2004). Ecological modernisation and institutional transformations in the Danish textile industry // Journal of Cleaner Production. № 12(4). P. 337–352. doi: 10.1016/S0959-6526(03)00049-0.
12. Truett L.J., Truett D.B. (2010). Globalization challenges for the Mexican textile industry // International Review of Economics & Finance. № 19(4). P. 733–741. doi: 10.1016/j.iref.2010.04.003.
13. Wu G., Ding J., Chen P. (2012). The effects of GSCM drivers and institutional pressures on GSCM practices in Taiwan's textile and apparel industry. International // Journal of Production Economics. № 135(2). Pp. 618–636. doi: 10.1016/j.ijpe.2011.05.023.
14. Boltabayev M. Light industry of Uzbekistana/Economic portal. 12.06.2008. institutions.com/agroindustrial/126-2008-06-12-18-02-01.html.
15. Новости Узбекистана, УзА. Сайёра Шоева. uza.uz/ru/business/legkaya-promyshlennost-po-puti-rasshireniya-vypuska-gotovoy-31-01-2017). Rakhimova Z. Light industry of Uzbekistan: reforms continue // Asia-Monitor center.

B.O. TURSUNOV

senior research fellow of Tashkent state economic university, Tashkent, Republic of Uzbekistan

tursunov-bobir@mail.ru

STRATEGY OF DEVELOPMENT OF LIGHT INDUSTRY IN REPUBLIC OF UZBEKISTAN

In the paper the condition of light industry of Republic of Uzbekistan, development of branch and its role in ensuring economic growth is considered. The prospects of further development of the light industry in the Republic of Uzbekistan are analyzed, namely: increase in the export potential of branch, equipment of the enterprises of branch modern equipment, use of new technologies, further increase in the production of ready, including high-quality consumer production, increase in depth of processing of cotton yarn, production of an environmentally friendly textile product.

Keywords: *light industry, textile production, investments, state support, privileges, strategy of actions.*

JEL: Q00, Q9, Y9.

ЭКОНОМЕТРИКА

Л.А. СТРИЖКОВА

доктор экономических наук, руководитель Центра макроэкономического
прогнозирования ИМЭИ ВАВТ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИНФЛЯЦИЕЙ, ВАЛЮТНЫМ КУРСОМ И ПАРАМЕТРАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (на примере России)¹

В статье на основе факторного и структурного анализа российских данных за 2000–2015 гг. представлены количественные оценки связи инфляции и валютного курса с параметрами государственной политики. Приведена схема проведения анализа связей и изложены методические аспекты построения и применения синтезированной функции инфляции. Охарактеризована роль внешних цен в инфляционных процессах; описаны в функциональной форме некоторые закономерности в развитии внутренних и внешних заимствований.

Ключевые слова: бюджетная политика, монетарная политика, факторный анализ, инфляция, валютный курс, денежные доходы населения, функции, корреляция, индексы внутренних цен, импорт, экспорт, заимствования, иностранный капитал, процентные ставки, финансовая стабилизация, экономический рост.

JEL: E31, F31.

Важным условием успешного решения задач интеграции в рамках ЕАЭС является эффективность политики правительств по обеспечению финансовой стабильности своих стран. Результативность действий в этой области, их экономические последствия могут и должны просчитываться заранее, исходя из особенностей национальных экономик. Для проведения подобных расчетов, как правило, применяются методы и инструментарий сценарного макроэкономического прогнозирования. В общем случае в моделях макроэкономического прогнозирования показатели инфляции, валютного курса, притока капитала в страну (и ряд других показателей) используются как управляющие (экзогенные) параметры и относятся к группе сце-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Макроэкономические механизмы интеграции и оценка их эффектов в рамках Евразийского экономического союза» № 16-22-01012.

нарных условий. В то же время сами эти показатели складываются под влиянием множества факторов. Влияние на них бюджетной и денежно-кредитной политики властей носит опосредованный характер (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные связи инфляции и валютного курса с денежно-кредитной и бюджетной политикой.

На выявление закономерностей в формировании значений инфляции и валютного курса и разработку подходов к учету бюджетной и монетарной политики в сценарных оценках было нацелено исследование временных рядов российских статистических данных за 2000–2015 гг. Ряд полученных результатов для РФ (методических решений, содержательных выводов) может быть полезен при разработке экономических сценариев с мерами стабилизационной политики в других странах ЕАЭС.

В данной статье внимание концентрируется на исследовании каналов и меры связи показателей финансовой стабильности с экономической политикой и другими факторами. Результаты проведенного исследования в определенной мере созвучны с выводами в работе [1].

Оценка влияния бюджетной и монетарной политики на основные параметры финансовой стабильности экономики осуществлялась с опорой на схему связей, приведенную на рис. 1, и эконометрический анализ временных рядов годовых и среднегодовых статистических данных. Разработка эконометрических функций для России была заметно осложнена неравномерностью динамики социально-экономического

развития. Исследуемый период (2000–2015 гг.) захватывал два кризиса с нестабильными предкризисными годами. Это определяло интервальность в оценках (период разбивался на этап экономического роста и этап нестабильной динамики) и использование в отдельных случаях фиктивных переменных (D).

1. Инфляция

Для описания инфляции IPC^t использовались два подхода – ее функция оценивалась как сложная (синтезированная) и как простая. Сложная функция представлялась в виде суммы с весами трех функций для компонент инфляции – индексов потребительских цен на продовольственные товары, непродовольственные товары и на услуги. Оба подхода для целей исследования (определения связи государственной политики в области доходов с инфляцией) были продуктивны. Преимущества сложной функции определялись возможностью учета особенностей трех сегментов потребительского рынка при соблюдении ограничений по степеням свободы в каждой «частной» (для отдельного рынка) функции инфляции.

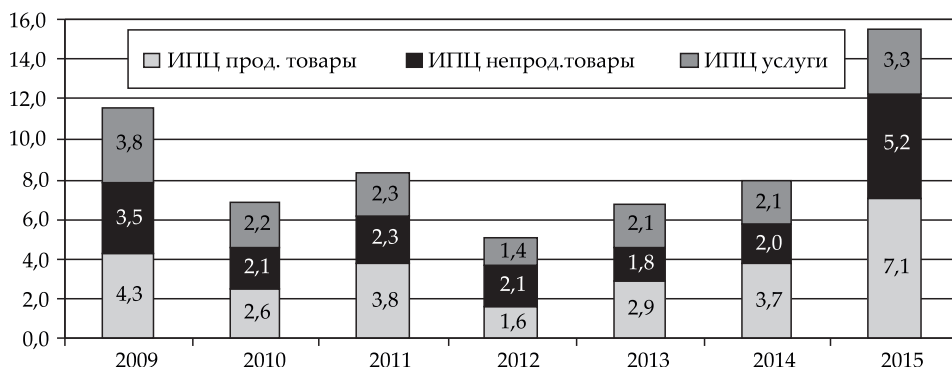
Для всех вариантов функций инфляции общим являлось включение в состав объясняющих переменных показателей финансовой обеспеченности населения, а также индексов внутренних цен на товарный импорт². Использовалась линейная форма функции, и показатели представлялись в темпах прироста, что позволило рассматривать параметры при основных факторах как коэффициенты эластичности динамики потребительских цен по динамике объясняющих факторов.

Для построения синтезированной функции инфляции была проведена декомпозиция (см. рис. 2, функция (1)) фактических значений ИПЦ на три части, отражающие вклад в ИПЦ индексов потребительских цен продовольственных (IPC_{PR}^t), непродовольственных (IPC_{NPR}^t) товаров и услуг (IPC_{US}^t).

$$IPC^t = \hat{a}1 \cdot IPC_{PR}^t + \hat{a}2 \cdot IPC_{NPR}^t + \hat{a}3 \cdot IPC_{US}^t. \quad (1)$$

Оцененные в ходе этой процедуры параметры декомпозиции ИПЦ (см. табл. 1) использовались в качестве весов для построения синтезированных (2) значений инфляции, исходя из разработанных частных функций (3)–(5).

² Темп прироста внутренних цен на импортную продукцию оценивался как произведение индексов среднеконтрактных цен на импортные товары и среднегодового валютного курса минус 1.

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Вклад повышения цен на товары и услуги населению в сводный индекс потребительских цен в период 2009–2015 гг. (декомпозиция ИПЦ, %).

Таблица 1

Параметры функции декомпозиции инфляции (по формуле 1)

Период оценки	$\hat{a}1$	$\hat{a}2$	$\hat{a}3$	R2
2005–2015	39	36	24	1,00
2009–2015	37	37	26	1,00

$$IPCS^t = \hat{a}1 \cdot IPCr_{PR}^t + \hat{a}2 \cdot IPCr_{NPR}^t + \hat{a}3 \cdot IPCr_{US}^t, \quad (2)$$

$$IPCr_{PR}^t = a0 + a1 \cdot lim_{VR}^t + a2 \cdot I_{RD}^t + a3 \cdot Ip_{DA}^t, \quad (3)$$

$$IPCr_{PR}^t = a0 + a1 \cdot lim_{VR}^t + a2 \cdot I_{RD}^t + a3 \cdot Ip_{DA}^t, \quad (4)$$

$$IPCr_{NPR}^t = a0 + a1 \cdot lim_{VR}^t + a2 \cdot I_{RD}^t + a3 \cdot I_{\Delta TR/RD}^t + a4 \cdot D^t, \quad (5)$$

где: lim_{VR}^t – индекс внутренних цен импорта товаров; I_{RD}^t – индекс располагаемых доходов населения; Ip_{DA}^t – индекс цен производителей пищевой продукции; $I_{\Delta TR/RD}^t$ – параметр³, отражающий влияние изменения прироста требований кредитных организаций (КО) к населению, на изменение покупательной способности населения; Ip_{TRE}^t – индекс⁴, учитывающий динамику тарифов на железнодорожный транспорт и электроэнергию (параметр, зависящий от государственной политики по регулированию естественно-монопольных секторов).

³ Параметр оценивался как отношение изменения прироста требований КО к населению в году t к объему располагаемого денежного дохода населения в году $(t-1)$.

⁴ Индекс оценивался как среднегеометрическое значение произведения двух индексов – индексов тарифов на железнодорожный транспорт и цен производителей группировки E (производство и распределение электроэнергии, газа и воды).

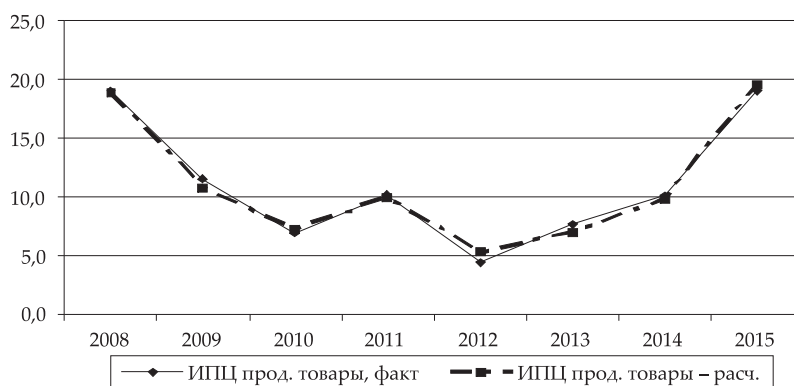
Таблица 2

Параметры функций частных индексов потребительских цен

Период оценки	a0	a1	a2	a3	a4	R2
Для функции IPC_{PR}^t (4)						
2005–2015	1,11	0,17	0,19	0,51		0,925
2008–2015	1,55	0,13	0,13	0,60		0,987
Для функции IPC_{NPR}^t (5)						
2005–2015		0,31	0,22	0,22	2,29	0,983
2006–2015		0,30	0,25	0,26	1,93	0,993
2009–2015		0,26	0,33	0,20	1,53	0,998
D: 2011 (1)						
Для функции IPC_{US}^t (6)						
2006–2015		0,08	0,43	0,37	2,06	0,998
D: 2010(-1); 2011(1); 2014 (1)						

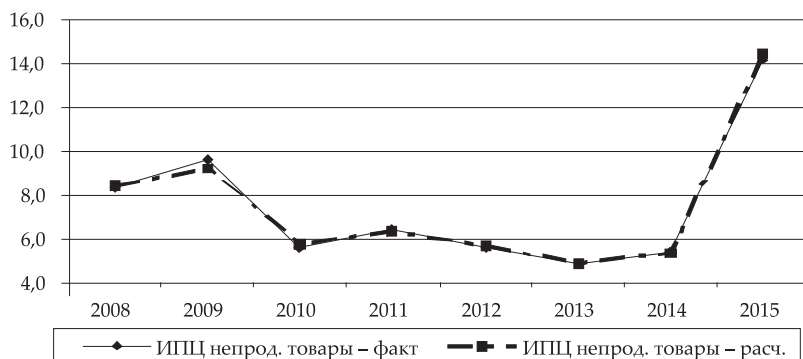
Источник: составлено автором.

Значения параметров функций (см. табл. 2) вполне соответствуют логическим представлениям о роли выделенных факторов на соответствующих сегментах потребительского рынка. Графики составленных частных функций, а также синтезированной на их основе функции сводного индекса инфляции (2) приведены на рис. 3–6.

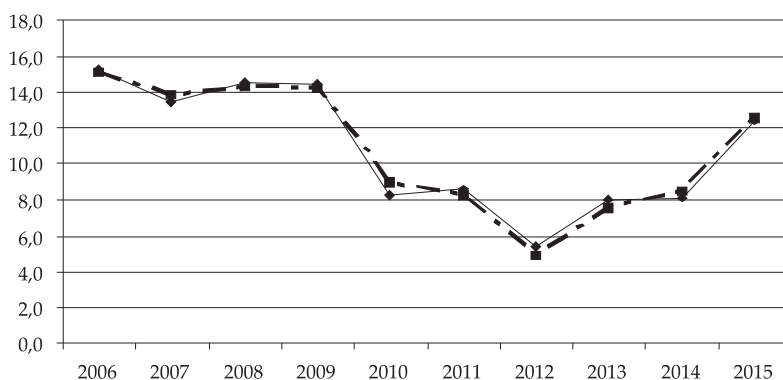
Источник: составлено автором.

Рис. 3. Расчетные по функции (3) и фактические значения ИПЦ на продовольственные товары (среднегодовые, %).

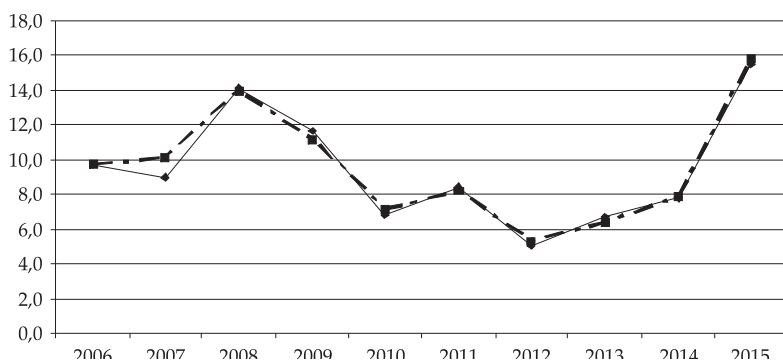
Источник: составлено автором.

Рис. 4. Расчетные по функции (4) и фактические значения ИПЦ на непродовольственные товары (среднегодовые, %).

Источник: составлено автором.

Рис. 5. Расчетные по функции (5) и фактические значения ИПЦ на услуги потребительского назначения (среднегодовые, %).

Источник: составлено автором.

Рис. 6. Расчетные по синтезированной функции (2) и фактические значения сводного ИПЦ (среднегодовые, %).

Синтезированная функция качественно ($COA^5 = 0,036$) описывает инфляционный процесс в период 2008–2015 гг. на потребительском рынке, в ней отражается связь инфляции с финансовой обеспеченностью населения, с ценовой политикой и динамикой курса. Также оценивались различные простые функции инфляции в целом для периода 2003–2015 гг. Например, к удачным версиям функций можно отнести функцию (6), составленную с учетом факторов, выявленных при описании частных индексов потребительских цен ($COA = 0,040$). В состав факторов были включены индексы внутренних цен на импорт, располагаемого дохода, цен производителей пищевой продукции и усредненный индекс тарифов на транспорт и электроэнергию.

$$IPC' = a0 + a1 \cdot Im'_{VR} + a2 \cdot I'_{RD} + a3 \cdot Ip'_{DA} + a4 \cdot Ip'_{TRE} + a5 \cdot D'. \quad (6)$$

По итогам регрессионного анализа видно, что оценка эластичности связи инфляции с динамикой располагаемых доходов населения (РД) варьируется в коридоре (0,26–0,32). Это, на наш взгляд, полезный результат, позволяющий оценивать потенциальное влияние политики в области доходов населения на инфляцию с учетом ее влияния на темп прироста РД.

Для оценки влияния на инфляцию 2008–2015 гг. отдельных составляющих РД и других факторов были использованы коэффициенты эластичности из синтезированной функции (приведены в формуле (7), получены преобразованиями формулы (2). Принцип такого структурного анализа инфляции основан на элементарном разложении темпа прироста РД. Он в общем виде описан формулой (7), где ΔDN и ΔOP – соответственно, прирост денежных доходов населения и прирост их обязательных платежей и взносов по данным баланса денежных доходов и расходов населения⁶.

⁵ COA – средняя ошибка аппроксимации регрессионного уравнения. Рассчитывается как среднеарифметическое (по числу наблюдений) значение модулей относительных отклонений расчетной оценки показателя от фактического значения. Допустимое значение COA не более 0,15.

⁶ Коэффициент 0,27 (формула 7) – эластичность инфляции по динамике располагаемого денежного дохода населения. Его применение к отдельным компонентам доходов/расходов, на которые может быть разложен темп прироста располагаемого дохода, представляется допустимым. В данном случае автор исходит из того, что тип источника денежных средств населения не окажет заметного влияния на их потенциальную «инфлятогенность». Признавая определенную ограниченность такого подхода, отметим, что она может быть преодолена факторным анализом самих элементов располагаемых доходов.

$$\begin{aligned}
 IPCr^t &= 0,8 + 0,17 \cdot Im_{VR}^t + 0,27 \cdot I_{RD}^t + 0,20 \cdot I_{DA}^t + 0,07 \cdot I_{\Delta TR/TR}^t + 0,10 \cdot Ip_{TRE}^t = \\
 &= 0,84 + 0,17 Im_{VR}^t + 0,27 \frac{\Delta DN^t \cdot 100}{RD^{t-1}} - 0,27 \frac{\Delta OP^t \cdot 100}{RD^{t-1}} + \\
 &\quad + 0,20 \cdot I_{DA}^t + 0,07 \cdot I_{\Delta TR/TR}^t + 0,10 \cdot I_{TRE}^t.
 \end{aligned} \tag{7}$$

Факторный анализ инфляции позволил сделать следующие выводы.

1. Охват факторов.

Из множества факторов, влияющих на ИПЦ, выделено три вида факторов, которые определяли порядка 70–85% в приросте потребительских цен: а) обеспеченность населения денежными средствами; б) цены отечественных производителей пищевой продукции, тарифов на транспорт и продукции группировки E ; в) внутренние цены на импортные товары, через которые транслируется влияние на ИПЦ курсовой динамики.

2. Динамика цен импорта товаров на российском рынке.

Ускорение инфляции в последние два года (2014–2015 гг.) в существенной мере было связано с ослаблением национальной валюты и удорожанием импортных товаров. Если в 2004–2008 гг. динамика валютного курса оказывала подавляющее воздействие на рост внутренних цен на импорт (и, соответственно, инфляцию), то в 2012–2015 гг. она ускоряла инфляционный процесс (см. рис. 7).

Под влиянием роста внутренних цен импорта в 2008 г. и 2009 г. (см. табл. 3) потребительские цены повысились соответственно на 2,5 и 3,8%. В 2014 г. и 2015 г. повышение цен за счет этого фактора составило 2,9 и 7,0%.

Российский потребительский рынок и многие отрасли экономики (в том числе выпускающие продукцию потребительского назначения) сохраняли высокий уровень зависимости от внешних поставок конечной и промежуточной продукции, что определяло связь потребительских цен с удорожанием импорта.

3. Динамика финансовой обеспеченности населения.

3.1. В 2011–2015 гг. среднегодовой темп прироста располагаемых доходов населения ($РД$) находился на более низком уровне, чем в предыдущий период, что определило и более низкие среднегодовые темпы прироста цен на потребительском рынке за счет этого фактора (порядка 2,7%). В 2015 г. темп прироста потребительских цен под влиянием динамики $РД$ составил 3,5% (см. табл. 3). В табл. 4 показана роль основных источников денежных доходов и расходов на обязательные платежи и взносы в формировании годовых приростов $РД$, что отражает, согласно принятой гипотезе, и их влияние на инфляцию с соответствующим общим коэффициентом связи при $РД$ (в формуле (7) он оценен на уровне 0,27).

Таблица 3

Структурный анализ среднегодовой инфляции в 2008–2015 гг. (%)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инфляция за счет всех факторов	14,1	11,7	6,9	8,4	5,1	6,8	7,8	15,5
В том числе за счет отдельных факторов:								
1. Изменение располагаемых доходов (РД), в т.ч. поэлементно:	4,4	4,1	3,8	2,4	2,9	3,0	1,9	3,5
1.1. Прирост денежных доходов (ДД)	5,5	4,2	4,0	2,9	3,6	3,6	2,2	3,6
1.1.1. Изменение оплаты труда наемных работников и их доходы от организаций, кроме оплаты труда (ОТ+)	3,4	0,5	1,4	1,1	1,8	1,5	1,0	0,4
бюджетного сектора (ОТ _{гг})	0,9	0,6	0,6	0,2	0,8	0,7	0,5	0,2
сектора Корпораций (включая НКООДХ)	2,5	-0,1	0,8	0,9	1,1	0,9	0,5	0,2
1.1.2. Изменение социальных трансфертов населению (в денежной форме)	1,2	1,1	1,6	0,7	0,7	0,7	0,2	0,7
1.1.3. Прочие изменения в составе денежных доходов	0,9	2,5	1,0	1,1	1,1	1,3	1,0	2,5
1.2. Изменение расходов населения на обязательные платежи и взносы, из них:	-1,1	0,0	-0,2	-0,5	-0,7	-0,6	-0,3	-0,1
налоги и сборы	-0,6	0,0	-0,2	-0,2	-0,3	-0,2	-0,2	-0,1
проценты по кредитам	-0,3	0,0	0,0	-0,2	-0,3	-0,3	-0,2	0,0
2. Темпы прироста внутренних цен импорта товаров	2,5	3,8	0,1	0,8	0,9	0,8	2,9	7,0
3. Темпы прироста цен производителей пищевой продукции	4,5	1,5	1,4	2,3	0,5	1,2	1,7	3,8
4. Темпы прироста усредненного индекса тарифов на транспорт и электро- и теплоэнергию	1,7	1,5	1,2	0,8	0,3	0,7	0,4	1,0
5. Изменение прироста требований КО к населению	-0,0	-0,5	0,3	0,2	0,2	0,01	-0,2	-0,4
Итого сумма выделенных факторов 1+2+3+4	13,0	10,4	6,8	6,5	4,9	5,6	6,7	14,8
Сальдо влияния прочих факторов	1,1	1,3	0,1	1,9	0,2	1,1	1,1	0,7

Источник: данные Росстата и Банка России, расчеты автора.

Источник: составлено автором.

Рис. 7. Темпы прироста внутренних цен на импортные товары, валютного курса (руб./долл.) и среднеконтрактных цен на импорт товаров (%).

С увеличением оплаты труда наемных работников в 2011–2015 гг. можно связать относительно небольшой прирост потребительских цен (максимум 1,8% в 2012 г., когда на долю повышения оплаты труда пришлось 63% в приросте РД). За счет бюджетной политики (определявшей динамику расходов на заработную плату в бюджетном секторе и выплаты социальных трансфертов населению) увеличение потребительских цен составляло порядка 0,9–1,4%.

С 2009 г. вклад бюджетной политики в области заработной платы и социальных трансфертов в инфляционный процесс превышал вклад политики по оплате труда наемных работников в организациях корпоративного сектора, что во многом объяснялось выполнением социальных обязательств, принятых правительством. В объеме денежных доходов населения доля средств, поступающих из бюджетной системы, возросла, по оценке, с 27% в 2009 г. до 30–32% в 2011–2015 гг., в том числе на социальные трансферты с 15 до 18%.

Таким образом, под прямое регулирование инфляции мерами бюджетной политики подпадает чуть менее трети денежных доходов населения. Эффекты косвенного регулирования проявляются через налоговую политику, что отражается в показателях торможения инфляции за счет налогов и сборов.

Увеличение денежных доходов из прочих источников (от собственности, предпринимательской деятельности и других, включая продажу валюты и нерегистрируемые доходы) оказывало относительно более заметное влияние на прирост РД в кризисные годы. С этим фактором можно связать повышение потребительских цен на 2,5% в 2009 г. и 2015 г. В другие годы оно определялось на более низком уровне 0,9–1,3%.

Таблица 4

Элементная структура прироста располагаемых денежных доходов населения (%)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Прирост располагаемых денежных доходов населения (1.1+1.2+1.3+1.4)	100	100	100	100	100	100	100	100
1.1. Оплата труда, из нее:	78	13	38	45	63	52	51	11
<i>бюджетный сектор</i>	20	15	16	7	26	23	24	7
<i>сектор корпораций</i>	58	-2	22	38	37	29	26	4
1.2. Социальные трансферты	27	27	42	28	23	25	12	21
1.3. Прочие денежные доходы	20	61	25	46	36	45	54	71
1.4. Обязательные платежи и взносы, из них:	-25	0	-5	-19	-22	-21	-17	-3
<i>Налоги и сборы</i>	-14	-1	-5	-9	-9	-7	-9	-3
<i>Проценты за кредиты</i>	-7	-1	-1	-6	-11	-12	-9	1
Справочно:								
Оплата труда в бюджетном секторе + социальные трансферты населению	48	42	58	35	50	47	36	28

3.2. Динамика заимствований⁷ населения (фактор, вносящий вклад в изменение финансовой обеспеченности населения) в периоды нестабильности и спада тормозила инфляцию (например, в 2014 г. – на -0,2%, в 2015 г. – на -0,4%).

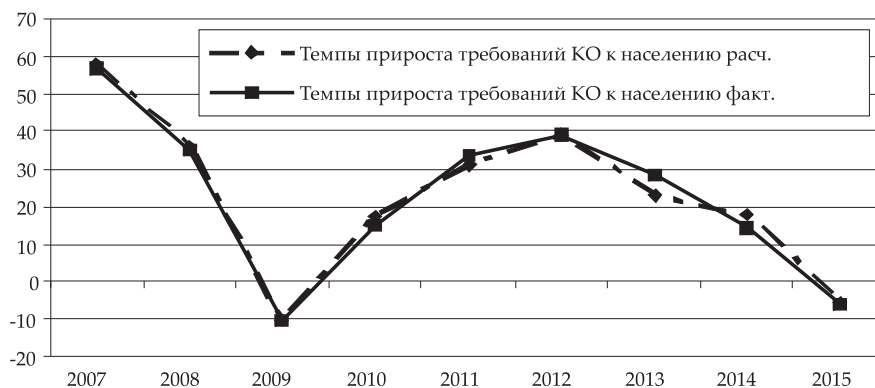
В 2012 г. прирост требований кредитных организаций к населению достиг пикового значения (составил почти 7% к объему РД этого года) и в полтора раза превысил прирост требований за 2011 г., что повысило финансовый потенциал населения. В 2013 г. прирост кредитования населения практически сохранился на уровне 2012 г. и, соответственно, не влиял на расширение финансовой обеспеченности населения и на прирост потребительских цен. В 2014–2015 гг. население замедлило наращивание заимствований, а затем их погашение стало превышать объемы принятия новых обязательств. Это негативно сказалось на развитии платежеспособного потребительского спроса, но позитивно повлияло на торможение инфляции.

⁷ Оценивалась, исходя из данных ЦБ об изменении требований КО к населению (предоставление займов за вычетом их погашения). В составе требований КО к населению более 90% – потребительский кредит, включая жилищные кредиты, а остальную часть образуют кредиты индивидуальным предпринимателям и иные требования.

Таблица 5

Параметры функции темпов прироста требований КО к населению (8)

Период оценки для функции $ITR_{KO \rightarrow N}^t$ (8)	a0	a1	a2	a3	a4	R2
2003–2015	1,17	–4,06	1,01	0,23	0,15	0,983
D: 2012 (1)						

Источник: расчеты автора.

Рис. 8. Темпы прироста требований кредитных организаций к населению (фактические и расчетные значения, %).

3.3. Изложенные результаты охватывают лишь верхний срез анализа инфляционных процессов (на уровне «базовых» объясняющих переменных). На изменение каждого элемента финансовой обеспеченности населения, не связанного непосредственно с бюджетной политикой, а также на динамику внутренних цен на импорт, в свою очередь, воздействуют различные группы факторов, в том числе имеющие тесные связи с политикой ЦБ.

Приведем пример. Политика населения по наращиванию заимствований, играющая важную роль в формировании спроса на непродовольственные товары и инвестиционного спроса населения, зависит от цены заемных средств. Также склонность населения к наращиванию кредитов определяется динамикой реальных располагаемых доходов и ожиданиями в отношении изменения финансового благополучия⁸ (функция (8)). Значения параметров функции (8) приведены в табл. 5, график фактических и расчетных значений темпов прироста требований кредитных организаций к населению показан на рис. 8.

⁸ Для количественной интерпретации фактора ожиданий были рассмотрены различные показатели, лучшими признаны параметры динамики мировых цен на нефть, введение которых позволило избавиться практически от всех D-переменных.

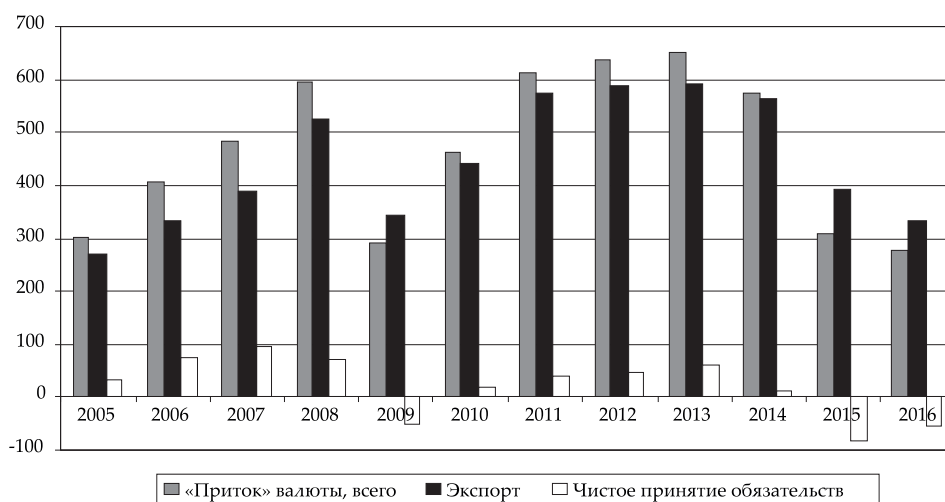
$$ITR'_{KO \rightarrow N} = a0 + a1 \cdot S'_{KO} + a2 \cdot I'_{REDDN} + a3 \cdot I'_{MCN} + a4 \cdot D^t, \quad (8)$$

где: $ITR'_{KO \rightarrow N}$ – темп прироста требований кредитных организаций к населению за год t ; S'_{KO} – среднегодовая ставка кредитных организаций в году t по кредитам населению на срок до 1 года (на их долю приходится порядка двух третей, заимствований населения); I'_{REDDN} – темп прироста реальных денежных доходов населения в году t ; I'_{MCN} – темп прироста мировых цен на нефть «Urals» в году t .

2. Валютный курс и приток иностранного капитала

Сформировавшуюся в результате продаж/покупок иностранной валюты оценку валютного курса (руб./долл. США) можно считать сводной характеристикой равновесного валютного курса на внутреннем российском рынке.

В числе основных факторов, определяющих динамичность валютного курса, в первую очередь необходимо отметить высокую подвижность объемов предложения валюты из основных источников (доход от экспорта и приток иностранного капитала (см. рис. 9) и инерционность фундаментальных факторов, определяющих потенциальную потребность в валюте для обеспечения импорта. К последним, в частности, относится сложившаяся отраслевая структура экономики, наличие сегментов внутреннего рынка с незамещаемым импортом, а также устойчивая структура потребительских предпочтений.

Источник: Банк России.

Рис. 9. Динамика доходов от экспорта товаров и услуг и чистого принятия иностранных обязательств частным сектором (млрд долл.).

Динамика доходов и доступность заемных средств, в свою очередь, являются важными факторами, определяющими платежеспособный спрос на иностранную валюту. Валютный курс, балансируя предложение валюты и платежеспособный спрос на валюту, во многом определяет фактический объем спроса на импорт, степень подавления потенциального спроса.

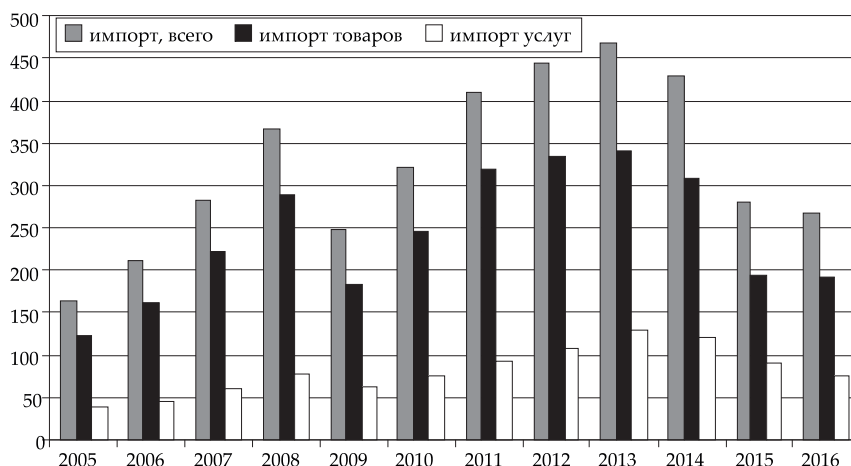
Переход ЦБ к таргетированию инфляции сопровождался отказом от политики регулируемого плавающего валютного курса и, соответственно, от использования в качестве системной меры интервенций на валютном рынке для коррекции курса. Целевое воздействие на валютный курс осуществляется ЦБ лишь в случае серьезной угрозы финансовой стабильности (это, в частности, имело место в 2014 г. и вызвало заметное сокращение валютных резервов).

Внешние шоки (2014–2015 гг.), спровоцировавшие существенное сокращение средств, поступавших в российскую экономику из остального мира, определили резкое ослабление курса национальной валюты, удорожание импорта и стоимости обслуживания иностранных обязательств. Подавление резко ускорившихся в 2015 г. инфляционных процессов осуществлялось путем снижения доступности заемных средств и торможения доходов населения, что ограничило развитие платежеспособного спроса всех экономических субъектов, определило сокращение валютных расходов на импорт (см. рис. 10) и заметное уменьшение чистого вывоза частного капитала (см. рис. 11).

Ключевая роль изменений валютных поступлений и доступности заемных средств в формировании динамики валютного курса при сложившейся структуре производства и импортозависимости сегментов внутреннего рынка подтверждается результатами корреляционного анализа (см. табл. 6). В частности, связь динамики курса с динамикой экспортной выручки (IE), а также с динамикой суммарного объема экспорта, изменениями иностранных обязательств и международных валютных резервов (I_{E+}), характеризуется устойчиво высокими положительными значениями коэффициентов корреляции, а связь со среднегодовыми процентными ставками банков по рублевым кредитам организациям на срок до года ($SKRo$) – отрицательными значениями.

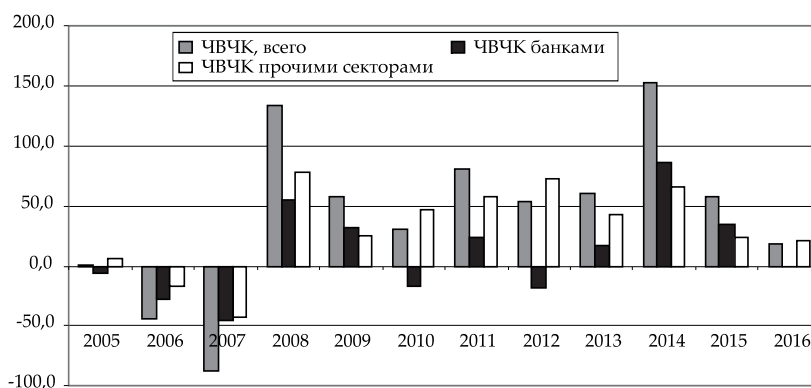
Учет этой связи позволил составить функцию (9) с хорошим значением COA (0,024), описывающую темп прироста курса рубля за 2005–2015 гг. с использованием трех переменных: темпа прироста «валютных поступлений» – I_{E+} (показатель определен в табл. 6); равновесного курса предыдущего года – K^{t-1} ; среднегодовых значений процентных ставок КО по краткосрочным рублевым кредитам организациям – $SKRo^t$.

В дополнительной функции (9.1), описывающей динамику курса только за период 2009–2015 гг., третий фактор был излишен. Значение

Источник: Банк России.

Рис. 10. Динамика расходов на импорт товаров и услуг, млрд долл.

Источник: Банк России.

Рис. 11. Чистый вывоз (+) / ввоз (-) частного капитала в России, млрд долл.

Таблица 6

Коэффициенты корреляции динамики курса (долл. США/руб.) с динамикой валютных поступлений и ставками по краткосрочным кредитам (в период с указанного года до 2015 г.)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
I_E	0,895	0,908	0,907	0,906	0,899	0,906	0,900	0,908	0,905	0,934	0,925	0,977
I_{E+}	0,921	0,922	0,925	0,925	0,931	0,937	0,944	0,940	0,941	0,976	0,971	0,991
SKR_O					-0,690	-0,729	-0,724	-0,718	-0,852	-0,814	-0,900	-0,995

Источник: данные Банка России; расчеты автора.

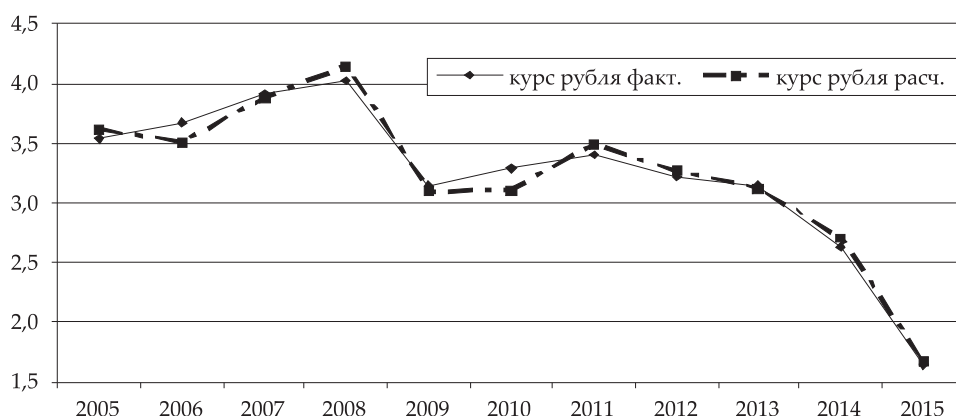
СОА для функции 9.1 составило 0,015. Значения параметров функции приведены в табл. 7, расчетные и фактические оценки курса (центы/рубль) показаны на рис. 12.

$$I_K^t = a_0 + a_1 \cdot I_{E+}^t + a_2 \cdot K^{t-1} + a_3 \cdot SKRo^t. \quad (9)$$

Таблица 7

Параметры функций динамики курса рубля по периодам оценки

Период оценки для функции I_K^t (9) и (9.1)	a0	a1	a2	a3	R2
2005–2015 (9)	0,57	0,25	0,09	–1,95	0,954
2009–2015 (9.1)	0,12	0,40	0,12	нет	0,985

Источник: данные Банка России; расчеты автора.

Рис. 12. Фактические и расчетные по функции (9) оценки среднегодового курса рубля (центы/руб.).

В составленной функции учитывается прямое и косвенное влияние ЦБ на уровень валютного курса, определяемое его политикой по международным валютным резервам (прямое влияние), а также монетарной политикой (косвенное влияние), которая, наряду с другими условиями, определяет процентную политику кредитных организаций и условия заимствования на внутреннем рынке.

Поскольку в состав основной объясняющей переменной – I_{E+} входит также показатель «чистое принятие иностранных обязательств частным сектором», можно говорить и о косвенном учете в динамике курса факторов, влияющих на приток частного капитала. В их обширном перечне важную роль играют мотивации, определяемые уровнем деловой активности, инфляцией, банковской политикой. Для оценки связи этих факторов с притоком капитала на этапе экономического роста в

период смешанной динамики экономического развития был проведен корреляционный анализ (результаты представлены в табл. 8).

Динамика иностранных обязательств частного сектора определялась, исходя из оценки иностранных обязательств в расчетном году по формуле (10):

$$IO^t = IO^{2004} + \sum_{k=2004}^t \Delta IO^k, \quad (10)$$

где: IO^{2004} – иностранные обязательства частного сектора на начало 2004 г. по данным международной инвестиционной позиции; ΔIO^k – чистое (за вычетом погашения) принятие иностранных обязательств частным сектором в году k по данным платежного баланса.

Таблица 8

**Коэффициенты корреляции динамики ввоза частного капитала
с внутренними условиями**

	$IPC_{d/d}^t$	IPC^t	S_{BR}^t	$SKR_O^t < 1 \text{ г.}$	$SKR_O^t > 1 \text{ г.}$	$IGDR^t$
Период экономического роста						
2005–2008	–0,33	–0,92	0,36	–0,92	–0,94	0,92
Период смешанной динамики						
2009–2015	–0,94	–0,77	–0,71	–0,82	–0,71	0,65
2010–2015	–0,97	–0,75	–0,70	–0,85	–0,73	0,74
2011–2015	–0,98	–0,75	–0,70	–0,85	–0,74	0,78
2012–2015	–0,99	–0,77	–0,68	–0,84	–0,71	0,76

Источник: данные Банка России; расчеты автора.

Обозначения в таблице: $IPC_{d/d}^t$ и IPC^t – инфляция, соответственно, за год (декабрь к декабрю) и в среднегодовом исчислении; S_{BR}^t – среднегодовая ставка ЦБ⁹; $SKR_O^t < 1 \text{ г.}$ и $SKR_O^t > 1 \text{ г.}$ – среднегодовые ставки по кредитам организациям в рублях сроком до 1 года и свыше 1 года; $IGDP^t$ – темп прироста ВВП (реальный).

Между прироста иностранных обязательств частного сектора и темпами роста ВВП имела место устойчиво положительная связь. А связь с инфляцией, процентными ставками ЦБ и ставками кредитных организаций по рублевым кредитам организациям была отрицательной (см. табл. 8). Связь со среднегодовыми ставками по кредитам в иностранной валюте – статистически незначимая. Для периода 2008–2015 гг.

⁹ Ставка рефинансирования до сентября 2013 г., в последующий период – ключевая ставка.

была составлена функция (11), где к двум объясняющим переменным (темпы прироста ВВП и инфляции) добавлялись D-переменные, в т.ч. в 2014–2015 гг. для учета санкций против России (параметры функции в табл. 9, график на рис. 13).

$$ΠO^t = a_0 + a_1 \cdot IGDP^t + a_2 \cdot \Delta IPC_{d/d}^t + a_3 \cdot D^t. \quad (11)$$

Таблица 9

Параметры функции динамики ввоза частного капитала (11)

Период оценки для функции $ΠO^t$ (11)	a0	a1	a2	a3	R2
2008–2015	4,1	0,77	–0,14	7,7	0,98
D: 2008 (1); 2013(1); 2014 (–1); 2015 (–1)					

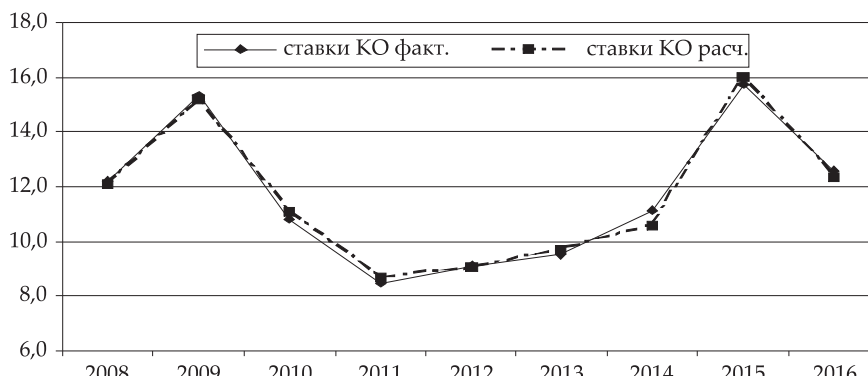

Рис. 13. Темпы прироста иностранных обязательств частного сектора (расчетные и фактические значения, оценка по операциям, %).

Анализ связи процентной политики КО с инфляцией, валютным курсом и ставками ЦБ, позволил составить функцию (график на рис. 14), описывающую в период 2008–2016 гг. динамику среднегодовых ставок по кредитам организациям в рублях на срок до одного года (SKR_O^t) с учетом двух факторов¹⁰ – ставок ЦБ (S_{BR}^t) и темпов прироста валютного курса (I_K^t).

В этой функции параметр связи SKR_O^t со ставками ЦБ определился на уровне 0,75, а с темпом прироста курса – на уровне 0,04, константа (постоянно действующие факторы) – 3,9. COA функции – 0,019; коэффициент детерминации (R2) – 0,99.

¹⁰ Введение в функцию третьего фактора – годовой инфляции – практически не меняло статистические характеристики функции, лишь приводило к крайне незначительному уменьшению значений параметра связи при ставке ЦБ.

Источник: расчеты автора.

Рис. 14. Фактические и расчетные значения среднегодовых ставок КО по кредитам организациям в рублях на срок до 1 года (%).

* * *

Любой приток финансовых средств в экономику имеет инфлятогенные последствия, коль скоро он попадает в состав денежных доходов населения и затем трансформируется в потребительский спрос. Это неизбежная «плата» за экономическое развитие, его условие. Задача антиинфляционной политики – сдерживание инфляции в пределах, соответствующих задачам инвестиционного развития страны.

Хотя набор ключевых факторов инфляции достаточно стандартен, в каждой стране в каждый временной период на первое место по значимости могут выходить различные факторы. Их выявление важно для принятия адекватных, менее болезненных для экономического развития мер финансовой стабилизации.

Хорошим инструментом для системного исследования инфляции, реакции экономической системы на стабилизационные меры и инфляцию является метод, основанный на построении синтезированной функции инфляции с последовательной раскруткой цепочек основных связей между исследуемыми показателями. Выше был приведен ряд результатов применения данного подхода. В методическом плане этот подход требует дальнейшего развития и совершенствования. Необходимо его дополнение инструментарием для более тонкого учета потребительского поведения разных социальных групп, что важно для обоснованности стабилизационных мер в области доходов населения; для более глубокого анализа и оценки связи между инфляционными, инвестиционными процессами, удорожанием импорта производственно-технического назначения и снижением доступности заемных средств. Эти связи не тривиальны, и необходима «доказательная база» с учетом особенностей страны для выбора тактических мер текущей стабилизационной политики.

В заключение отметим следующее. Динамика внутренних цен – процесс, в значительной степени контролируемый. Согласованность бюджетной политики правительства и политики Центрального Банка в подавлении инфляции, как показал российский опыт 2014–2016 гг., определяет успех в достижении ее целевого уровня. Жесткие меры, предпринятые в этот период, позволили предотвратить угрозу масштабной финансовой дестабилизации, связанной с более чем двукратным снижением нефтяных цен и их консервацией, введением антироссийских санкций и интенсивным вывозом капитала. Процесс адаптации России к новым реалиям сопровождался определенными социальными и экономическими потерями, которые могли быть существенно выше с учетом потенциала внешних шоков и накопленных в российской экономике структурных проблем.

Негативные внешние условия придали импульс процессу «перезагрузки» экономики, в ходе которого накопленные диспропорции в производстве и использовании ресурсов (между потреблением и накоплением, в отраслевой структуре и т. д. [2], [3]) могут быть в значительной степени нивелированы. Важно поддерживать своевременными мерами структурные сдвиги в требуемом направлении [4] исходя из нового уровня валютного курса и ценовых пропорций.

Стабильность курса – важное условие и для развития инвестирования, и для спокойного инфляционного фона. Фундаментальным условием повышения устойчивости курса российской валюты является устойчивость поступления доходов от экспорта (в первую очередь за счет развития неэнергетического и несырьевого экспорта) при оздоровлении структуры импорта. И то и другое требует благоприятных условий инвестирования в основной и «человеческий» капитал.

Задачи стабилизации рубля отвечают интересам российских партнеров по ЕАЭС, а также других торгующих с Россией стран.

Новый, заметно более низкий курс рубля при умеренной динамике внутренних цен обеспечивает ценовую привлекательность российской продукции для торговых партнеров, в том числе для партнеров по ЕАЭС. Они получают заметную экономию в валютных расходах при импортировании российской продукции.

Рационализация расходов на импорт предполагает не только развитие импортозамещения (усилия в этой области будут концентрироваться в направлениях, обеспечивающих выполнение критериев национальной безопасности, в т. ч. социальной и технологической). Она также будет обеспечиваться рационализацией географической структуры российского импорта, смещением в сторону более выгодных в ценовом отношении внешних рынков (ЕАЭС, Китая, Индии и т. д.), где предлагается продукция достойного качества. Учитывая емкость российского рынка (в т. ч. потребительского), можно полагать, что все это открывает широкие возможности для ускорения экономической динамики развития стран-партнеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курганский С.А. Факторы инфляции в России в 2016 году // Известия Иркутской экономической академии. Т. 26. 2016. № 2. С. 229–241.
2. Стрижкова Л.А. О трансформации макроэкономических пропорций, комплексности экономики и современных вызовах // Сборник научных трудов ИМЭИ. 2016. № 1. С. 92–132.
3. Стрижкова Л.А. Влияние внешних и внутренних факторов на инфляционные процессы в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 2. С. 37–51.
4. Глазьев С. О таргетировании инфляции / С. Глазьев // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135.
5. Благих И. Новый подход к исследованию инфляции / И. Благих // Экономист. 2015. № 9. С. 94–96.
6. Горбунова М.А. Статистический анализ уровня инфляции в РФ // Молодой ученый. 2016. № 12. С. 1207–1208.
7. Красавина Л.Н. Актуальные проблемы инфляции и ее регулирования в России: системный подход // Деньги и кредит. 2011. № 3. С. 19–28.
8. Сулакшин С.С. Об инфляции «не по Кудрину». Монография. М.: Научный эксперт, 2009. www.creditcoop.ru.

L.A. STRIZHKOVA

doctor habilitatus in economics, Head of the Center for macroeconomic forecasting and structural research of the Institute of macroeconomic research of Russian foreign trade academy, Moscow, Russia

l.strijckova@yandex.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN INFLATION, EXCHANGE RATE AND PARAMETERS OF ECONOMIC POLICY (ON EXAMPLE OF RUSSIA)

The paper presents quantitative estimates of the relationship between inflation and exchange rate with the parameters of government policy and other conditions on the basis of factorial and structural analysis of Russian data in 2000–2015 years. The scheme of the links analysis is provided and methodical aspects of construction and application of the synthesized function of inflation are expounded. The role of external prices in inflation processes is characterized; various trends in the development of domestic and foreign borrowings are described in functional form.

Keywords: *budgetary policy, monetary policy, factor analysis, inflation, exchange rate, incomes of people, functions, correlation, indices of domestic prices, imports, exports, borrowings, foreign capital, interest rates, financial stabilization, economic growth.*

JEL: E31, F31.

Н.Н. ВОЛКОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института
экономики РАН

Э.И. РОМАНЮК

научный сотрудник Института экономики РАН

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Данная статья является продолжением серии работ авторов, посвященных количественной оценке влияния основных экономических факторов на динамику промышленного производства России. Анализ проводился на основе модели гребневой регрессии, в том числе с учетом факторов инновационной деятельности предприятий, и показал, что наибольший вклад в экономический рост имеет экспорт товаров и услуг, а также инвестиции в основной капитал.

Ключевые слова: промышленный рост, эконометрическая модель, регрессионный анализ, гребневая регрессия, факторы промышленного роста.

JEL: O41, O47, L60.

Данная статья является продолжением работ авторов, направленных на определение количественной оценки влияния различных факторов промышленного производства на его динамику. В 2016 г. авторами была опубликована статья по данной проблематике [1], в которой с помощью разработанной авторами регрессионной модели был выделен ряд факторов, оказывающих то или иное влияние на рост промышленного производства. Результаты регрессионного анализа дали значимые коэффициенты множественной корреляции и статистических критериев, однако их значения были недостаточно высокими, поэтому авторы продолжили исследование с измененным и расширенным набором исходных факторов.

Рассмотренная в статье проблема представляет особую важность в связи с реализацией принятого 31 декабря 2014 г. ФЗ N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹.

¹ Данный закон определяет промышленную политику как «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции». Федеральный закон Российской

Объектом промышленной политики является производственная деятельность хозяйствующих субъектов, а не перераспределительная деятельность государства. Однако на практике промышленная и макроэкономическая политика тесно взаимосвязаны, поэтому изучение факторов, влияющих на динамику промышленного производства, чрезвычайно важно для формирования государственной промышленной политики, особенно если эти факторы можно рассматривать как инструментальные, т. е. поддающиеся управлению методами государственного регулирования.

В настоящем исследовании авторы выделили для исследования следующие переменные, сгруппированные в три блока.

Финансовые:

- индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году;
- иностранные инвестиции;
- реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году;
- индекс кредиторской задолженности, в % к предыдущему году.

Ресурсные:

- численность занятых;
- индекс экспорта товаров и услуг, в % к предыдущему году;
- индекс экспорта продукции топливно-энергетического комплекса, в % к предыдущему году;
- доля импорта машин и оборудования, в %;
- индекс импорта машин и оборудования, в % к предыдущему году.

Инновационные факторы:

- уровень образования;
- индекс внутренних затрат на исследования и разработки, в % к предыдущему году;
- численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками;
- удельный вес организаций добывающих, обрабатывающих производств, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций, в %;
- удельный вес затрат на технологические инновации в организациях добывающих, обрабатывающих производств, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, в %;

Федерации «О промышленной политике» № 488-ФЗ от 31 декабря 2014. pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102365303&rdk.

– объем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг организаций добывающих, обрабатывающих производств, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, (в % от общего объема отгруженных товаров.).

Необходимо отметить, что по сравнению с работой, выполненной ранее, список показателей был значительно расширен за счет переменных, которые, по мнению авторов, поддаются регулированию с помощью тех или иных косвенных методов управления.

Из списка ясно, что многие переменные взаимосвязаны. Для выявления тех из них, которые в наибольшей степени влияют на динамику промышленного производства, был проведен корреляционный анализ². В табл. 1 сведены переменные, которые имеют значимые коэффициенты корреляции с динамикой промышленного производства. Переменные имеют следующие обозначения: x_1 – индекс промышленного производства, в % к предыдущему году; x_2 – численность занятых в экономике, в % к предыдущему году; x_3 – реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году; x_4 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году; x_5 – доля занятых в экономике России, имеющих высшее образование, в %; x_6 – затраты на технологические инновации в организациях добывающих, обрабатывающих производств, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды; x_7 – индекс экспорта машин и оборудования, в % к предыдущему году; x_8 – индекс импорта машин и оборудования, в % к предыдущему году; x_9 – индекс экспорта товаров и услуг, в % к предыдущему году; x_{10} – индекс экспорта продукции топливно-энергетического комплекса, в % к предыдущему году.

В табл. 1 номера переменных соответствуют указанным выше; в первой строке приведен парный коэффициент корреляции Пирсона, а во второй – значения, рассчитанные по соответствующей формуле для вышеприведенных коэффициентов корреляции³. Как видно из этой таблицы, выделенные жирным шрифтом значения t -критерия превышают пороговое значение 2,14 на уровне значимости 0,05 для соответствующего количества степеней свободы 14, т. е. между соответствующими факторами имеется значимая зависимость.

Одной из проблем при построении модели является соизмерение показателей, которые имеют разный экономический смысл и разные единицы измерения. Для решения этой задачи все переменные

² Все показатели представлены в виде годовых временных рядов темпов роста за 1995–2016 гг.

³ $|t| = \frac{|r|\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}} > t_{1-\alpha,k}$, где $k = n-2$ – количество степеней свободы, α – уровень значимости порогового значения критерия.

Таблица 1

Коэффициенты парной корреляции и уровни значимости переменных

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	x_{10}
x_1	1	0,66	0,67	0,83	-0,45	-0,58	0,65	0,85	0,83	0,79
		3,29	3,38	5,57	1,89	2,66	3,20	6,04	5,57	4,82
x_2		1	0,29	0,56	-0,11	-0,33	0,45	0,64	0,57	0,48
			1,13	2,53	0,41	1,31	1,89	3,12	2,60	2,05
x_3			1	0,77	-0,87	-0,77	0,29	0,62	0,50	0,54
				4,52	6,60	4,52	1,13	2,96	2,16	2,40
x_4				1	-0,61	-0,73	0,54	0,87	0,72	0,73
					2,88	4,00	2,40	6,60	3,88	4,00
x_5					1	0,85	-0,03	-0,45	-0,39	-0,46
						6,04	0,11	1,89	1,58	1,94
x_6						1	-0,18	-0,64	-0,55	-0,60
							0,68	3,12	2,46	2,81
x_7							1	0,76	0,73	0,68
								4,38	4,00	3,47
x_8								1	0,94	0,93
									10,31	9,47
x_9									1	0,98
										18,43
x_{10}										1

Источник: составлено авторами.

были нормированы следующим образом: из значений фактора вычитался минимум по фактору и делился на максимум по фактору. На рис. приведены графики нормированных независимых переменных и динамики промышленного производства.

Как следует из рис., почти все переменные, за исключением x_5 – доля занятых в экономике России, имеющих высшее образование (в %), и x_6 – затраты на технологические инновации в организациях добывающих, обрабатывающих производств, предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, имеют сходные кривые, что и подтверждается высокими положительными коэффициентами корреляции, имеющими высокую значимость (см. табл. 1).

Далее была построена пошаговая регрессионная модель, в которую в качестве независимых переменных вошли не все переменные, а только те, у которых парные коэффициенты корреляции с индексом промышленного производства были положительными и значимыми.

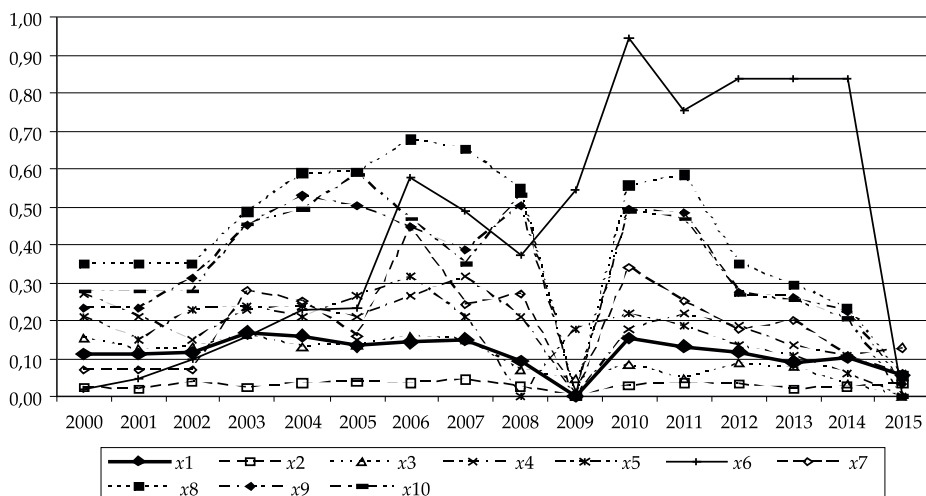

Рис. Динамика зависимой и независимых переменных.

Регрессионная модель является достаточно надежной, если выполняются определенные предпосылки, предъявляемые к исходной информации. Однако, как следует из табл. 1, ряд независимых переменных имел тесные корреляционные связи между собой, что нарушает эти предпосылки.

Высокие парные коэффициенты корреляции позволяют предположить наличие мультиколлинеарности, однако только анализ парных коэффициентов здесь недостаточен. Необходимо проанализировать коэффициент детерминации регрессий факторов на остальные факторы (R^2_i). В статистическом пакете SPSS, который авторы использовали для анализа, рассчитывается VIF – variance inflation factor – инфляционный дисперсионный фактор:

$$VIF = 1/(1 - R^2_i),$$

где R^2_i – коэффициент детерминации регрессии независимого фактора i на остальные независимые факторы.

Если VIF более 10, то можно говорить о наличии высокой мультиколлинеарности, которая затрудняет проведение статистического анализа модели, поскольку определитель матрицы системы нормальных уравнений становится близок к нулю, что приводит к неопределенности оценок коэффициентов регрессии. Падает точность оценивания, т. к. невозможно исследовать взаимное влияние изменений различных независимых переменных. Кроме того, коэффициенты при некоторых переменных могут получить знак, противоречащий экономическому смыслу. Для корректирования данной проблемы в регрессионном анализе используются нестандартные методы. В работе была применена модель гребневой регрессии (Ridge regression), основу построе-

ния которой предложили А. Хоэрл и Р. Кеннард [2]. Данная модель позволяет оценивать параметры регрессии в условиях наличия корреляционной связи между объясняющими переменными.

Уравнение оценки параметров для гребневой регрессии выглядит следующим образом:

$$B(K) = (X'X - K)^{-1}X'Y,$$

где: $B(K)$ – вектор-столбец гребневых оценок; Y – вектор-столбец зависимой переменной; X – матрица независимых переменных; K – неотрицательная определенная диагональная матрица.

В данной работе был использован метод «следа гребневой матрицы», суть которого заключается в том, что берется несколько значений K (обычно 10–15 значений). Для каждого из них вычисляются оценки стандартизированных коэффициентов регрессии, в том числе и для $K=0$. Далее оцениваются величины коэффициентов в зависимости от значения K . В результате нескольких шагов система может прийти в устойчивое состояние, при котором параметры меняются незначительно.

В наших расчетах система приходит в устойчивое состояние при значении $K = 0,100$, а уравнение регрессии в окончательном виде имеет вид:

$$y = 0,01623 + 0,86644 x_2 + 0,15959 x_3 + 0,11715 x_4 + 0,01127 x_8 + 0,09252 x_9,$$

где: y – динамика промышленного производства; x_i – независимые переменные, обозначенные выше.

Коэффициент множественной корреляции при выбранном K равен 0,895, а множественной детерминации – 0,802, расчетное значение F -критерия – 8,108, что превышает пороговое значение 3,26 для выбранного уровня значимости.

Таким образом, полученная модель может быть использована в практических расчетах для оценки вклада различных факторов в динамику промышленного производства.

Задача, поставленная в исследовании, – оценить влияние каждого фактора на динамику промышленного производства. Однако использовать для этого непосредственно коэффициенты регрессии при факторах нельзя, поскольку, как известно, их значение зависит от размерности факторов и степени их колеблемости. Для устранения таких различий в математической статистике применяется целая система показателей: средние частные коэффициенты эластичности, β -коэффициенты или коэффициенты регрессии в стандартизированном масштабе и Δ -коэффициенты (см. [3]).

Средние частные коэффициенты эластичности показывают, насколько процентов изменится независимая переменная при изменении фактора на 1%.

$$\mathcal{E}_i = b_i \frac{\bar{x}_i}{\bar{y}},$$

где: $\mathcal{E}_i$ – коэффициент эластичности i -ой переменной; b_i – оценка i -ого коэффициента регрессии; $\bar{x}_i$ – среднее значение i -ой переменной; $\bar{y}$ – среднее значение зависимой переменной.

Для устранения влияния размерности и колеблемости используют стандартизированные коэффициенты регрессии или β -коэффициенты, которые показывают, на какую часть величины среднего квадратичного отклонения изменяется зависимая переменная с изменением независимой переменной на одно среднее квадратичное отклонение при фиксированных значениях остальных переменных на среднем уровне. β -коэффициенты не зависят от размерности переменной. Обычные коэффициенты уравнения регрессии и β -коэффициенты связаны следующей формулой:

$$b_i = \beta_i \frac{\sigma_y}{\sigma_{x_i}}.$$

Однако оба этих показателя не позволяют оценить долю влияния каждого из факторов в суммарном воздействии всех факторов. Для такой оценки используются Δ -коэффициенты, рассчитываемые по формуле:

$$\Delta_i = r_i \beta_i / R^2,$$

где: r_i – парный коэффициент корреляции между зависимой и i -ой независимой переменными; β_i – стандартизированный коэффициент регрессии; R^2 – коэффициент множественной детерминации.

Перечисленные выше оценки влияния факторов для анализируемой модели приведены в табл. 2.

Как следует из табл. 2, наибольший вклад в динамику промышленного производства вносит динамика индекса экспорта товаров и услуг – его доля превышает 37%. Необходимо отметить, что переменная индекс экспорта продукции топливно-энергетического комплекса не вошла в итоговое уравнение. Согласно данным Росстата, доля экспорта углеводородов снижается. Так, в 2015 г. эта доля была все еще значительной – 63,8%, хотя это ниже, чем в пиковом, 2013 г., когда она составляла 71,5%. Напротив, доля экспорта машин и оборудования в 2015 г. выросла с 5,5 до 7,4% соответственно.

В предыдущей работе [4] авторы исследовали динамику влияния различных факторов на промышленное производство. Сравним полученные ранее результаты с теми, которые мы получили с помощью настоящей модели.

На протяжении всего периода с 2000 по 2015 гг. преобладающей, с точки зрения динамики промышленного производства, была доля экспорта, но с течением времени вклад экспорта в рост промышлен-

Таблица 2

**Стандартизированные коэффициенты при независимых
переменных уравнения регрессии**

Переменные	Значение коэффициента			Ранг коэффициента			Сумма рангов
	β -коэф- фициенты	Θ_i	Δ -коэф- фициенты	β -коэф- фициенты	Θ_i	Δ -коэф- фициенты	
Численность занятых в экономике, в % к пре- дыдущему году	0,216	3,492	0,177	3	1	3	7
Реальные располагае- мые денежные доходы населения, в % к преды- дущему году	0,192	0,184	0,160	4	2	4	10
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году	0,223	0,072	0,231	2	3	2	7
Индекс импорта машин и оборудования, в % к предыдущему году	0,054	0,003	0,058	5	5	5	15
Индекс экспорта товаров и услуг, в % к предыду- щему году	0,363	0,032	0,374	1	4	1	6

Источник: составлено авторами.

ного производства снижался. Начиная с 2011–2013 гг. величина экспорта все меньше стимулировала рост промышленного производства, однако его вклад в динамику по-прежнему оставался все еще высоким. Доля экспорта в суммарном воздействии всех факторов уменьшалась с 66,1% в 2007 г. до 40,7% в 2014 г. В наших расчетах мы получили вклад этого фактора еще ниже – 37,4%, что подтверждает вывод об исчерпании существующей модели экономики и некоторой ее трансформации в сторону несырьевой модели. В 2017 г. экспорт товаров начал расти. За первые пять месяцев 2017 г. он вырос на 31,8% по сравнению с январем–маем 2016 г., что положительно влияет на динамику промышленного производства.

Вклад такого фактора, как инвестиции в основной капитал, в течение рассматриваемого периода в целом увеличивался. В данной работе переменная *индекс физического объема инвестиций в основной капитал*

стоит на втором месте по вкладу в динамику промышленного производства. Ее доля существенно меньше – 23,1%. Необходимо отметить, что в январе–мае 2017 г. зафиксирован небольшой рост инвестиций в основной капитал (2,3%) к соответствующему периоду прошлого года, что также положительно влияет на промышленную динамику.

На третьем месте находится численность занятых в экономике. Этот показатель не вошел в предыдущие исследования. Его доля во влиянии на динамику промышленного производства достаточно велика и составляет 17,7%. Кроме того, эта переменная имеет высший ранг с точки зрения среднего частного коэффициента эластичности.

Результаты предыдущего исследования [4], свидетельствуют о том, что влияние такого фактора, как реальные располагаемые денежные доходы населения, на рост промышленного производства в целом за период с 2000 по 2017 г. было невелико – в среднем 4%. Однако необходимо отметить, что внутри указанного периода этот фактор имел максимальные значения в доле влияний различных факторов в кризисном 2009 г. Тогда его доля поднималась почти до 10%. Индексация доходов населения в бюджетной сфере в тот период послужила толчком для развития промышленного производства и преодоления кризиса.

В данной модели, которая включает кризисный период (2014–2015 гг.), доля этого фактора также достаточно велика и составляет 16% от общего влияния факторов, что чуть ниже, чем численность занятых в экономике.

Согласно данным Росстата, за первые пять месяцев 2017 г. реальные располагаемые доходы населения продолжили свое падение, которое составило за январь–май 2017 г. 1,8%, что действует на динамику промышленного производства разнонаправленно по сравнению с другими факторами, учитываемыми в модели.

В данной модели переменная *импорт машин и оборудования* находится на последнем месте по степени своего влияния, в то время как ранее она была третьей. Средний ее вклад за рассматриваемый период составлял 20%. Относительно большой удельный вес фактора, отражающего инновационную составляющую, свидетельствовал о сильной зависимости российской промышленности от импортного оборудования. С изменением геополитической ситуации и курса рубля воздействие этой переменной снизилось, хотя до настоящего времени Россия остается чистым нетто-импортером продукции машиностроения. Так, согласно данным таможенной статистики, объем импорта по товарной группе машины, оборудование и транспортные средства в 2015 г. превышал экспорт на 56,4 млрд долл. США⁴.

⁴ Сайт Росстата www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/IssWWW.exe/Stg/d04/26-11.doc (дата обращения 09.07.2017).

С точки зрения оценки перспектив дальнейшего роста промышленного производства более важен анализ средних частных коэффициентов эластичности, которые как раз и показывают, на сколько процентов вырастет результирующий признак при росте независимого признака на 1%. Наибольшие коэффициенты эластичности имеют такие показатели как численность занятых в экономике и *реальные располагаемые денежные доходы населения*. Кроме того, из всех факторов модели эти факторы являются наиболее управляемыми, т. е., воздействуя на них, можно добиться большего отклика с точки зрения роста промышленного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Количественная оценка влияния инновационной деятельности на динамику промышленного производства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 5. С. 92–104.
2. Hoerl A.E., Kennard R.W. Ridge regression: Applications to Nonorthogonal Problems // Technometrics. 1970. V. 12. № 1. P. 69–82.
3. Френкель А.А., Волкова Н.Н., Сергиенко Я.В. Количественная оценка влияния внешнеэкономической деятельности на динамику промышленного производства // Вопросы статистики. 2014. № 11. С. 60–67.
4. Баранов Э.Ф., Френкель А.А., Волкова Н.Н. Влияние импорта машиностроения на динамику промышленного производства // Экономика и предпринимательство. № 12. Ч. 1. С. 49–53.

N.N. VOLKOVA

PhD in economics, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
nnv@inecon.ru; lituk.n@gmail.com

E.I. ROMANYUK

research fellow of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

QUANTITATIVE ASSESSMENT OF INFLUENCE OF MAJOR FACTORS ON DYNAMICS OF INDUSTRIAL PRODUCTION

This paper is continuation of a series of works of the authors devoted to quantitative assessment of influence of the major economic factors on dynamics of industrial production of Russia. The analysis was carried out on the basis of model of ridge regression, including taking into account factors of innovative activity of the enterprises, and has shown that the greatest contribution to economic growth has export of goods and services and also investment into fixed capital.

Keywords: industrial growth, econometric model, regression analysis, ridge regression, the factors for industrial growth.

JEL: O41, O47, L60.

А.И. СЕРГЕЕВ

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО
«Калининградский государственный технический университет»,
председатель Контрольно-счетной палаты Калининградской области

А.В. ПЕТРОВ

аспирант кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Калининградский
государственный технический университет»

РОЛЬ ЭФФЕКТА РИКАРДО В РАЗВИТИИ СТРУКТУРНЫХ ФАКТОРОВ ЗАМЕДЛЕНИЯ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируется роль эффекта Рикардо в развитии структурных факторов замедления роста российской экономики. Обосновывается постепенное снижение инвестиционного спроса и замедление роста производительности труда с позиции теории экономического цикла австрийской экономической школы. Дается объяснение растущего уровня занятости на фоне замедления экономического роста. Монетарная природа структурных факторов замедления роста экономики рассматривается как результат избыточной кредитной экспансии.

Ключевые слова: *монетарная политика, экономический цикл, эффект Рикардо, структурные факторы, экономический рост, кредитная экспансия.*

JEL: E32, E51, E52.

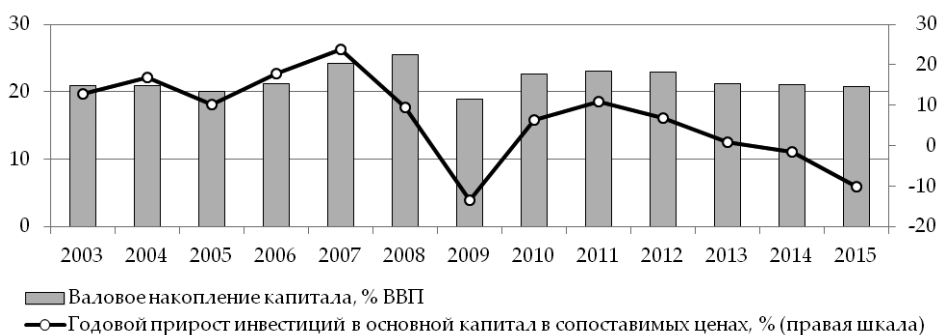
Переход к режиму таргетирования инфляции в 2014 г. положил начало принципиально новому этапу в монетарной политике, осуществляемой Банком России. Решение о проведении данной реформы не являлось спонтанным – оно явилось ответом монетарных властей на фундаментальные изменения, происходящие в российской экономике в последние полтора десятилетия [1], [2, с. 13–14]. Стремительное развитие экономического кризиса в России на фоне падения мировых цен на нефть и внешних и внутренних политических факторов способствовало отвлечению общественного внимания от докризисной, то есть несвязанной с событиями 2014–2015 гг. тенденции структурного замедления экономического роста российской экономики. Анализ воздействия монетарной политики на состояние российской экономики в период до 2014 г. позволяет понять, что текущий экономический спад является закономерным и неизбежным итогом данной тенденции, а произошедшие события – не столько причиной, сколько катализатором развития кризисных процессов.

Развитие структурных ограничений экономического роста

Анализу замедления роста российской экономики в период 2010–2014 гг. посвящено множество научных работ, в которых структурные ограничения рассматриваются в качестве одной из главных причин данного явления. Примечательно, что структурный характер замедления признается как критиками, так и сторонниками перехода Банка России к реализации режима таргетирования инфляции. При этом принципиальные различия в подходах к преодолению кризиса обусловлены разным пониманием роли денежно-кредитной политики и ее целей, а также роли монетарных факторов в развитии структурных ограничений для экономического подъема.

Учеными-экономистами отмечаются следующие четко проявившиеся в последнее время тенденции, которые привели к замедлению темпов роста экономики России.

Первая – возрастающая недостаточность основного капитала. В период 2003–2008 гг. доля валового накопления капитала выросла с 20,86% до 25,50% ВВП (см. рис. 1). Тем не менее данных объемов не хватало для дальнейшего сохранения существующих на тот момент темпов роста: во-первых, объем инвестиций в основной капитал в РФ был значительно меньше среднего значения по странам с развивающимися рынками, а во-вторых, недостаточность инвестиций в основной капитал обуславливалась ростом степени изношенности имеющихся средств производства [3].

Источник: данные Всемирного банка и Росстата.

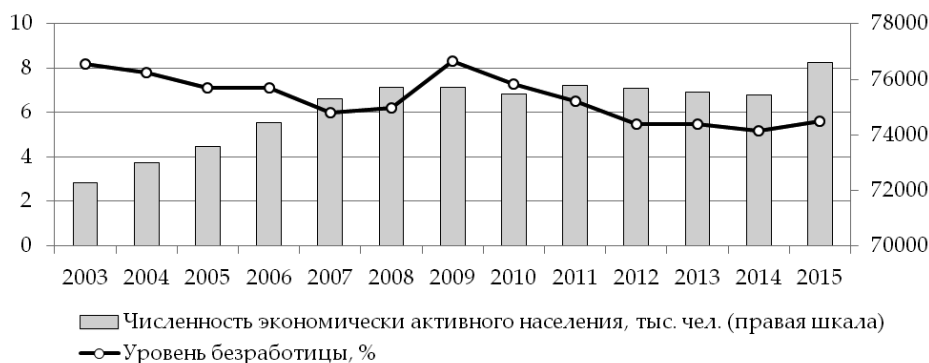
Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации.

Уже в первой половине 2013 г. загрузка производственных мощностей была близка к 80%, что сопоставимо с уровнем 2004–2006 гг., когда среднегодовые темпы роста российской экономики составляли порядка 8% [4]. Низкая инвестиционная активность в 2011–2013 гг. на

фоне высокого уровня загрузки производственных мощностей показала, что в этот период экономика достигла пределов своих возможностей, что выразилось в замедлении темпов роста реального ВВП с 3,51% в 2012 г. до 1,27%, и 0,71% в 2013 и 2014 гг. соответственно.

Высокий годовой прирост инвестиций в основной капитал в период 2003–2008 гг. оказал существенное воздействие на ускорение экономического роста, однако данная тенденция в значительной мере отражала рост инвестиционной активности в нефтегазовом секторе [5]. По итогам предкризисного 2008 г. доля вводимых основных фондов в добывающих отраслях составила 17,0% от общего объема, в то время как на долю обрабатывающих производств пришлось 13,8% при значении долей по этим отраслям в 14,7 и 17,2% в 2003 г.¹ С 2011 г. ситуация усугубилась постепенным спадом инвестиционной активности, а к началу 2014 г. значение годового прироста объема валовых инвестиций в основной капитал снизилось до 0,8%, в результате чего отношение инвестиций к ВВП по итогам года составило 21,08% против 23,08% в 2011 г. Таким образом, к периоду 2013–2014 гг. и без того невысокие темпы роста экономики снизились практически до нуля.

Вторая тенденция – развитие структурных ограничений со стороны трудовых ресурсов. Следует отметить, что ситуация в значительной степени осложнялась сокращением безработицы на фоне стагнирующего роста [6, с. 70]. О высокой степени загрузки рабочей силы свидетельствует снижение степени реакции рынка труда на изменение экономических условий в рамках текущего спада, в то время как в период кризиса 2007–2009 гг. уровень занятости характеризовался большей эластичностью (см. рис. 2) [7, с. 4].

Источник: Росстат.

Рис. 2. Динамика численности экономически активного населения и уровня безработицы.

¹ По данным Росстата. www.gks.ru.

Сложившаяся ситуация на рынке труда находит объяснение в негативных демографических тенденциях. Рост демографической нагрузки в период 2011–2014 гг. сопровождался сокращением численности экономически активного населения на 350 тыс. человек [3], а снижение безработицы в период замедления роста отражает феномен «дрейфа естественного уровня безработицы», в результате которого произошел постепенный сдвиг уровня безработицы, соответствующего полной занятости [8].

Несмотря на то что рынок труда в России принято считать негибким, в период кризиса 2008–2009 гг. уровень безработицы был значительно более чувствителен к замедлению роста и в период с мая 2008 г. по февраль 2009 г. увеличился с 5,4% до 9,4%, в то время как развитие текущего кризиса характеризовалось умеренным ростом безработицы с исторического минимума в 4,8% в августе 2014 г. до 5,9% в марте 2015 г. Динамика рынка труда, даже с учетом влияния демографических ограничений, противоречит логике замедления экономического роста и сигнализирует о высокой загрузке трудовых ресурсов. Как будет показано ниже, увеличение загрузки трудовых ресурсов опосредуется не только действием демографических тенденций: дополнительное давление на рынок труда оказывается и постепенным замедлением динамики реальных ставок заработной платы, обеспечивающим замещение трудосберегающих средств производства трудовыми ресурсами, относительная цена которых постепенно снижается.

Третья тенденция – высокая степень загрузки трудовых ресурсов не сопровождается увеличением производительности труда, низкий уровень которой также выступает в числе структурных ограничений роста российской экономики. Низкий уровень производительности труда отчасти компенсировался увеличением количества рабочих часов. По итогам 2015 г. по объему отработанных часов на душу населения Россия (976 ч. в год) уступила только Исландии (1043 ч.), Люксембургу (1075 ч.) и Корее (1083 ч.), однако сравнительный уровень производительности труда остался довольно низким. Так, по данным ОЭСР² за 2015 г., значение ВВП, произведенного за 1 час рабочего времени, по России составило 36,88% уровня соответствующего показателя по экономике США – 23,2 против 62,9 долл. США. В этих условиях увеличение производительности труда становится ключевым параметром для обеспечения устойчивого роста в условиях ограничений предложения на рынке труда.

Российская промышленность отстает по уровню производства добавленной стоимости на одного занятого по сравнению с развитыми

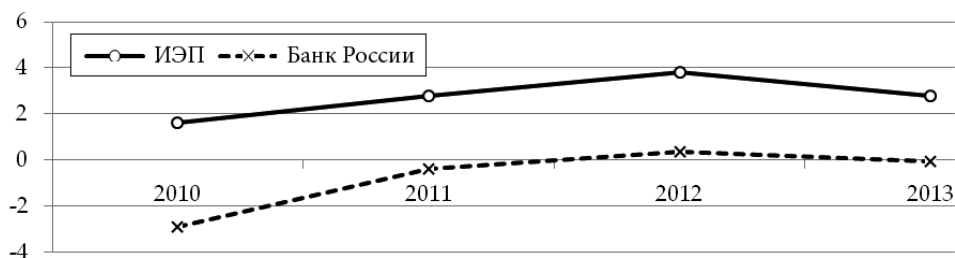
² Подробную статистику см. в: OECD.Stat. stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode= ANHRS.

странами в 2,2–2,5 раза³. При этом низкий уровень производительности труда наблюдается при относительно высоком качестве трудовых ресурсов и высоких значениях ИРЧП, что позволяет говорить о том, что низкий уровень производительности обусловлен прежде всего качеством инвестиций, а не качеством трудовых ресурсов [9].

Действие эффекта Рикардо

Развитие структурных факторов замедления экономического роста проявило симптомы более глубоких кризисных процессов, сопровождающих трансформацию производственной структуры под действием эффектов, вызываемых развитием кредитной экспансии. Проявление эффекта Рикардо в период экономического роста 2003–2008 и 2011–2013 гг. позволяет говорить о том, что замедление российской экономики было обусловлено действием монетарных факторов.

Банк России связывает замедление роста с действием структурных факторов – оценки производственного разрыва (см. рис. 3) говорят о возвращении темпов экономического роста на потенциальный уровень [10].

Источник: ЦБ РФ, ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Рис. 3. Разрыв ВВП (по оценкам Банка России и ИЭП).

Оценки динамики производственного разрыва, с учетом внешне-торговой составляющей, напротив, свидетельствуют о «перегреве» российской экономики в период 2011–2013 гг. [11]. Положительная динамика разрыва выпуска [9] согласуется с тенденцией сокращения уровня безработицы в рассматриваемом периоде, что позволяет интерпретировать низкие темпы экономического роста как замедление, обусловленное исчерпанием возможностей роста в условиях полной загрузки производственных мощностей [6, с. 70–71].

³ См. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М.: Министерство экономического развития, 2013. С. 60–61.

Развитие искусственного бума в 2011–2013 гг. также подтверждается наблюдением действия эффекта Рикардо. Анализ тенденций развития российской экономики с позиции теории цикла австрийской экономической школы свидетельствует о монетарной природе «перегревов» 2006–2007 и 2011–2013 гг. Кроме того, наблюдение вызываемых действием эффекта Рикардо тенденций позволяет разрешить ряд противоречий, не находящих объяснения в рамках посткейнсианской и монетаристской концепций экономического роста.

Поскольку теория экономического цикла австрийской экономической школы не является в должной мере распространенной, обозначим некоторые ее ключевые положения. Так, под действием эффекта Рикардо понимают изменение производственной структуры, обусловленное образованием диспаритета прибыли на различных стадиях производства вследствие опережающего роста заработной платы относительно цен на товары [12, с. 261–275]. Иными словами, эффект Рикардо заключается в том, что общее повышение заработной платы относительно цен на товары приводит к снижению прибыльности отраслей и методов производства, использующих сравнительно больше капитала, т. е. являющихся более капиталоемкими, в меньшей степени, чем отраслей и методов, требующих сравнительно меньше капитала, т. е. являющихся менее капиталоемкими. Очевидно, общее снижение заработной платы относительно цен на продукты приводит к обратному эффекту⁴.

Общее изменение уровня заработной платы относительно конечных цен приводит к тому, что издержки при производстве конечной продукции различными методами меняются в неодинаковой степени, что влияет на привлекательность инвестиций в различные отрасли или способы производства. Таким образом, изменение ставок заработной платы относительно цен на товары влияет на пропорции распределения имеющихся у предпринимателей средств между расходами на зарплату и расходами на оборудование, т. е. между инвестициями в оборотный и основной капитал. От того, в каком направлении изменяется соотношение между заработной платой и ценой продукции, зависит решение предпринимателей о переходе к более или менее капиталоемким способам производства.

Следует отметить, что диспаритет прибыли вызывает изменение пропорций инвестирования как между стадиями производственной структуры, так и между предприятиями в рамках одной отрасли и, более того, между различными направлениями инвестирования в пределах конкретного предприятия. При этом трансформация производственной структуры в процессе выравнивания нормы прибыли на основании изменившихся условий не характеризуется исключи-

⁴ Теоретическое обоснование обратного эффекта см. в [13, с. 261–299].

тельно долгосрочными изменениями соотношения, в котором основной и оборотный капитал применяются в производстве. Изменение капитальной структуры производства происходит постепенно и медленно, в том числе если речь идет о перемещении капитальных ресурсов на более либо менее отдаленные от потребления стадии производства в процессе текущей коррекции. Однако изменение соотношения, в котором предприниматели распределяют текущие расходы на обновление и пополнение капитальных активов, несомненно, является изменчивым в краткосрочном периоде.

Сопоставление динамики реальной заработной платы и уровня цен на товары и услуги позволяет разделить развитие российской экономики в 2003–2015 гг. на два отдельных периода: 2003–2007 гг. и 2010–2013 гг. (см. рис. 4).

Источник: Росстат.

Рис. 4. Динамика реальной заработной платы и цен на товары и услуги.

Период 2003–2007 гг. характеризуется опережающей динамикой уровня заработной платы относительно уровня инфляции, причем среднее значение годового прироста номинальных ставок зарплаты является достаточно высоким и составляет 25,54%. Относительное удорожание трудовых ресурсов в данном периоде сопровождалось высокими темпами прироста объема инвестиций в основной капитал, среднее годовое значение которых составило 16,26%. Период экономического роста сопровождается переходом к более капиталоемким и, соответственно, трудосберегающим способам производства. Таким образом, наблюдаемая динамика уровня зарплаты и цен подтверждается расширением инвестиционного спроса.

Динамика ставок заработной платы в период 2010–2013 гг., напротив, характеризуется замедлением роста заработной платы в номинальном выражении (среднее значение годового прироста составляет уже 12,45%) и, что более важно, значительным отставанием реальных

ставок от уровня инфляции. Обратное действие эффекта Рикардо, то есть переход к менее капиталоемким способам производства, подтверждается динамикой инвестиций в основной капитал, среднегодовой прирост которых в 2010–2013 гг. снизился до 6,18%, а в 2014 г. достиг отрицательного значения в -1,5%. При этом удорожание капитальных ресурсов относительно труда в 2010–2013 гг. происходило на фоне постепенного сокращения уровня безработицы с 7,3% в 2010 до 5,2% в 2014 г.

Действие эффекта Рикардо проявилось в том числе в краткосрочных изменениях, обусловленных использованием приемов быстрого увеличения объемов продукции при повышении цен. Относительное удешевление трудовых ресурсов вызывает ряд изменений в составе используемого оборудования. Во-первых, увеличение прибыльности менее капиталоемких производственных проектов обеспечивает возможность менее качественного технического обслуживания, сокращения числа проверок и капитального ремонта, а также отказа от обновления части оборудования, прежде всего в части вспомогательных трудосберегающих средств производства, что позволяет увеличить текущий объем выпуска за счет снижения эффективности и сокращения срока службы имеющегося оборудования. Кроме того, экономический смысл обретает использование устаревших и подержанных объектов основных средств вместо новых, а также замена изнашивающегося оборудования новым, но более дешевым и менее эффективным [10]. Таким образом, до тех пор, пока внутренняя норма отдачи (в пределах предприятия, отрасли или стадии производственной структуры) остается на повышенном относительно прежних значений уровне, более капиталоемкие способы производства вытесняются менее капиталоемкими – трудозатратными способами.

Эти тезисы находят подтверждение в динамике показателей состояния основных фондов. Так, в 2003–2007 гг. доля полностью изношенных фондов в коммерческих организациях снижалась в среднем на 0,5% в год, в то время как в 2010–2014 гг. наблюдалась обратная тенденция, а среднегодовой прирост доли полностью изношенных фондов составил 0,4%. Кроме того, о переходе к менее капиталоемким способам организации производства также свидетельствует повышение объема отработанных часов на душу населения, а также постепенный рост уровня загрузки трудовых ресурсов.

Роль денежно-кредитной политики. Действие эффекта Рикардо приводит к изменению пропорций распределения текущих расходов всякий раз, когда стоимость трудовых ресурсов изменяется относительно товарных цен. Под «реальной» заработной платой в данном контексте понимается не столько соотношение между уровнем полу-

чаемой работниками зарплаты и ценами потребительских благ, на которые они ее тратят, сколько отношение издержек на рабочую силу к ценам производимой продукции. Развитие эффекта Рикардо говорит исключительно об изменениях нормы отдачи тех или иных способов производства, вызывающих трансформацию капитальной структуры в краткосрочной – за счет изменения доли текущих расходов на трудовые ресурсы, и в долгосрочной перспективе – за счет оттока инвестиционных ресурсов на относительно более или менее отдаленные от потребления стадии производственной структуры. Кроме того, поскольку эффект Рикардо сопровождает развитие экономического цикла как на стадии подъема, так и на стадии спада, характер воздействия на капитальную структуру производства определяется причинами, вызывающими изменение относительной стоимости трудовых ресурсов, а также динамикой процентных ставок, определяющих доступность инвестиционных ресурсов и возможность запуска проектов, невыгодных при более высоких значениях процента.

Важно отметить, что действие эффекта Рикардо сопровождает процессы расширения и удлинения стадий производства промежуточной продукции как в случае их обеспечения за счет роста добровольных сбережений, так и в случае развития кредитной экспансии. В рамках первого варианта отказ от потребления дополнительной части текущих доходов сопровождается снижением совокупного денежного спроса и, соответственно, цен на конечную продукцию, что, в свою очередь, приводит к росту реальных ставок заработной платы. Кроме того, расширение добровольных сбережений выражается в увеличении предложения инвестиционных ресурсов, что способствует снижению процентных ставок. Таким образом, воздействуя на относительную стоимость труда и уровень процентных ставок, расширение сбережений приводит к перенаправлению инвестиционных ресурсов в сторону отдаленных от потребления производственных процессов, запуск которых был невозможен при более высоких ставках процента.

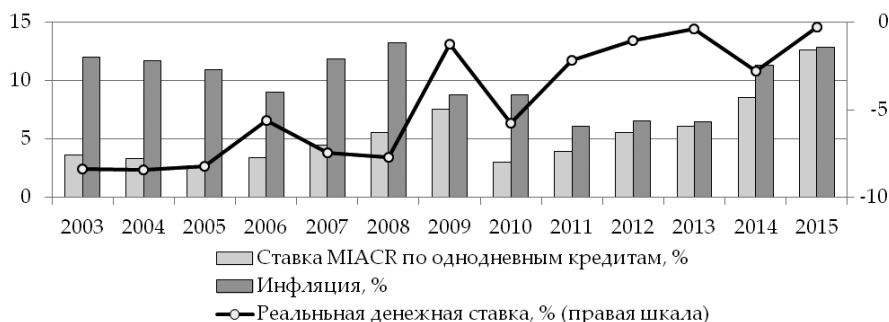
Развитие кредитной экспансии на начальном этапе вызывает идентичный росту добровольных сбережений эффект: увеличение предложения инвестиционных ресурсов приводит к снижению ставок процента и, таким образом, к запуску ставших прибыльными инвестиционных проектов. Однако поскольку искусственное снижение процентных ставок вызывает сокращение предложения инвестиционных ресурсов в части обеспечиваемых сбережениями средств, расширение производственной структуры не сопровождается частичным отказом от текущего потребления и, напротив, приводит к увеличению денежного спроса на конечную продукцию за счет высвободившихся средств, ранее направляемых на создание сбережений [13, С. 44–53]. Таким образом, поступление к предпринимателям обеспеченных кре-

дитом инвестиционных ресурсов в действительности не сопровождается увеличением ресурсного фонда, что на начальных стадиях цикла приводит к оттоку факторов производства с других стадий за счет возможности получателей кредитных ресурсов уплачивать более высокие цены. Тем не менее в дальнейшем ограниченность ресурсного фонда приводит к невозможности завершения вновь запускаемых проектов, что вызывает коррекцию производственной структуры, проявляющуюся в перемещении факторов производства на обеспечивающие прибыль стадии, все более и более приближенные к потреблению.

Важно отметить, что по мере развития обусловленного кредитной экспансией экономического цикла действие эффекта Рикардо меняет направление [14, С. 199–292]. На первоначальных этапах высокая норма прибыли более капиталоемких проектов сопровождается увеличением инвестиционного спроса и ростом реальных ставок заработной платы. Однако впоследствии опережающий рост цен на конечные блага, особенно в период «перегрева», сопровождается замещением трудосберегающего оборудования относительно дешевыми трудовыми ресурсами, т. е. переходом к менее капиталоемким способам производства. Как было отмечено, период 2003–2007 гг. характеризовался общим повышением заработной платы относительно цен, что соответствует стадии экономического подъема. Однако в период 2010–2013 гг. наблюдается обратное действие эффекта Рикардо, что характеризует данный период как стадию «бума», обусловленного ошибками монетарной политики.

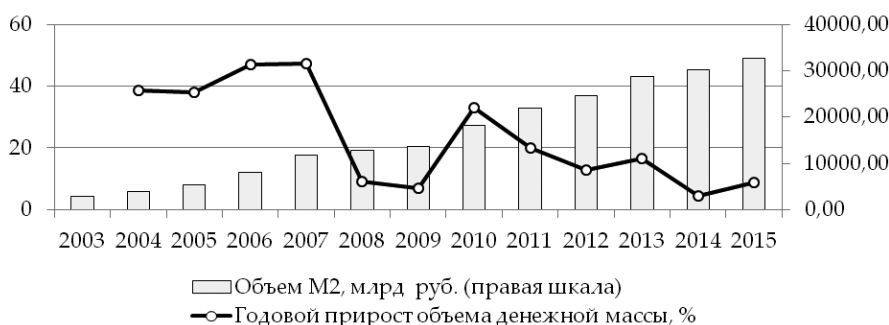
Анализ динамики реальных ставок российского денежного рынка свидетельствует о том, что денежная политика в 2003–2007 гг. была крайне мягкой и носила открытый стимулирующий характер: среднегодовой уровень номинальных ставок $M1ACR$ в данном периоде составил 3,48%, при том, что уровень реальных ставок находился в зоне отрицательных значений и в среднем за период составил $-7,62\%$ (см. рис. 5). Несмотря на то что «бум» 2005–2006 гг. сопровождался ростом реальных ставок со средних 3,38% в 2006 г. до 4,44% в 2007 г. и 5,58% в 2008 г., развитие экспансии стимулировало опережающий рост инфляции, составившей 11,87 и 13,28% в 2007–2008 гг., что способствовало снижению реальных денежных ставок до $-7,7\%$ в 2008 г.

Дополнительное давление на развитие структурных ограничений после 2009 г. было вызвано мягкой денежной политикой в период посткризисного восстановления. В 2010 г. наблюдался «провал» реальной денежной ставки, сопровождавшийся расширением денежной массы на 33,19% (см. рис. 6), что способствовало развитию наметившихся в докризисный период тенденций. Проведение стимулирующей монетарной политики действительно привело к нейтрализации проциклических тенденций и позволило экономике восстановить докризисный

Источник: ЦБ РФ.

Рис. 5. Динамика реальных ставок по коротким займам на денежном рынке.

Источник: ЦБ РФ.

Рис. 6. Динамика объема денежной массы.

уровень производства в кратчайшие сроки. Вместе с тем возвращение к предкризисному сценарию развития определило окончательное истощение имеющихся резервов роста, обозначив развитие «перегрева» в 2011–2013 гг.

В период 2011–2013 гг. экономика России находилась на стадии «бума». О постепенном развитии рецессии свидетельствуют растущие с 2011 г. реальные ставки денежного рынка. Динамика объема денежной массы характеризуется постепенным замедлением темпов прироста: с 33,19% в 2010 г. до 4,57% в 2014 г. В свою очередь реальный сектор отреагировал снижением уровня инвестиционного спроса на фоне действия эффекта Рикардо и роста загрузки трудовых ресурсов.

Таким образом, причины развития экономического цикла 2003–2014 гг. следует искать в ошибках монетарной политики, обусловивших развитие кредитной экспансии, вызвавшей искусственный «перегрев» в период 2006–2007 гг. и 2011–2013 гг. Наступление мирового кризиса 2007–2009 гг. помешало развитию полноценного «бума», разделив развитие кредитной экспансии на два отдельных периода. Тем не менее

оба периода и соответствующее им развитие структурных факторов замедления роста имеют единую монетарную природу.

Динамика объема денежного предложения свидетельствует об экспансионистском характере проводимой Банком России монетарной политики. Несомненно, высокие темпы роста денежной массы могли быть обусловлены увеличением технических потребностей в дополнительных средствах обращения и стремлением монетарных властей к стабилизации общего уровня цен в ситуации ускоренного роста производительности. Однако фактические темпы роста российской экономики были сопоставимы с темпами других развивающихся стран при значительной разнице в динамике объема денежного предложения. Темпы роста М2 в России (см. табл.) значительно превосходили показатели других стран. При этом в 2003–2015 гг. значение годового прироста денежной массы в Бразилии не превышало 18% при сопоставимом приросте ВВП в 3,71% против 4,41% в РФ, среднегодовом приросте М2 в 10,57% и ВВП в 3,98% в Польше, 6,09 и 3,91% в США, 6,06 и 4,1% в Израиле соответственно.

Таблица

Динамика денежной массы в странах, таргетирующих инфляцию

Страна	Темп роста М2					
	2003	2005	2007	2009	2011	2013
РФ	1,5044	1,3854	1,4346	1,1766	1,2048	1,1486
Бразилия	1,0097	1,1599	1,1707	1,0874	1,1808	1,1277
Мексика	1,1249	1,1417	1,1070	1,0486	1,1216	1,0934
Польша	1,0691	1,1259	1,1723	1,0717	1,0886	1,0693
Швеция	1,0572	1,1164	1,1159	1,0296	1,0881	1,0646
Чехия	1,0664	1,0883	1,1083	1,0235	1,0599	1,0530
Канада	1,0475	1,0465	1,0862	1,0556	1,0593	1,0549
Великобритания	1,0973	1,0958	1,0673	1,0655	1,0376	1,0502
США	1,0462	1,0466	1,0557	1,0223	1,1028	1,0558
Израиль	1,0472	1,0522	1,0680	1,0248	1,0869	1,0616
Еврозона	1,0607	1,0937	1,1046	1,0143	1,0328	1,0216
Япония	1,0119	1,0175	1,0216	1,0304	1,0304	1,0426

Источник: Federal Reserve Economic Data (FRED).

В рамках означенной логики источники противодействия развитию структурных ограничений роста следовало связывать с инициа-

лизацией механизмов, ограничивающих дальнейший кредитный рост и восстанавливающих процесс трансформации добровольных сбережений в доступные для предпринимателей инвестиционные ресурсы. Иными словами, ограничение воздействия монетарных факторов, «толкающих» экономику к перегреву, связывалось с ужесточением монетарной политики. В действительности с 2010 г. Центральный банк приступил к последовательному сужению процентного коридора, что сопровождалось постепенным увеличением нижней границы (ставки по депозитам в ЦБ) с 2,75 до 4,5% и снижением верхней границы (операции РЕПО) с 6,75 до 6,5%.

Выводы

Развитие российской экономики в период 2003–2013 гг. носило явный экспансионистский характер и сопровождалось формированием циклических процессов, вызванных ошибками монетарной политики. Увеличение денежного предложения со стороны банковской системы привело к развитию инвестиционного бума 2003–2007 гг., сопровождавшегося «перегревом» экономики. Продолжение экспансионистской политики после 2008 г. способствовало дальнейшей трансформации производственной структуры, истощению ресурсного фонда и, как итог, развитию структурных ограничений экономического роста. Преодоление вызванного развитием мирового кризиса спада 2008–2009 гг. посредством стимулирующих мер монетарной политики вызвало развитие второго витка кредитной экспансии.

Замедление темпов роста российской экономики в период 2011–2013 гг. было обусловлено исчерпанием резервов экономического роста и действием структурных ограничений. Снижение уровня безработицы на фоне замедления темпов экономического роста находит объяснение в действии эффекта Рикардо и трансформации производственной структуры в направлении расширения менее капиталоемких способов производства, а также в действии негативных демографических тенденций, что приводит к росту уровня загрузки трудовых ресурсов.

Преодоление ограничений экономического развития на настоящем этапе следует связывать не столько со снижением воздействия политических факторов и возвращением нефтяных цен к высоким значениям, сколько с предотвращением используемых в 2003–2013 гг. мер денежно-кредитной политики. В данном контексте переход Центрального банка к осуществлению режима таргетирования инфляции выглядит естественным шагом к отказу от возвращения к экспансионистским сценариям развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заявление Председателя Банка России Э.С. Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров 12 сентября 2014 года. www.cbr.ru/rw.aspx?file=/press/press_centre/nabiullina_12092014.htm.
2. Юдаева К. В. О денежно-кредитной политике Банка России на современном этапе // Деньги и кредит. 2014. № 6. С. 13–14.
3. Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 67–83.
4. Структурные проблемы становятся основным фактором, ограничивающим экономический рост // Доклад об экономике России / Всемирный банк. 2013. № 30. documents.worldbank.org/curated/en/390851468306268558/pdf/816880NWP0RUSS0Box0379844B00PUBLIC0.pdf.
5. Voskoboynikov I., Solanko L. When high growth is not enough: Rethinking Russia's pre-crisis economic performance // BOFIT Policy Brief. 2014. № 6.
6. Горюнов Е., Дробышевский С., Трунин П. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 53–85.
7. Юдаева К. В. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 4–12.
8. Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 66–92.
9. Human Development Report // United Nations Development Programme. 2016. hdr.undp.org/sites/all/themes/hdr_theme/country-notes/RUS.pdf.
10. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. М., 2014. www.cbr.ru/publ/ddcp/2014_04_ddcp.pdf.
11. Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37.
12. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2016. xxviii + 394 с.
13. Гаррисон Р. Механика экономического цикла. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 220.
14. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономический цикл. Челябинск: Социум, 2008. С. 663 +xiv.

L.I. SERGEEV

doctor habilitatus in economics, Head of the department of economic theory of Kaliningrad state technical university, Chairman of the Control and accounts chamber of the Kaliningrad region, Kaliningrad, Russia
doc_sergeevli@mail.ru

A.V. PETROV

graduate student of the department of economic theory of Kaliningrad state technical university, Kaliningrad, Russia
vortepalexey@gmail.com

**ROLE OF THE EFFECT OF RICARDO IN DEVELOPMENT OF STRUCTURAL FACTORS OF
DELAY OF GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY**

In the paper the role of effect of Ricardo in development of structural factors of delay of growth of the Russian economy is analyzed. Gradual decrease in investment demand and delay of increase in productivity of work from a position of the theory of a business cycle of the Austrian economic school is proved. The explanation of the growing employment rate against the background of slowdown in economic growth is offered. The monetary nature of structural factors of delay of growth of economy is considered as result of excess credit expansion.

Keywords: *monetary policy, business cycle, Ricardo's effect, structural factors, economic growth, credit expansion.*

JEL: E32, E51, E52.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.М. ЧУБУКОВ

аспирант Института экономики Российской академии наук

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье представлена система индикаторов экономической безопасности Российской Федерации как макроэкономического, так и отраслевого уровней, которые рассматриваются автором в сопоставлении с соответствующими показателями по другим странам – и по наиболее развитым и по быстро развивающимся. Такой подход позволит сравнивать уровень экономического развития нашей страны, определять ее место в мировой экономике и оценивать уровень реальных угроз экономической безопасности России, что очень важно в условиях глобализации.

Ключевые слова: макроэкономические индикаторы, экономическая безопасность, ВВП на душу населения, валовое накопление капитала на душу населения, производительность труда, учетная ставка рефинансирования, уровень безработицы, минимальный уровень заработной платы.

JEL: E20, E40, E50.

Для реальной оценки состояния экономической безопасности государства в современном мире существует практика применения макроэкономических индикаторов. Динамика таких индикаторов относительно соответствующих показателей по другим странам, в первую очередь по наиболее развитым, указывает на изменение степени рисков в функционировании социально-экономической системы страны и на способность соответствующих государственных органов своевременно реагировать и воздействовать на появляющиеся опасные тенденции.

Игнорирование опасных тенденций в динамике указанных индикаторов может привести к усилению внутренних и внешних угроз экономической безопасности государства. Поэтому одной из важнейших проблем экономической науки является разработка системы индикаторов и их пороговых значений.

Специалисты выделяют и рекомендуют использовать более тысячи различных индикаторов на всех уровнях национальной экономики.

Например, учеными Института экономики РАН выделены 150 показателей и предложены 4 группы пороговых значений экономической безопасности в зависимости от уровня управления национальной экономикой: 1) пороговые значения макроэкономических показателей, отражающие главные национальные интересы России, утверждаемые на правительственном уровне; 2) пороговые значения показателей, раскрывающих и дополняющих показатели по общенациональным интересам, утверждаемые Минэкономразвития России; 3) пороговые значения показателей для систем функционального назначения и показателей отраслевого уровня, утверждаемые соответствующими министерствами; 4) пороговые значения показателей экономической безопасности для регионального уровня. Существующая в настоящее время система индикаторов экономической безопасности России, разработанная специалистами Центра финансово-банковских исследований Института экономики РАН, призвана отслеживать состояние реальной экономики, финансовой, социальной сферы и внешнеэкономической сферы.

В эту систему индикаторов включены: объем ВВП; валовый сбор зерна; инвестиции в основной капитал (в% от ВВП); расходы на оборону и на «гражданскую» науку (в% от ВВП); уровень монетизации; внешний и внутренний долги; дефицит федерального бюджета; доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции; доля машиностроения и металлообработки в промышленности; доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума; децильный коэффициент дифференциации доходов населения; уровень безработицы в экономически активном населении; доля расходов бюджета на обслуживание государственного долга в общем объеме его расходов; уровень инфляции; отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта; доля импортного продовольствия в общем объеме продовольственных ресурсов; объем золотовалютных резервов [1].

Для того чтобы более полно и объективно оценить социально-экономическое состояние экономики в данный период, необходимо сравнивать пороговые значения индикаторов с их фактическим значением в определенный период времени и с индикаторами, которые представлены в кратко- и среднесрочных прогнозах социально-экономического развития страны, а также в федеральном и консолидированном бюджетах. Такой подход позволит определить стратегические ориентиры социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу.

Академик РАН С.Ю. Глазьев в докладе «О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии»¹ (в РАН) привел 60 показателей, которые характери-

¹ Trueinform.ru>modules.php.

зуют воспроизводство экономического потенциала, воспроизводство человеческого потенциала, внешнеэкономическую зависимость России и конкурентоспособность ее экономики в 2013 г. Автор приводит фактическое состояние этих 60 показателей и сопоставляет их с критическими значениями.

В систему академика Глазьева включены следующие индикаторы: ВВП к мировому объему; естественный прирост населения; разрыв между доходами богатых и бедных людей; доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума; уровень безработицы; объем инвестиций в основной капитал; износ основных фондов; доля машиностроения в промышленности; объем совокупного внешнего долга; доля импортного оборудования во внутреннем спросе; доля импортного продовольствия в ВВП; доля экспорта в материальном производстве; объем иностранной валюты по отношению к рублевой массе в национальной валюте; отношение объема внешнеторгового оборота; доля инновационно активных предприятий; доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте; доля новых видов продукции в общем объеме машиностроительной продукции; расходы на научные исследования; среднегодовой темп прироста производительности труда; удельный вес российской высокотехнологичной продукции на мировом рынке; доля интеллектуальной собственности в стоимости бизнеса и др. Следует отметить, что, по данным академика Глазьева, по 49 из 60 показателей фактическое состояние экономики выглядит хуже предельно критического и только по остальным 11 показателям находится в пределах нормы.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на конкретные предложения и значительные теоретические наработки российских специалистов в области укрепления экономической безопасности и на своевременное принятие важных решений на законодательном уровне, текущая ситуация в экономике нашей страны находится под воздействием постоянно трансформирующихся как внутренних, так и внешних угроз. Особенно заметно это стало проявляться с 2014 г. с введением антироссийских санкций и активизацией агрессивных действий против России со стороны стран Запада. Поэтому необходимо незамедлительно приступить к практическим действиям на всех уровнях государственной власти по укреплению экономической безопасности страны с учетом теоретических разработок и рекомендаций ученых [1].

В связи с этим особый интерес представляет анализ макроэкономических индикаторов России в сопоставлении с соответствующими показателями по другим странам, в первую очередь по наиболее развитым, быстро развивающимся, а не заниматься сопоставлением их с пороговыми значениями внутренних показателей. Такой подход

позволит сравнить уровень экономического развития нашей страны с уровнем развития стран всего остального мира, что имеет особую важность в условиях глобализации.

Ниже представлена разработанная автором система индикаторов экономической безопасности, которая может применяться на всех уровнях управления и позволит оценить реальное состояние экономической безопасности Российской Федерации в современном мире. В этот перечень входят: ВВП на душу населения; валовое накопление капитала на душу населения; учетная ставка рефинансирования центрального банка; производительность труда в сельском хозяйстве; промышленности и строительстве; экспорт товаров и услуг на душу населения; уровень безработицы; а также уровень минимальной заработной платы относительно среднемесячного показателя.

ВВП на душу населения. Существуют две причины для того, чтобы рассматривать ВВП на душу населения, а не ВВП в целом. Изменение уровня жизни обусловлено изменением ВВП на душу населения, а не ВВП как такового. Кроме того, при сравнении стран с разной численностью населения величина ВВП для учета этих различий должна быть скорректирована, что и позволяет сделать показатель ВВП на душу населения [4, с. 216]. В долгосрочном периоде ключевым фактором постоянного увеличения ВВП на душу населения и повышения уровня жизни является технический прогресс. Поэтому данный индикатор отображает не только уровень жизни населения, но и общий уровень производительности труда.

Валовое накопление капитала на душу населения. В качестве движущих стимулов экономического роста можно рассматривать накопление капитала и технический прогресс. Следовательно, интенсивный рост ВВП на душу населения обусловлен двумя важнейшими факторами: увеличением капитала и совершенствованием старых и созданием новых технологий. Рассмотрим подробнее первый фактор. Капиталом называют товары, производимые экономической системой для того, чтобы применить их в качестве факторов производства для дальнейшего изготовления потребительских и инвестиционных товаров, а также услуг. Важной особенностью капитала является чистая производительность, которой он обладает, т. е. способность производить товары и услуги, по стоимости превышающие стоимость самого капитала за все время его пользования. Другая особенность капитала, которую необходимо учитывать, связана с законом убывающей доходности, согласно которому увеличение капитала на душу населения ведет ко все меньшему и меньшему увеличению ВВП на душу населения, при условии, что другие факторы производства остаются неизменными. На определенной стадии ВВП на душу населения перестанет расти. Дальнейший экономический рост может быть обе-

спечен техническим прогрессом. Улучшения в технологии сдвигают производственную функцию вверх, что ведет к увеличению ВВП на душу населения для данного уровня капитала. Как и в предыдущем индикаторе, валовое накопление капитала на душу населения необходимо рассматривать в сравнении с другими странами мира (данный показатель должен быть выражен в долларах США).

Учетная ставка рефинансирования центрального банка. Чистая производительность капитала представляет выраженный в процентах годовой доход, который вы сможете получить. Для того чтобы проект капиталовложений мог хотя бы окупить затраченные на него средства, выраженный в процентах его годовой доход должен быть равен рыночной норме процента. Государство, при помощи центрального банка устанавливая учетную ставку рефинансирования на низком или высоком уровне, в такой же последовательности влияет на рыночную норму процента и, как следствие, делает одни проекты капиталовложений прибыльными, а другие нет. Во время экономических кризисов центральные банки развитых стран снижают учетную ставку и тем самым делают прибыльными все больше инвестиционных проектов. Во время большого экономического роста, чтобы не допустить перегрева экономики, они вынуждены повышать рыночную норму процента и заставляют все больше инвесторов откладывать до лучших времен свои инвестиционные планы.

Помимо ставки дисконтирования центральные банки имеют два других важных инструмента монетарной политики: операции на открытом рынке и резервные требования. Операции на открытом рынке связаны с покупкой и продажей облигаций. Когда центральный банк покупает облигации, он платит за них, создавая деньги и увеличивая денежную массу; когда центральный банк продает облигации, он уменьшает денежную массу. Кроме того, центральный банк также может определять резервные требования – минимальную величину резервов, которую банки должны сохранять в пропорции к чековым депозитам. Данные три инструмента монетарной политики позволяют государству при помощи центрального банка существенно влиять на инвестиционный климат в стране.

Производительность труда в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве. Для того чтобы лучше понять, как формируется общий уровень производительности труда, необходимо в отдельности проанализировать производительность труда в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве, или в реальном секторе экономики, который непосредственно участвует в производстве материальных товаров. Для более точного анализа стоимостное выражение данных индикаторов можно дополнить показателями, выраженными в физическом объеме. В этом случае необходимо учитывать территориально-геогра-

фические особенности страны: ее размеры, плотность населения, климатические условия, которые оказывают большое влияние на эффективность производства тех или иных товаров на территории данной страны. Такой метод позволит полностью нивелировать существенные колебания, связанные со значительным изменением валютных курсов, влияющих на данные индикаторы, выраженные в долларах США.

Экспорт товаров и услуг на душу населения. Специализация и разделение труда являются ключевыми факторами в росте производительности труда. Этот же принцип действует и во взаимоотношениях между разными странами: международный обмен является эффективным средством превращения одного товара в другой; он дает больший эффект, чем если бы страна полагалась только на свое внутреннее производство. Д. Рикардо в 1817 г. превосходно доказал, что международная специализация выгодна для нации (получившая широкую известность теория сравнительного преимущества). Закон сравнительного преимущества не только предсказывает географическое размещение специализации и направление торговли, но показывает также, что благодаря торговле и вызванному ею росту совокупного мирового производства обе страны оказываются в лучшем положении.

При анализе внешней торговли стран в данной работе будет выделен еще один индикатор, а именно экспорт товаров и услуг на душу населения, который в сравнении с остальным миром будет характеризовать уровень вовлеченности страны в международное разделение труда и кооперацию.

Уровень безработицы. В большинстве стран наблюдается очевидная связь между изменением в уровне безработицы и темпом роста ВВП. Эта связь известна как закон Оукена. Данная зависимость показывает, что высокий темп роста ВВП обычно связан со снижением нормы безработицы, а низкий темп роста – с увеличением нормы безработицы. Высокий темп роста ВВП ведет к значительному росту занятости, поскольку фирмы нанимают больше работников для увеличения производства. Высокий темп роста занятости ведет к снижению безработицы. Когда темп роста ВВП падает, происходит обратное. Следовательно, норма безработицы дает макроэкономистам сигнал о том, какова ситуация в экономике и какой желательно иметь темп экономического роста [4, с. 29–30].

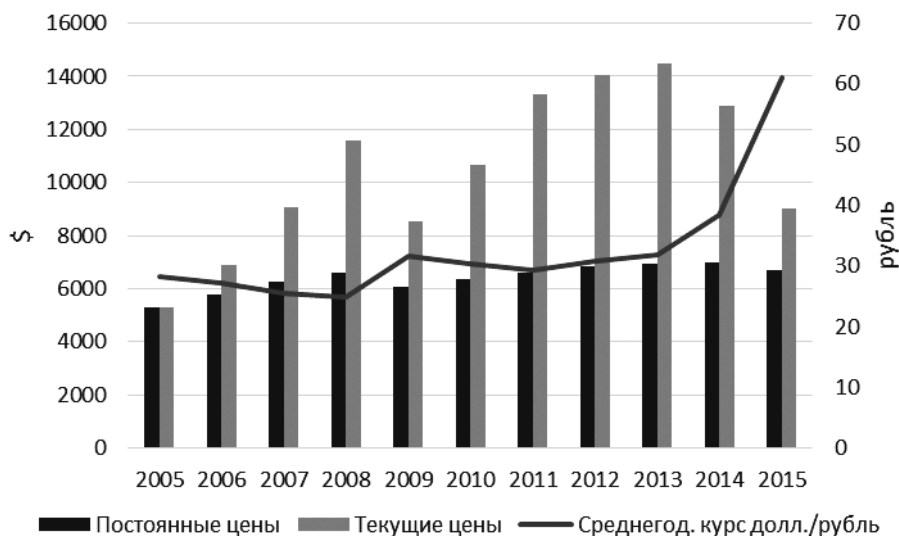
Уровень минимальной заработной платы относительно среднемесячного показателя. Для определения уровня благосостояния населения страны необходимо учитывать коэффициенты распределения дохода. Фактическое распределение доходов показывает кривая Лоренца, которая находится между двумя кривыми, представляющими случаи абсолютного равенства и абсолютного неравенства. В развитых странах неравномерность в распределении дохода меньше,

чем в развивающихся. Причиной этому является активное вмешательство государства в экономику страны при помощи денежно-кредитной и налоговой политики, а также установления минимальных уровней заработной платы. Чем ниже уровень минимальной заработной платы относительно среднемесячного показателя, тем выше дифференциация доходов бедных и богатых людей. И наоборот, чем ближе уровень минимальной заработной платы к среднемесячной, тем меньше становится разница между доходами богатых и бедных людей.

В качестве примера рассмотрим один из макроэкономических индикаторов экономической безопасности страны – ВВП на душу населения. Изменения показателя ВВП на душу населения России, выраженного в постоянных ценах, за последние десять лет были несущественными и носили плавный характер (см. рис. 1).

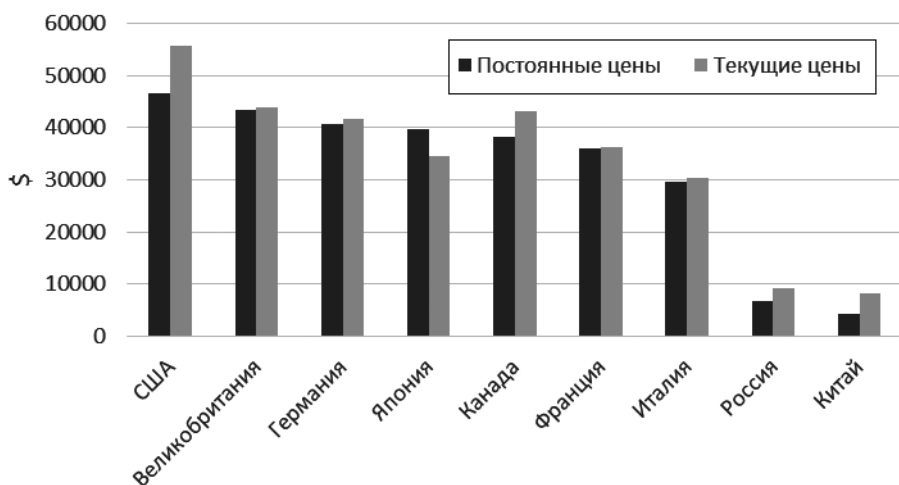
Однако на сегодняшний день существует ряд развитых стран, у которых данный показатель превышает \$40 000, и России необходимо начать наращивать реальные темпы экономического роста, для того чтобы догнать эти страны и выйти с ними на один уровень экономического и социального развития (см. рис. 2). Стоит отметить, что в 2009 и 2015 гг., когда цены на энергоносители очень заметно снижались на мировых товарных биржах, данный индикатор показывал отрицательные темпы прироста, что говорит о сильной зависимости экономики нашей страны от мировых цен на нефть и на другие природные ресурсы. Поэтому также необходимо проводить диверсификацию экономики, а именно направлять большую часть выручки, полученную от продажи нефти, на инвестиционные проекты, а не на потребительские расходы.

ВВП на душу населения, выраженный в текущих ценах, помимо реального производства товаров и услуг отражает также денежно-кредитную политику как в реальном секторе экономики, так и в финансовой сфере. Отчетливо видно, что начиная с 2006 г. данный показатель, выраженный в текущих ценах, превышал его уровень, выраженный в постоянных ценах, и изменения носили скачкообразный характер. Максимальное значение за рассматриваемый период, равное 14 501 долл. было достигнуто в 2013 г. и более чем в два раза превышало ВВП на душу населения, выраженный в постоянных ценах. Такая ситуация связана с высокими ценами на энергоресурсы на мировом рынке. Но стоит отметить, что мировые цены на нефть и другие природные ресурсы формируются на товарных биржах развитых стран, т. е. находятся под контролем правительств зарубежных государств. Данные обстоятельства создают реальную угрозу экономической безопасности нашей страны и, как уже отмечалось выше, необходимо проводить диверсификацию экономики и направлять все больше ресурсов на производство капитальных благ, которые позволят повысить уро-

Источник: составлено автором по: UNCTAD, UnctadStat, Data Center.

Рис. 1. ВВП на душу населения России в постоянных и текущих ценах и среднегодовой курс долл. США, в руб. (2005–2015 гг.)

Источник: составлено автором по UNCTAD, UnctadStat, Data Center.

Рис. 2. ВВП на душу населения стран «G7», России и Китая, в постоянных и текущих ценах (2005–2015 гг.)

вень производительности труда и, благодаря этому, сделают положение нашей страны более устойчивым на мировом рынке производства товаров и услуг.

Предлагаемая методика диагностики макроэкономических индикаторов экономики России в сравнении с соответствующими показателями передовых стран мира позволит в итоге выстроить постоянно

действующую систему мониторинга экономической безопасности, способную объективно оценивать уровень угроз экономической безопасности страны и предлагать комплекс мер по выходу из сложившейся неблагоприятной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерен В.И. Экономическая безопасность государства: угрозы и индикаторы // Экономика российских организаций: проблемы и решения. М.: РФФИ, 1 июня 2015. С. 28–40.
2. Караваева И.В., Иванов Е.А. Четверть века российского рынка: результаты, риски, новые ориентиры // Федерализм. 2016. № 3. С. 67–82.
3. Караваева И.В. Бюджетная концепция 2017–2019 гг. в контексте социально-экономической безопасности России // Федерализм. 2017. № 2. С. 117–126.
4. Бланишар О. Макроэкономика. 3-е изд. М.: Феникс, 2015.
5. Самуэльсон П. Экономика. М.: Прогресс, 1976.
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России. Общий курс. М.: БИНОМ, 2015.
7. Сенчагов В.К., Гельвановский М.И., Караваева И.В. и др. Оптимизация индикаторов и пороговых уровней в развитии финансово-банковских и ценовых показателей в системе экономической безопасности РФ. М.: ИНФРА-М, 2017.

А.М. CHUBUKOV

graduate student of the Institute of economics of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
alexchubik@gmail.com

MACROECONOMIC INDICATORS OF ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

The system of indicators of economic security of the Russian Federation of both macroeconomic, and branch levels which are considered by the author in comparison to the corresponding indicators over other countries – both on the most developed and on quickly developing is presented in the paper. Such approach would allow to compare the level of economic development of our country, to define its place in the world economy and to estimate the level of real threats of economic security of Russia that is very important in the conditions of globalization.

Keywords: macroeconomic indicators, economic security, GDP per capita, gross capital formation per capita, labor productivity, discount rate, unemployment rate, minimum wage level.

JEL: E20, E40, E50.